Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 15 АПРЕЛЯ 7—8

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП (б)

СОДЕРЖАНИЕ

1 9 2 7

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ

«П Р А В Д А»

Главлит № 85922. Москва. Тираж 85.000 экз.
Тип. изд-ва «Правда» и «Беднота», Яузский мост, Серебряническ. набер., д. 23а.

Революция и контрреволюция в Китае.

Та грандиозная социальная буря, которая разыгрывается на Востоке, имеет бесспорно мировое значение. Героический китайский пролетариат ведет борьбу сейчас на передовых позициях *мировой* революции. Против революционного Китая ополчился *мировой* империализм; вся международная капиталистическая пресса вопит о надвигающейся с Востока угрозе мировой «цивилизации», с остервенением травит китайских революционеров. В Китае огнем и мечом, революционной массовой борьбой решаются вопросы жизни империализма, решается вопрос о том, быть или не быть четвертой части населения земной планеты под железной пятой Сити и Уолл-Стрита. В огромной степени именно в Китае решается вопрос о новой всесветной империалистической войне. Судьбы единственного в мире пролетарского государства, судьбы СССР в очень серьезной мере связаны с судьбами революции в Китае. В своем развитии китайская революция подняла и подымает с самой жгучей остротой боевые вопросы ленинизма, ленинской теории, ленинской стратегии и тактики борьбы.

Нельзя ничего понять в китайских событиях, если не будет разрешен самый основной, самый принципиальный вопрос—о *характере* великой китайской революции. Последний, VII расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала определил сущность китайской революции, как революции антиимпериалистической *буржуазно-демократической*, ведущей к революционно-демократической *диктатуре пролетариата и крестьянства* и могущей в условиях ее победоносного хода быть переведенной на *социалистические* рельсы. Необходимо совершенно отчетливо уяснить себе все диалектические звенья этого определения *сути* китайской революции. Тот, кто не понимает буржуазно-демократических тенденций китайской революции, кто, скажем, станет отрицать наличие феодального барьера, стоящего на пути развития производительных сил Китая,—а такие люди, ревизующие положения *Маркса и Ленина* о феодализме в Китае, имеются, напр., в среде нашей оппозиции,—тот не сможет об'яснить огромной революционной активности китайского крестьянства, напирающего со всей силой на феодально-ростовщические ткани в экономике Китая.

С другой стороны, для того, кто не уразумеет *социалистических* тенденций революции в Китае, навсегда останется чуждой

мысль о возможности *гегемонии* китайского пролетариата в массовом революционном движении, в борьбе с империализмом и в борьбе за новый общественный порядок, тот будет неизбежно предлагать тактику, срывающую гегемонию пролетариата.

Борьба за торжество последовательно-революционной перспективы в Китае предполагает самое тщательное уяснение особенностей обстановки, в которой приходится «делать историю» китайским рабочим. Тот не ленинец, тот не большевик, кто легкомысленно упускает из виду *особые* черты обстановки китайской революции, «забывает» про *особые трудности* борьбы.

Жонглирование бесцветными «аналогиями», игра в «хлестские» исторические сравнения составляет типичную черту некритического *халтурного* «ленинизма», представляющего собой на деле троцкистскую *карикатуру* на ленинизм. Так, одно время, было принято «сравнивать» китайскую революцию с русской революцией 1905 года, *без надлежащих, абсолютно обязательных* оговорок. За последнее время у некоторых вошло в моду механически уподоблять нынешний этап китайской революции периоду «от Февраля к Октябрю» в нашей революции 1917 года.

На примере последней аналогии можно очень хорошо понять, что значит фальсификация ленинизма.

Для каждого революционного марксиста, для любого настоящего ленинца совершенно *обязателен* строжайший учет сил революции, трезвый анализ удельного веса пролетариата, как самой революционной силы, прежде всего. Уже тут выступает очень значительное отличие китайской обстановки от нашей обстановки в 1917 году. Ведь бросается же в глаза элементарнейшая вещь, элементарный факт социальной статистики. У нас соотношение пролетарского и всего населения измерялось отношением 1 : 30. В Китае это соотношение другое: на *3 миллиона* индустриальных рабочих приходится, приблизительно, *400 миллионов* всего населения вообще. Если у нас количественный вес пролетариата определяется отношением *единицы к тридцати*, то в Китае он соответственно определяется отношением *единицы к ста тридцати*. 1/30 и 1/130—это очень серьезная разница, которую дико не замечать. Но уже из этой разницы вытекают очень важные выводы. Раньше всего тот вывод, что задача руководства китайских коммунистов гораздо *труднее* и *сложнее*, чем для русских большевиков в 1917 году. А с другой стороны: если для нас в 1917 году основной и важнейшей задачей для российского пролетариата была задача повести крестьянство за собой, то и *подавно* это является *решающей* задачей для относительно малочисленного китайского пролетариата. Если для нас самой большой опасностью было бы иметь деревню против себя, то для китайского пролетариата *тем более* грозна *опасность изоляции*.

Другим в огромной степени затрудняющим и усложняющим борьбу китайских рабочих специально в данный исторический период обстоятельством является нынешнее *международное положение*. Любители дешевеньких аналогий, люди, которым предпочтительнее высосать ход китайской революции из пальца, вместо того, чтобы ее анализировать конкретно—забывают капитальное, коренное отличие мировой ситуации 1917 года от теперешней мировой ситуации. Удивительнейшим образом прозевывают «мелочь». В 1917 году, когда рабочий класс России шел октябрьским походом, международный империализм был расколот на *два воюющих куска*, габсбургско-гогенцоллернская клика старалась перегрызть горло антантовской, антантовская платила ей тем же. Бушевала империалистическая бойня.

Теперь, когда на историческую дорогу вышли мужественные пролетарии Китая, международное положение *другое. Другое!*

Войны в империалистическом лагере *нет*. Разумеется противоречия между империалистами существуют, и они будут существовать до тех пор, пока существует империализм. Китайская революция должна и будет использовывать эти противоречия. Но важнейшая отличительная черта остается: империалисты *не воюют* друг с другом. Напротив, они пытаются сколотить *единый фронт* против революционного Китая. Если китайская революция направлена против империализма в целом, если она носит ярко выраженный антиимпериалистический характер, то империализм в целом, с другой стороны, резко агрессивен по отношению к китайской революции.

В 1917 году империалисты воевали *друг с другом*—это *расчищало* Октябрю дорогу; в 1927 году они *сообща* выставляют пушки против Китая,—это в величайшей степени затрудняет, *загораживает* путь китайской революции, требует от китайского пролетариата небывалой выдержки и напряжения, в неслыханной мере *усложняет* борьбу для юной китайской компартии.

В 1917 году мировой империализм не занимал у нас тех хозяйственных и военно-стратегических командных высот, какие он занимает теперь в Китае, *внутри* революционного Китая, в Кантоне, в самом сердце революции—в Шанхае. «Концессий» и «сеттльментов» не было ни в Москве, ни в Питере. Но *они существуют*, и они вооружены до зубов в крупнейших городских центрах Китая. Положение Питера было куда благоприятнее положения современного Шанхая. В питерском порту стоял красный крейсер «Аврора», его пушки были направлены на врагов революции,—а ведь в шанхайском рейде снуют дредноуты империалистических палачей. И после этого находятся еще люди, которые тщатся «об'яснять» китайскую революцию рябческими схемами! Поменьше бы таких «об'яснителей», поменьше бы таких советчиков!

Положение китайских товарищей труднее еще и тем, что китайская компартия еще молода, не имеет того боевого опыта какой был накоплен нашей большевистской партией к 1917 году У китайской революции нет и своего *Ленина*.

Но из различия социально-классовой обстановки, из различия международной ситуации, из различной степени зрелости российского пролетариата (1917) и китайского (1927) неизбежно вытекает и *разница в темпе* развития обеих революций. Только совершенно исключительное сочетание благоприятных условий об'ясняет тот изумительно быстрый темп революционного процесса, свидетелями которого мы были в 1917 г. в России: в феврале над Россией парила двухглавая хищная птица, а в октябре засияла советская звезда.

В Китае революционный процесс идет неизбежно более медленным темпом. Процесс этот неизбежно проходит там мучительнее, осложнения происходят гораздо чаще. Неизбежны частичные поражения, неизбежны перегруппировки революционных рядов. Кривая революционного развития Китая неизбежно более извилиста, чем она была у нас. Только в смене отливов и приливов, только мобилизовав под знамя революции огромнейшие пласты народа, ведя за собой миллионы крестьян, городской бедноты, проходя через горнило временных поражений, временно отступая и с новыми силами идя в бой, используя существующие в рядах врага противоречия, непрерывно закаляя в огне классовой борьбы свой революц. опыт, придет к победе рабочий класс Китая.

Трудно представить степень напряжения противоречий между интересами масс и интересами империализма, степень той остроты их взаимоотношений, какие имеются в современном Китае. Именно поэтому так огромен, несмотря на все трудности, заряд революционной энергии в китайских массах, пролетарских и крестьянских. Именно поэтому китайская революция идет и пойдет вперед, несмотря на шанхайское и кантонское поражения, несмотря на измену Чан-Кай-Ши и К⁰. Массы *левеют* и сплачиваются вокруг пролетариата, киткомпартия растет и *будет расти*.

* * *

Определяя восходящую кривую революционного движения в Китае, VII расширенный Пленум ИККИ формулировал следующим образом последовательные стадии революции:

«Последовательные стадии развития революционного движения в Китае характеризуются серьезными перегруппировками общественных сил. На первом этапе одной из важнейших движущих сил была национальная буржуазия и буржуазная интеллигенция, искавшие опоры в рядах пролетариата и мелкой буржуазии.

На втором этапе характер движения меняется, и его социальная база передвигается в сторону другой классовой группировки. Развиваются новые более революционные формы борьбы. На арене Китая в качестве первоклассного политического фактора появляется рабочий класс.

Экономические стачки перерастают в политическую борьбу с империализмом и приобретают исключительно-важное, всемирно-историческое значение. Пролетариат образует блок с крестьянством, активно выступающим на борьбу за свои интересы, с мелкой городской буржуазией и частью капиталистической буржуазии. Это сочетание сил нашло свое политическое выражение в соответствующей группировке в партии ГМД и кантонском правительстве. В настоящий момент движение находится на пороге к третьей стадии, накануне новой перегруппировки классов. На этой стадии развития основной силой движения является блок еще более революционного характера—блок пролетариата, крестьянства и городской мелкой буржуазии, при *устранении* большей части крупной капиталистической буржуазии... Гегемоном движения на этой стадии все более и более становится пролетариат»...

Такова общая установка Коминтерна по «китайскому вопросу», таково понимание им направления революционного процесса.

Мы видим, что Коминтерн предсказывал *неизбежность дифференцировки* единого национального антиимпериалистического движения, обострение классовой борьбы и отход и прямое *устранение* буржуазии от революции.

Коминтерн со всей силой и ясностью, не оставляющими никаких сомнений, выдвинул идею *гегемонии пролетариата* в революционной борьбе. Только люди, пребывающие в состоянии блаженного «неведения», либо склонные из паники удариться в сплетню, могут приписывать Коминтерну иллюзию нерушимого блока с буржуазией, чуть ли даже не «замазывание» классовой борьбы в Китае. Только те, кто жаждет на кликушестве наскрести политический капиталец, могут недостойно *клеветать* на Коминтерн и заявлять, что, вот-де теперь, в результате последних событий в Китае (Шанхай, Кантон) Коминтерну придется «пересматривать» свою линию. Линия Коминтерна была *правильной*, правильной *целиком и полностью*; линия Коминтерна была, есть и остается *единственно революционной*.

Коминтерн дал верную установку линии по китайскому вопросу. Он впервые совершенно точно определил сущность китайской революции, определил возможные пути развития Китая (кемалистский и социалистический варианты). Он предвосхитил и черным по белому об этом написал. Он решительно отчеканил свою ставку на *гегемонию* китайского рабочего класса.

Принципиальные общие решения Коминтерна были приняты еще в декабре прошлого года. С тех пор китайская революция вступила в третью стадию (как ее называет резолюция пленума ИККИ).

Коминтерн в полном контакте с китайской компартией давал следующую конкретную установку работы китайских коммунистов. Вот некоторые из директив Коминтерна китайским товарищам:

1) Нужно не затушевывать, не тормозить, а, наоборот, развязывать революционную классовую борьбу.

2) Нужно максимально развертывать рабочее движение в целом.

3) Не только не ставить рогатки стачечному движению, но его всячески расширять и углублять, придавать ему *организованный* характер, переводить его на *политические* рельсы.

4) Держать курс на гегемонию пролетариата в наиболее широкой массовой организации Китая—в Гоминдане.

5) Систематически оттеснять правые буржуазные элементы из Гоминдана, ориентируясь на их вытеснение.

6) Вести критику и разоблачать политику правых лидеров Гоминдана и правых членов нацправительства. Китайская компартия, выступавшая против политики Чан-Кай-Ши, была Коминтерном поддержана целиком.

7) Вести линию не на выход киткомпартии из Гоминдана, а на его завоевание.

8) Вести политику глубоких аграрных реформ, действительно освобождающих китайское крестьянство от гнета, от феодально-ростовщической кабалы.

9) Вооружение рабочих и создание местных органов крестьянской самообороны.

10) Повсюду и везде, во всех массовых организациях трудящихся *мобилизовывать массы* под знамена компартии, демонстрировать линию компартии, развивать ее программу.

11) Не поддаваться на провокацию империалистов и перебежчиков к ним, стараться не принимать вооруженного боя тогда, когда это выгодно врагу, а пролетариату невыгодно.

Такова линия Коммунистического Интернационала, таковы руководящие указания штаба мировой революции. Похоже ли это хоть в отдаленной степени на то, что Коминтерну присочиняют, не давая себе труда поразмыслить над *документами*, коридорные кликуши, те, которые прикидываются «советчиками», а на деле являются *дезорганизаторами* работы Коминтерна?

События, развернувшиеся в Китае за последние два—три месяца, целиком подтвердили ориентировку Коминтерна, его прогнозы, выявили сигнализированные им опасности.

Как раз за последние месяцы интенсивно проходило размежевание сил революции, перегруппировка социально-классовых сил. Резко обострилась борьба с империализмом. Но одновременно резко обострилась внутренняя борьба в рамках национально-революционного фронта. Правые элементы последнего, правая часть нац. пр-ва, верхушка генералитета во главе

с Чан-Кай-Ши, право-гоминдановские лидеры, напуганные размахом массового революционного движения, с одной стороны, и подстрекаемые «близостью» империалистов, с другой,—стали шарахаться прочь от революции и за кулисами зондировать почву для возможного блока, соглашения с империализмом.

Между так наз. «нанчанской» и «уханской» группой произошел характерный конфликт по вопросу о столице. «Нанчанцы»—правые—требовали, чтобы местопребыванием национального правительства был *Нанчан*, в котором находился военный штаб Чан-Кай-Ши. Нанчанцы хотели, чтобы нац. пр. попало в «сферу влияния» чанкайшистского генералитета. «Уханцы»—левые—и большинство ГМД настаивали на месте пребывания правительства в Ухане—Ханькоу, где работа правительства могла бы протекать в контакте с массами и быть под контролем рабочих. Разногласия внутри Гоминдана обострились. Они отчетливо выплыли наружу во время последнего, мартовского, пленума ЦК партии Гоминдана. Левые элементы ГМД, поддержанные большинством пленума выступили против «феодальных замашек» Чан-Кай-Ши, против его диктаторских поползновений, против его «игры в Наполеона». В то же время массы городских рабочих и даже крестьянские конференции стали выносить резолюции протеста против политики Чан-Кай-Ши и требовать его отстранения. На пленуме Гоминдана правые потерпели поражение, Чан-Кай-Ши счел вынужденным пуститься на маневры. Он заявил о своей верности принципам сун-ят-сенизма и революции, он обязался подчиняться всем директивам партии и партийной дисциплине. Он был лишен Гоминданом функций политического руководства в армии. Генерал Чан-Кай-Ши сманеврировал, на время отступил. Но только на время. Он стал вербовать себе сторонников, нащупывал блок с империалистами. Таким образом он подготовлял контрреволюционный переворот. В первых числах апреля ситуация сложилась в пользу Чан-Кай-Ши. Она была благоприятной для его предательства не в том смысле, что Чан-Кай-Ши собрал вокруг себя массы; напротив, в сознании масс подмоченный уже раньше «авторитет» Чан-Кай-Ши стал меркнуть с каждой неделей. Чан-Кай-Ши нужен был для революции, пока он делал революционное дело, ведя национальные войска в бой против реакционных милитаристов. Но с тех пор, как карательные военно-морские отряды империалистов стали концентрироваться в Шанхае, будущий Кавеньяк стал все явственнее вести себя, как «сума переметная». Именно наличие империалистической эскадры в порту Шанхая, первоклассно технически вооруженных военных сил империализма *решило* в пользу Чан-Кай-Ши. Договорившись с иностранными консульствами, имея за спиной империалистические дредноуты, агенту Чан-Кай-Ши—Бай-Цзун-Ши—нетрудно было «пустить кровь» шанхайским рабочим. Маленькая провокация, маленькая перестрелка—и повод

для палаческой расправы готов. Ван-Цзун-Ши арестовывает рабочих вождей, громит профсоюзные организации, разоружает красную гвардию Шанхая, подло расстреливает безоружную пролетарскую демонстрацию протеста. А за шанхайской расправой следует расправа в Кантоне.

Шанхайские и кантонские поражения китайского пролетариата проводят глубокую *межу* в истории освободительного движения Китая. Они знаменуют глубокую *смену ситуации* на социально-политической поверхности Китая. Шанхаем и Кантоном в драматической кризисной форме завершен отход китайской буржуазии от революции. Иуда Чан-Кай-Ши, лобызаемый чемберленовскими псарями в Шанхае, это символ того, что китайская буржуазия открыто подала руку империализму. Генерал *Чан-Кай-Ши*—перебежчик и предатель; он—*знамя национальной контрреволюции*. Китайская буржуазия ушла от революции. Мало этого, она террором и расстрелами пытается «уйти» самое китайскую революцию. Теперь поступательное развитие революции в Китае возможно только на социальной базе рабоче-крестьянского блока. *К массам*, как можно теснее к массам!—таков должен быть ответ китайских революционеров, китайских коммунистов на чанкайшистские оргии в Шанхае. Все видимые материальные силы, как будто, на стороне контрреволюции и империализма. Но на стороне революции еще остается, еще далеко не исчерпана самая могучая «материальная сила», *сила масс*, масс, разбуженных от тысячелетней спячки, масс, неудержимо левеющих и под влиянием агитации красных рабочих, и с неменьшей силой агитируемых *за* революцию англо-американскими пушками, подлостью и трусостью национальной буржуазии, изменой господ Чан-Кай-Ши. Не нужно забывать и о других козырях китайской революции: о симпатиях ей и поддержке ее растущим пролетарским СССР и о борьбе с империализмом, которую поведут его «собственные» рабочие.

Мы знаем теперь, какова линия Коминтерна в китайском вопросе. Мы знаем, как определял Коминтерн характер китайской революции, какие прогнозы он видал, какую систему стратегических и тактических приемов он предлагал китайским товарищам. Линия Коминтерна и линия китайской компартии ясна и определенна. Нуждается ли эта линия в пересмотре *теперь?* Не требуется ли ее, в результате последних событий в Китае так или иначе «ревизнуть»? Не говорят ли эти события, что тактическая линия Коммунистического Интернационала была «ошибочкой»? Такие вопросы непрочь «ехидно» поставить кое-кто из «всеведущих» в своем политическом одиночестве наших оппозиторов. И если среди членов нашей партии найдется хоть несколько сот *добросовестных заблужденцев*, которых смущают разносчики оппозиционного «ленинизма», мы должны на примере разбора оппозиционной путаницы *раз'яснить* их «добросовестные заблуждения».

Оппозиция с большей или меньшей дозой откровенности предлагает «поправить дело» *выходом* китайских коммунистов из *Гоминдана*. О необходимости выхода из Гоминдана оппозиционные «китаеведы» поговаривали уже давно.

Выйти коммунистам из Гоминдана—это значит добровольно лишить себя участия в *наиболее широкой массовой организации* революционного Китая. Выйти из Гоминдана значит «самоустраняться» от организационной связи с живущими сознательной политической жизнью и примыкающими к Гоминдану китайскими рабочими и крестьянами. Выходить из Гоминдана значит вести линию на *изоляцию* китайской компартии *от масс*, вместо того, чтобы вести курс на *завоевание масс*. Выходить из Гоминдана значит на деле отдать Гоминдан его правым элементам, значит преглупеньким образом добровольно предоставить синее знамя Гоминдана гг. Чан-Кай-Ши и присным. Правильность курса на завоевание оправдывается уже теперь эмпирическим ходом событий. Чан-Кай-Ши пытается сейчас создать фиктивный «свой», нанкинский Гоминдан для того, чтобы одурачить массы, в глазах которых авторитет Гоминдана огромен. Главарь национальной контрреволюции пытается напялить *фальшивую бороду*, маскироваться под Гоминдан! Ему едва ли это нужно было бы, если б киткомпартия сама ему облегчила работу своим выходом из Гоминдана. Теперь Чан-Кай-Ши имеет ханькоусский, настоящий Гоминдан *против* себя; при тактике «выходженцев», он имел бы Гоминдан на своей стороне. Одним из серьезнейших критериев правильности избранной революционной партией тактики служит суждение о ней врагов. И вот замечательно, что вся *империалистическая пресса* единодушно сходится на необходимости выхода или «вывода» коммунистов из Гоминдана. Лютый враг китайской революции «тоже» за выход компартии из Гоминдана, потому что он сознательно ставит ставку на *изоляцию* коммунистов. Оппозиция, видите ли, пророчески предвидя измену Чан-Кай-Ши, как раз и предлагала китайской компартии выйти из Гоминдана. И вот, какой пассаж! В письме к одному из армейских командиров, Чан-Кай-Ши заявляет, что ему *симпатична оппозиция в ВКП(б) за то, что предлагает правильную тактику китайским коммунистам!* [1]). Не слишком ли это крепкий табак? Получить одобрение от вождя китай-

[1]) Вот заявление его (Чан-Кай-Ши) командиру 6-го корпуса Чен-Чиму «*Я вовсе не против русских коммунистов, я только против правого крыла ВКП, во главе которого стоит Сталин, но я знаю, что в ВКП имеется и левое крыло, возглавляемое Троцким и Зиновьевым. С ними я готов сотрудничать*, так как левое за полную поддержку национальной революции в Китае и *за выход коммунистов из Гоминдана*, в то время, как правое, хотя также за поддержку национальной революции, но против выхода коммунистов из Гоминдана».

ской контрреволюции за предложение коммунистам выхода из Гоминдана!

В тесной связи с лозунгом «выхода» стоит лозунг захвата власти советами в Китае. Механическое копирование нашего периода от «Февраля к Октябрю» сказывается здесь особенно ярко.

Между тем бросать лозунг власти советов в Китае, *сейчас* значит не отдавать себе полного отчета в том, что советы должны стать *органами восстания против Гоминдана*. Лозунг советов *теперь* означал бы выступление против *революционного* Гоминдана, выступление против *Ухана*, против *левых гоминдановцев*. А между тем Ухан теперь является базой *нашей* борьбы против чанкайшистской клики. Выступать против Ухана значит на деле «*помогать*» Чан-Кай-Ши.

Лозунг выхода из Гоминдана, лозунг немедленного создания советов в Китае, увязывается *с тактикой восстания* теперь, и в частности во время последних шанхайских событий. А «с восстанием *шутить нельзя*»,—учил Ленин. Если восставать— нужно смело и решительно. Но восстание может иметь успех— гласит учение ленинизма о восстании—лишь *при определенных условиях*. Итти на восстание нужно тогда, когда лагерь противника максимально дезорганизован, когда противник особенно слаб. Этого мы *не имели* в Шанхае, где, наоборот, противник усилился блоком с могущественным союзником—империализмом. Итти на восстание можно тогда, когда массы подготовлены, мобилизованы, организованы, а этого *нет* еще в достаточной степени в Китае. Итти на восстание нужно тогда, когда «кризис назрел». Тактика восстания во что бы то ни стало есть неленинская тактика, это есть тактика *ультра-левого путчизма*.

Советы, или своеобразные массовые организации, аналогичные нашим советам, могут быть созданы и будут созданы в результате победоносного развития массового революционного движения. Но они будут созданы в свое время и в своей оригинальной форме. Советы могут быть *результатом* развития массового революционного движения, но не массовое движение может быть «создано» механическим выбрасыванием лозунга советов. Бросать лозунг создания власти советов в Китае сейчас, пока еще реальных советов нет в Китае, выходить для этого из Гоминдана, бежать прочь от реально существующих массовых организаций, означало бы для китайской компартии путь *сектантского вырождения*, потерю влияния в массах, а для китайского пролетариата это было бы равносильно утрате возможной гегемонии в революционном движении.

Этого ли могут желать сознательные рабочие и революционеры, большевики-ленинцы всех стран? Нет, они хотят не поражения, а *победы* китайской революции. Именно поэтому они горой стоят за линию Коминтерна. И пусть ревизионисты Коминтерна останутся «при себе».

А. С.

К характеристике идеологии современной социал-демократии.

(*Статья вторая*).

Курс на государственный капитализм и «поправка» на хозяйственную демократию.

Отказ от перспективы социалистической революции обязывает идеологов социал-демократии дать другую перспективу.

Средней линии при этом не дано: отрицая необходимость и неизбежность *социалистической* революции, социал-демократы неотвратимо вступают на путь содействия дальнейшему *капиталистическому* развитию.

В самой общей форме лозунг дан Каутским. Полемизируя с революционными марксистами, Каутский останавливается перед альтернативой [1]):

> «Или социализм везде немедленно возможен и лишь от нашего желания, нашего твердого решения или хитрости зависит его осуществление, или же—так как человек с здравым смыслом едва ли будет это утверждать—там, где социализм неосуществим немедленно, социалистам ничего другого не остается, как лечь спать».

И находит *третий* путь. Он отклоняет перспективу социалистической революции; вместе с тем он считает «неудобной» для социал-демократов и вторую перспективу—«ложиться спать».

> «Социалисты должны,—заключает К. Каутский,—сделать капитализм немного менее неприятным» [2]).

Нельзя придумать лозунга более характерного для социал-демократической политики.

При честном решении вопроса Каутский должен был бы признать, что «ложиться спать» все же более «порядочно», чем «делать капитализм немного менее неприятным».

Ибо в *первом* случае мы имели бы—с революционно-пролетарской точки зрения—*дезертирство*, *во втором* же случае налицо—*прямая измена, прямой переход на сторону классового противника*.

Но Каутские—не стеснительны. У них хватает бесстыдства рекламировать себя как пролетарских революционеров и вместе с тем почитать своей основной заботой, высшим принципом своей деятельности «причесывание» капитализма, привлечение пролетариата на сторону капитализма.

---

[1]) «Phasen und Zeitschriften des Marxismus» von Karl Kautsky. «Die Gesellschaft», 1924, № 1, стр. 23.

[2]) Там же, стр. 24.

Социал-демократы полагают, что время работает на капитализм, что, с их помощью, капитализм сегодняшнего дня более приемлем, чем капитализм вчерашний, что уже теперь капитализм находится в стадии перехода к «организованному» капитализму, в рамках которого, по мнению Гильфердинга, вместе с ростом организованности, улучшается и положение пролетариата [1]).

Но что представляет собой конкретно «организованный» капитализм, перспективы которого рисуют социал-демократы?

В резкой, отчетливой форме ответ на этот вопрос дается в популярном социал-демократическом учебнике, на котором мы уже останавливали внимание читателя [2]):

«Но в период своего упадка капиталистическое хозяйство, не ограничиваясь акционерными обществами, картелями и трестами, *дает начало росткам новой, социалистической формы: государственному капитализму, который с одинаковым правом можно назвать государственным социализмом*».

«Работа чистая»—не правда ли? Социал-демократ *против социалистической революции*, без совершения которой невозможно строительство социализма. Социал-демократ высказывается поэтому за *государственный капитализм* и об'являет, что этот «государственый *капитализм*» «с одинаковым правом» можно называть и «государственным *социализмом*». Логика-то, логика-то прямо «железная»: «государственный = государственному», значит «капитализм = социализму».

«Капитализм = социализму»—разве это не сочно, разве можно желать большей определенности и закопченности социал-демократического взгляда на «вещи»?

Карл Каутский, в своих комментариях к гейдельбергской программе социал-демократии [3]) стыдливо прикрывает идеологию государственного капитализма, но, по сути дела, обеими ногами стоит на почве этой идеологии.

«Маркс и Энгельс,—пишет он,—поэтому постоянно отказывались рассматривать огосударствление средств производства в такой стране, как социализацию или обобществление. Этот род огосударствления, напротив, представляет собою вид *государственного капитализма*—самой тяжелой и мучительной формы капитализма, так как она об'единяет силы частного капитала с силами государства.

Огосударствление является с точки зрения социал-демократии социалистическим лишь *во вполне демократическом государстве* с сильным пролетариатом, самостоятельным в идейном и организационном отношении».

Это положение Каутского интересно не столько с практической, сколько с теоретической стороны.

Практически, конечно, социал-демократы не способны провести никакого огосударствления средств производства (они, сие уже доказали).

---

[1]) См. «Problem der Zeit» von R. Hilferding. «Die Gesellschaft», 1924, № 1.

[2]) «Die Theorie des modernen Sozialismus»,von Rudolf Abraham, Berlin, 1923, стр. 117.

[3]) См. «Das Heidelberger Programm». Grundsätze und Forderungen der Sozialdemokratie. Verlag Dietz, Berlin, 1925, стр. 20.

Теоретически же идея огосударствления средств производства в условиях буржуазной демократии (= капиталистического государства) есть ярчайшее выражение государственно-капиталистической тенденции.

Такое огосударствление означает, что производство, ведущееся на *капиталистических* принципах, переходит в руки классово-*буржуазного* государства, в каких бы распродемократических одеждах последнее ни выступало.

При этом не надо забывать, что социал-демократические «прожектёры» мыслили и мыслят огосударствление производства только на основе «справедливого вознаграждения», выплачиваемого государством (об этом Каутский говорит в своих комментариях к гейдельбергской программе совершенно недвусмысленно), из чего следует, что «львиная доля» прибыли огосударствленных предприятий должна была бы уходить на «возмещение убытков» капиталистов, вновь аккумулирующих громадные капиталы и использующих свою экономическую силу для руководства государственной политикой.

«Организованный» капитализм Гильфердинга равен *«государственному» капитализму* Каутского, хотя Каутский и не хочет прямо признать, как некоторые его сотоварищи по партии, что государственный социализм = государственному капитализму.

Однако, если эта программа государственно-капиталистической реформы свидетельствует о том, что *теоретически* социал-демократы выражают устремления *предельной* капиталистической формации (вполне мыслимой *теоретически*), то практика социал-демократов, как мы уже отметили, доказывает, что они не в состоянии осуществить и эту программу.

Она для них слишком радикальна; проведению ее мешает воспитанное десятилетиями пресмыкательство перед капиталистами, в среде которых на данной стадии развития господствует отрицательное отношение к идее огосударствления средств производства, хотя бы и за «справедливое вознаграждение».

Разве весь план «социализации», о котором поговаривали пришедшие одно время к власти социал-демократы, не являлся, с теоретической точки зрения, прежде всего, планом государственно-капиталистической реорганизации современного капитализма?

И разве вся эта словесная «социализация» не обанкротилась самым постыдным образом?

Социал-демократы обещали, что добившись политической демократии и определяющего влияния на государственную политику, они проведут свой план «социализации», хотя и не «одним ударом».

Историческая проверка поставила крест на всех планах социализации: мыши грызут теперь большие тома с проектами, расчетами, выкладками о «социализации».

Но если обанкротился план «социализации», т.-е. широкой государственно-капиталистической реорганизации производства,—то не пора ли поставить вопрос попрактичнее? Не пора ли перейти к более мелким и легким задачам, к «малым делам»? Не пора ли понемножку помогать развиваться тем элементам государственного капитализма, которые имеются в современном буржуазном хозяйстве,—и при этом для ясности отбросить ту-

манную фразеологию о «социализации», «государственном *социализме»* и пр.?

Такая «ультра-реалистическая» постановка вопроса все чаще проскальзывает в речах и статьях социал-демократических «дельцов». Примером подобного подхода к вопросу может послужить статья социал-демократа Ф. Бааде в органе социал-демократического профсоюзного центрального комитета «Die Arbeit» [1]).

Автор намечает, прежде всего, перспективу развития:

> «Государство превратилось в первостепенную экономическую силу. Благодаря концентрации денежных средств путем организации финансового управления и налогового законодательства государство вместе со своими финансовыми учреждениями стало важнейшим источником кредита в народном хозяйстве. Кроме того, все больше начало укореняться обыкновение обращаться к государству за помощью и просить его о вмешательстве во всех случаях, когда частное хозяйство неспособно собственными силами выйти из затруднительного положения. Таким образом, благодаря смешанно-экономическому участию государства ($^4/_5$ электро-энергетического хозяйства уже находятся сейчас в руках государства, отдельных германских республик и государственных учреждений), благодаря кредитной деятельности государственных финансовых учреждений и многоразличной совершенно не поддающейся учету деятельности государства в области оздоровления и субсидирования, выработалась экономическая система, которую наиболее метким образом можно назвать государственным капитализмом».

«Организованный» капитализм Гильфердинга расшифровывается здесь как «Staatskapitalismus» («государственный капитализм»). Прогрессивность — и только прогрессивность — этого «Staatskapitalismus'а» вне сомнений.

> «С социалистической точки зрения этот государственный капитализм является, без сомнения, шагом вперед по сравнению с частным капитализмом».

Каким же должно быть отношение социал-демократов к «Staatskapitalismus'у»? Должны ли они, отказавшись от революционной борьбы с капитализмом, занять позицию «дружественного нейтралитета»?

Нет, этого мало: надо *принять участие в строительстве государственного капитализма.*

> «Необходимо решительно отказаться от представления,— пишет Бааде,—будто капиталистическое хозяйство само собственными силами доведет свой процесс концентрации до полной зрелости и будто социализм в течение всей этой стадии развития может оставаться в оппозиции с тем, чтобы позже, когда эта концентрация завершится, «перенять» окончательно организованное хозяйство».

Идейное созвучие с Каутским—полное; нельзя отказать автору и в логике, хотя эта логика и является логикой социал-предательства.

[1]) См. «Zukunftaufgaben sozialistischer Wirtschaftspolitik» von Fritz Baade. «Die Arbeit», 1926, № 1.

Социалистическая революция—исключена; «сидеть, сложа руки»—тоже не годится; надо «делать капитализм немного менее неприятным»; надо принять участие в строительстве государственного капитализма, памятуя о том, что «*jede* Weiterentwicklung des Kapitalismus einen Schritt zum Sozialismus darstellt» («всякое дальнейшее развитие капитализма означает шаг к социализму»).

«Само собою разумеется», что, работая над укреплением государственного капитализма, социал-демократы «подготовляют» социализм. Надо только «хорошо работать»:

> «На длительный период всякая организация и всякое движение, подобно отдельному лицу, может сохранить ровно столько силы, сколько она завоевала, благодаря своему знанию дела и своей ответственной работе».

Оппортунистические «дельцы» преклоняются перед проявлениями государственного капитализма; они считают государственный капитализм силой, способной преодолеть «частный» капитализм, основанный на конкуренции, они воспевают «организованный» капитализм.

Но при этом они помалкивают о ряде весьма важных вещей, о которых не может молчать истинный представитель пролетариата.

Неверно, будто бы рост государственного капитализма, т.-е. финансового капитализма, регулируемого и организуемого буржуазным государством, означает *принципиальное* отрицание существующего доселе капитализма.

Усиление тенденций государственно-капиталистического порядка свидетельствует о *дальнейшем развитии* финансового капитализма, о *перерастании* последнего в высшую фазу (хотя и в противоречивых формах), а не о *принципиальной* борьбе двух социально-экономических систем.

Этого не следует забывать, в частности, при анализе *монополистических тенденций* современного капитализма.

Государственный капитализм развивает монополистические тенденции финансового капитализма *до предела*; он означает безраздельное, монопольное господство государственно-организованного капитализма в национальном масштабе и в экономически зависимой периферии.

Но такое *концентрированное выражение монопольности имеет своей оборотной стороной обострение процессов «монополистического загнивания».*

Политика высоких цен и грабежа потребителя есть проявление этого «загнивания». В этом свете очень знаменателен тот факт, что, несмотря на затруднения в рынках сбыта, современные капиталисты продают товары *по ценам, значительно повышенным* (на несколько десятков процентов) по сравнению с довоенными ценами.

Государственно-капиталистический монополизм, усиливающий власть капитала над рынком, способен лишь обострить этот процесс «монополистического загнивания».

А, ведь, это, в первую очередь, бьет по рабочему классу и ухудшает экономическое положение всех трудящихся.

Обострение монополистического загнивания является, таким образом, *первым* спутником развития государственного капитализма.

Во-вторых, усиление государственно-капиталистических тенденций означает усиление империалистических военно-агрессивных тенденций капитализма.

Ибо *консолидация* капитала в сфере господства *данного* государственно-капиталистического образования имеет оборотной стороной *усиление* его *противоречий с другими государственно-капиталистическими образованиями*, обострение *борьбы за колониальные рынки сбыта, сырья и места приложения капитала*.

В-третьих, государственный капитализм означает «сращение» капиталистического государства и финансового капитализма, т. е. консолидацию сил капитализма, превращение государства в *неприкрытый, непосредственный* «комитет банкиров». А это, в свою очередь, означает *усиление* капитализма и *вовне* (в его империалистической политике) и *внутри* (в его борьбе *против рабочего класса*).

Мы оставляем здесь в стороне вопрос о тех *реальных* перспективах, которые имеют перед собою тенденции государственно-капиталистического развития.

Несомненно, что *пока* этим тенденциям противостоят более мощные контртенденции. Но пролетариат должен со всей ясностью осознать, что развитие государственного капитализма, за который ратуют социал-демократические оруженосцы империализма, означает: *дальнейшее обнищание масс, ускорение новых империалистических войн, усиление позиций капитализма в борьбе против пролетариата*.

На *эту* перспективу держат курс социал-демократы.

* * *

Но перспектива государственного капитализма—как ни верти! —есть все же перспектива *капитализма*. Убеждать массы в своей преданности социализму пропагандой государственного *капитализма*—и только—«социалистам» не улыбается. Необходим же какой-нибудь социалистический «привесок»!

Этим «привеском» был план «социализации».

Но это план был дискредитирован самими социал-демократами.

Историческая проверка подвела баланс не в пользу социал-демократов.

Рабочий класс России, руководимый *большевиками*, провел в СССР национализацию решающих средств производства в условиях диктатуры пролетариата и тем *обеспечил социалистическое строительство*.

Социал-демократы Германии добились определяющего влияния на «демократическое» государство, пользуясь которым они считали возможным «социализировать» производство—и *потерпели крах*.

Таковы выразительные итоги этой жизненной проверки.

Но если не вывезло к социализму «всеобщее, прямое, равное и тайное», приведшее на время социал-демократов к власти, то тем самым рвалась в решающем звене цепь программных положений социал-демократии.

Прикрываясь отговорками («времени не хватило», «в следующий раз выйдет»), идеологи социал-демократии стали искать новой идейной опоры. Такой опорой явилась идеология «хозяйственной демократии». Один из виднейших, «экономистски» настроенных, представителей хозяйственно-демократической идеологии, Karl Zwing, редактор журнала «Gewerkschaftsarchiv», прямо указывает на связь между провалом «социализации» и появлением теории хозяйственной демократии.

> «Все возникшие в Германии планы социализации, плановое руководство хозяйством и ряд других экономических идей,—пишет К. Цвинг [1]),—не вышли из самых первых стадий своего развития и—что самое печальное—они не получили дальнейшего теоретического развития, не были приведены в систему ни своими идейными творцами, ни кем-либо другим».

В другом месте Цвинг с большой решительностью делает из этого вывод:

> «Рабочий класс, однако, скоро обнаружил, что формальная политическая демократия ему весьма немного дала и что крупнейшие общественные силы находятся в области экономики. Начался период планов социализации, но каждая попытка их осуществления кончалась неудачей... Далее выяснилось, что невозможно одной политикой демократизировать хозяйство» [2]).

Опыт пролетарской революции в России доказал, что диктатура пролетариата («политика») является решающим орудием переворота в экономических отношениях. Универсальный «экономизм» Цвинга, таким образом, является—с точки зрения исторического опыта—абсолютно неправильным.

Но Цвинг, несомненно, прав в том отношении, что социал-демократическое правительство в Германии, пробравшееся к власти на основе буржуазной демократии, оказалось не в состоянии принципиально изменить производственные отношения. Исходя из этих положений, Карл Цвинг заключает:

> «Путем применения политических средств рабочий класс, правда, может сделать восстание, но никак не провести *необходимую социальную революцию*. Рабочий класс должен взять на себя труд по исканию *новых путей*, по которым ему придется пойти» [3]).

Банкротство идеи политической демократии, как формы, обеспечивающей движение к социализму, выражено в этих строках социал-демократического журналиста так сильно, что это встревожило «авгуров».

На страницах «Gesellschaft'а» Цвингу было указано, что его безверие в политическую демократию пришло в чересчур явное противоречие с социал-демократическим символом веры [4]).

Выражающие официальную и признанную в партии точку зрения идеологи «хозяйственной демократии» стремятся сочетать государственный капитализм с «хозяйственной демократией» и, по сути дела, подчинить последнюю первому.

---

[1]) Karl Zwing — «Soziologie der Gewerkschaftsbewegung». Erster Teil: «Gewerkschaften und Wirtschaft». Jena, 1925, Seite 20.

[2]) Там же, стр. 47.

[3]) Там же, стр. 22.

[4]) «Gewerkschaften und Wirtschaft» v. Richard Seidel, «Gesellschaft», 1925, № 3.

Теодор Лейпарт [1]), вслед за Легином, подчеркивает, что производственная деятельность профсоюзов служит интересам «*народного целого, т.-е. государства*».

Лотар Эрдман [2]), рассматривающий профсоюзы как «органы капиталистического хозяйства», подчеркивает, что профсоюзы должны помочь совершить «переход от бессознательного (индивидуалистического) капитализма к сознательному (сознающему общественное хозяйство)».

Одним из основных признаков этого перехода Эрдманн считает усиление хозяйственной роли *государства* («die Erweiterung der wirtschaftlichen Tätigkeit des Staates») и *сотрудничество капиталистов и рабочих в руководстве производством* («хозяйственная демократия»).

Захромавшая социал-демократия с радостью приняла тот костыль, который ей подсунули идеологи профсоюзного реформизма и который носит наименование «хозяйственной демократии».

В своем докладе о программе социал-демократической партии на Гейдельбергском партейтаге (1925 год), Гильфердинг заявил:

> «После революции рабочий класс во всех странах, где в его руки перешла власть полностью или в значительной мере, оказался временно лицом к лицу с вопросом об осуществлении социализма...
>
> Сначала нам пришлось расстаться, и мы действительно расстались с тем старым представлением о государственном социализме, с которым многие из нас тогда считались. Мы в первую очередь осознали, что процесс *социализации осуществим лишь в том случае, если он одновременно является процессом экономической демократизации.* Самым резким образом отказавшись от мнения, будто государственная бюрократия способна руководить хозяйством, мы пришли к убеждению, что руководство народным хозяйством должно быть делом самих производителей. Но интересы производителей, являясь партикуляристскими, не должны быть единственно решающими, и должен быть создан противовес в контроле потребителей и общества—социалистического общества — в последней стадии, представителя государства—в переходный период. *Таким образом мы пришли к той конструкции общественного организма, который должен заменить крупные концентрированные капиталистические отрасли производства,* в особенности в области добывания сырых материалов, силовой энергии и проч., *и который должен вестись представителями производителей,* потребителей и демократического государства» [3]).

«Социализация» *государственно-капиталистического типа* провалилась; выступать перед рабочими массами со скомпрометированной теорией социал-демократы не хотят; они утверждают поэтому, что если помножить «Staatssozialismus» (госуд. социализм), расшифрованный теперь как «Staatskapitalismus» (госуд. капитализм), на «хозяйственную демократию»,—то перспектива движения к социализму дана.

[1]) «Gewerkschaften und Volk» von Theodor Leipart, «Die Arbeit», 1926, № 1.
[2]) «Zum Problem der Arbeitsgemeinschaft» von Lothar Erdmann, «Die Arbeit», 1926, № 6.
[3]) «Sozialdemokratischer Parteitag 1925 in Heidelberg. Protokoll». Verlag Dietz, 1925, стр. 273.

Социализм—согласно этой теории—«течет» по двум основным руслам: «сверху», от государства, все решительнее вступающего на путь контроля и организации производства, и «снизу»—по руслу «хозяйственной демократии», завоевываемой профсоюзами.

Сочетание усилий в области политической и хозяйственной демократии—должно обеспечить торжество социализма.

На потрепанный ревизионистский «государственный социализм» (=государственный капитализм) наложена «хозяйственно-демократическая» заплатка.

Увы! Это положения не спасает!

* * *

Хозяйственная демократия означает прежде всего соучастие, на равных правах с капиталистами, в руководстве капиталистическим производством. На этом положении сходятся *все* социал-демократические идеологи хозяйственной демократии [1]), расходящиеся между собою по другим частным вопросам. При этом все они твердо стоят на той точке зрения, что борьба за «Mitbestimmungsrecht» (право соучастия) должна вестись в «законных рамках», на основе существующих законоположений.

Исходным моментом борьбы за соучастие в руководстве производством являются правовые рамки, намеченные 165 статьей государственной конституции, гласящей:

> «Рабочие и служащие призваны на равных правах с предпринимателями совместно работать над урегулированием высоты зарплаты и условий труда, равно как и над экономическим развитием производительных сил. Организации как тех, так и других, признаются, равно как и заключенные ими соглашения».

Далее конституция узаконивает «фабричные рабочие советы» допускает существование «окружных экономических советов» и «государственного экономического совета», который имеет право «предлагать социально-политические и экономическо-политические законопроекты».

> «Образование рабочих и экономических советов и определение их задач, равно как и урегулирование их отношения к другим социальным организациям самоуправления является исключительно делом государства»,—гласит последний абзац этой статьи.

Достаточно одного взгляда на эту статью, чтобы притти к выводу, что, кроме констатации существующего («фабричные рабочие советы»), и допущения совещательных «Wirtschaftsräte» (хозяйственных советов) конституция не дает ничего, оставляя за государством право трактовать компетенцию и взаимоотношения этих организаций так, как оно захочет.

И вот эта-то «социалистическая» статья конституции считается правовым обоснованием «хозяйственной демократии»!

Как обстоит дело в действительности, общеизвестно: никакого соучастия в руководстве производством нет, нет даже паме-

[1]) См., кроме уже названных Цвнгга и Зейделя, ст. ст. Lothar'a Erdmann'a—«Zum Problem der Arbeitsgemeinschaft». «Die Arbeit», 1926 г., H. 5, 6, 10.

ков на подход к этому соучастию, нет даже системы хозяйственных советов, хотя бы с совещательными функциями.

Соучастия нет—и *его не может быть* даже в том случае, если бы законодательство фиксировало *конкретное* право соучастия.

Ибо решающим является тот факт, что хозяевами производства, *собственниками средств производства являются капиталисты*; ибо решающим, далее, является то обстоятельство, что *государство* является *буржуазным* и ведет экономическую, социальную и правовую политику, исходящую из буржуазных принципов; ибо *капитал* владеет *всем*, а *рабочий класс—ничем*.

В таких условиях говорить о возможности социалистического развития через «законные» «хозяйственно-демократические органы» это—гнуснейший обман пролетариата, величайшее преступление перед ним.

Что до сих пор участия профсоюзов в руководстве производством нет, этого не могут отрицать даже социал-демократы [1]. Нельзя же бесстыдно, на глазах у всех, указывая на черное, утверждать, что это—белое!

Но если его *нет*—то оно *будет*—утверждают социал-демократы. Посмотрим, на чем сие утверждение основано.

Мы знаем одну единственную теоретическую попытку социал-демократа представить пути хозяйственной демократии, попытку, которая свидетельствует о намерении автора честно продумать вопрос. Речь идет о статье проф. Пауля Хермберга «Wirtschaftsführung und Witschaftsdemocratie» [2]). Автор отмечает прежде всего, что соучастие в *хозяйственном руководстве* нельзя подменять *влиянием на хозяйственную политику государства вообще*.

> «Влияние государства на хозяйство нигде не является настолько значительным, чтобы его можно было рассматривать, как «руководство хозяйством». Всякое государство ведет экономическую политику, но ни одно государство не руководит хозяйством [3]). Если, таким образом, ограничить требование об экономической демократии и отказаться от демократического руководства хозяйством, добиваясь *равноправного участия в государственной экономической политике*, в которой можно, по крайней мере, видеть зачатки руководства хозяйством, *то это требование, по существу, будет не чем иным, как требованием политической демократии, и в парламентском государстве это требование, пред'явленное со стороны рабочих, является проявлением желания иметь большее влияние в парламенте*».

Таким образом, Пауль Хермберг «выводит» «хозяйственную демократию» за пределы обычного парламентского влияния на экономическую политику государства. Совершенно естественно, он обращает далее свой взгляд на отдельное капиталистическое предприятие и пытается представить себе развитие «хозяйственной демократии» в этом предприятии, являющемся элементом капиталистического целого. Автор совершенно резонно отмечает

[1]) См. хотя бы главу «Demokratie in Wirtschaftsführung und Produktionsprozess» в книге Карла Цвинга.

[2]) См. «Die Arbeit», 1926, Heft 3.

[3]) Автор говорит в примечании, что он отвлекается от России. Лучше пусть уж отвлекается, чем говорит заведомую неправду!

прежде всего, что нельзя забывать о *капиталистическом* характере этого производства.

> «Предприниматели не хотят удовлетворить потребности людей, участвующих в производстве, они хотят лишь иметь *избыток меновой ценности. Нельзя у них отнять эту цель, не уничтожив всей капиталистической экономической системы, ибо это есть ее основа*».

Золотые слова! Не предприятие «вообще», не хозяйство «ради народа в целом» [1]), не хозяйство, «целью и задачей которого является постоянное увеличение его дохода *для непрерывного* повышения жизненных условий народа» [2]), а предприятие, движущей пружиной которого является «лишь избыток меновой ценности». Профессор Хермберг! Прочтите на эту тему лекцию вашим «забывчивым» сотоварищам по партии! Расскажите им, что они добиваются соучастия в руководстве *капиталистическим* предприятием, движимым погоней за «избытком меновой ценности» («Tauschwertüberschuss»).

Профессор, действительно, бесстрашен. Он ставит вопрос *ребром* (а что-то скажут по этому поводу Каутские, Гильфердинги и другие герои «каучуковой» фразы?).

> «*Мыслимо ли и желательно ли соучастие* рабочих в предприятии при сохранении этой *частно-экономической цели?* Если это невозможно, то представитель рабочих *должен* в соответствии со своим органическим положением пустить в ход свое влияние, стараясь постоянно повышать зарплату за счет прибыли до тех пор, пока прибыль исчезнет совершенно... Это *давление на прибыль не должно прекращаться, пока все работающие в предприятии не станут его собственниками*. Тогда исчезнет особый характер капиталистической экономической системы. На месте предприятия будет производственная кооперация».

Право, нам становится понятным, почему круг идей автора, как указано в примечании встретил среди социал-демократов много возражений и породил много недоразумений. Вдруг рабочий всерьез примет профессорские разговоры о непримиримости противоречий между капиталистом и рабочим?

Но смелость автора пока нарастает.

> «Но как представляют себе путь к производственной кооперации? Как рабочим добиться соучастия, а затем и полного владения предприятием? *Ибо добровольно собственники вряд ли согласятся уйти*. Неужели нажим рабочих в отдельных предприятиях скорее и вернее приведет к цели, чем единодушное давление всего рабочего фронта, который будет добиваться передачи средств производства в собственность *всех трудящихся?*»

Понятливый человек этот профессор Хермберг. Он даже понял, в противоположность своим коллегам, что капиталист не отдаст своей собственности «добровольно»! Он как будто начинает

[1]) См., с каким увлечением напевает этот мотив Theodór Leipart в ст. «Gewerkschaften und Volk», «Die Arbeit», 1926, Heft 1.

[2]) См. ст. Die Rationalisierung des Arbeitsverhältnisses» von Richard Seipel, «Gesellschaft», 1925, Nummer 7.

чувствовать, что никакими разговорами о «хозяйственной демократии» нельзя прикрыть центрального, решающего вопроса об экспроприации средств производства. Он даже допускает постановку вопроса об экспроприации всего класса капиталистов, как предпосылке социалистического строительства. Но профессор только деликатно «тронул» этот вопрос. Ответа он не дает: мы, дескать, проблемы ставим, а разрешать их будут «поколения».

Предположим, допускает, профессор, что капиталистическое предприятие превратилось в «производственную кооперацию» («Productionsgenossenschaft»). (Как превратилось, господин профессор?). Что же дальше?

> «Производители не только получили бы снова право распоряжения своими средствами производства, но они, кроме того, вновь начали бы пользоваться плодами своего труда. Насколько, однако, можно было бы считать хозяйственной демократией организацию, которая в полной мере страдала бы и от недостатка цехового строя—упорного отстаивания монопольного положения цеховых членов и недопущения новых,—зависит от того, будут ли считать рамки производственной кооперации хозяйственной единицей, являющейся наивысшей формой. С точки зрения более высоких хозяйственных форм, здесь будут попрежнему царить,—может быть, даже в еще худшей степени—экономическая анархия, групповой индивидуализм...».

Перспектива мало приятная. Вполне естественно поэтому и заключение автора:

> «Кто ясно понял истинный характер требования хозяйственной демократии в ее принципиальном отрицании основного направления господствующей хозяйственной системы, *тот не станет надеяться на достижение цели путем завоевания и реорганизации отдельного предприятия.* Решающий шаг на пути к достижению хозяйственной демократии он, напротив, будет видеть в об'единении отдельных хозяйств одной общей волей».

Автор, подгоняемый логикой, как уже заметил читатель, сошел с рельс «законного», «мирного», «эволюционного» развития «хозяйственной демократии». Он вполне правильно заключил прежде всего, что парламентским путем нельзя добиться действительного руководства производством; он вполне правильно доказал далее неизбежность борьбы рабочего за экспроприацию капиталистического предприятия; он вполне правильно заключил далее, что даже в случае овладения производством рабочие данного предприятия не достигнут социализма, а вступят в конкурентную борьбу с другими группами рабочих (в случае, если нет диктатуры пролетариата). Таким образом, даже если бы профсоюзы вступили на этот путь революционного синдикализма—они не достигли бы социализма.

Но ведь так социал-демократу можно порхнуть только мыслью. На самом-то деле профсоюзам *нельзя* вступать на революционный путь; на самом-то деле капиталист *не даст* разгуляться; на самом-то деле—перспектив *нет*.

Если стоять прочно на почве реформистских методов, то чего можно ждать?

> «Как, однако, не изменяя в своей основе права собственности на средства производства, *пойти дальше по пути к достижению хозяйственной демократии, остается совершенно темным.*
>
> Следующий шаг должен был бы заключаться в передаче рабочим полного права участия в вопросах технического применения производственного аппарата. Однако, в высокой степени сомнительно, чтобы эта передача рабочим права руководства предприятием была возможна без того, чтобы на них была взвалена и хозяйственная ответственность за результат. *Можно себе представить, что собственники охотно допустят демократическое руководство предприятием со стороны рабочих* в случае, если оно в фабрично-организационном отношении окажется равноценным или даже превзойдет чисто автократическое руководство предприятием директором, ответственным лишь перед собственником предприятия.
>
> В конце концов им важен лишь размер прибыли, а не вопрос о том, в какой форме эта прибыль получается, в форме ли дивиденда, или в виде арендной платы или в ипотечных процентах. *А изменилась бы только форма, но отнюдь не размер прибыли, ибо это соучастие в управлении ни в коем случае не означает участия в прибылях (или убытках) предприятия.* Практически положение рабочих, руководящих своим предприятием, было бы похоже на положение *кустарных работников и самостоятельных ремесленников.* Таким образом, *демократизация предприятия* была бы лишь тогда настоящим достижением для рабочих,—если эта *демократизация вообще возможна*,—когда сделан был бы один дальнейший шаг вперед и рабочим передано было бы *неограниченное право собственности на средства производства*».

Но может быть более выразительной картины. Социал-демократ, поставивший вопрос по-честному, вынужден признать, что «хозяйственная демократия»—при социал-демократических посылках—не стоит выеденного яйца. Социал-демократ вынужден признать, что без обладания средствами производства никаких успехов по линии хозяйственной демократии быть не может. Социал-демократ вынужден признать, что реформистским путем возможно добиться только такого положения в отношении капиталиста, в каком находился «самостоятельный» ремесленник в условиях «домашнего» производства.

Положение поистине безвыходное. Обещали провести социализацию в условиях определяющего влияния на буржуазно-демократическое государство—обманули и провалились. Тогда увидели отдушину в «хозяйственной демократии», ведущей-де *до* социализации к социалистическим формам отношений. Но самый элементарный анализ перспектив, как это доказал Пауль Хермберг, обязывает к выводу, что без обобществления средств производства (при этом осуществленного одним центром), хозяйственная демократия развиваться не может.

Действительно, «как, однако, не изменяя в своей основе права собственности на средства производства, пойти дальше

по пути к достижению хозяйственной демократии—остается совершенно темным».

Но какой же практически-политический вывод делает социал-демократический профессор? Ведь, если думать честно *до конца*, то надо прямо признать банкротство социал-демократического «социализма». Но Пауль Хермберг «не так воспитан». Он может поиграть острыми формулировками, он не прочь похвастаться научной об'ективностью в теоретическом анализе, но по части практических выводов—избави боже!—он боится сойти с почвы социал-демократического реформизма. Бедный профессор к концу своего теоретического путешествия испугался духов, которых он сам вызвал, и попал поэтому в «пиковое» положение.

Неугодно ли сравнить то, с чего начинает свою статью Пауль Хермберг с тем, чем он эту статью *кончает*.

Отмечая невозможность добиться решающих успехов в области хозяйственной демократии парламентским путем, автор писал в начале статьи по поводу хозяйственного парламента.

> «Однако, едва ли кто-либо будет утверждать, что это развитие политической демократии является *решающим* шагом на пути к хозяйственной демократии».

Автор указывал в начале статьи *прямо*, что на пути парламентской деятельности, на пути деятельности хозяйственно-парламентских учреждений *нельзя* найти разрешения проблемы хозяйственной демократии.

К концу же, задавленный тяжестью своих собственных критических аргументов, он не видит никакого пути и вынужден опрокинуть свою исходную позицию.

> «Расширение хозяйственной деятельности государственных учреждений, расширение полномочий государственного хозяйственного совета, учреждение окружных хозяйственных советов и хозяйственных палат, передача целых отраслей промышленности под контроль государства,—короче говоря, все мероприятия, которые укрепляют начатки настоящего руководства хозяйством, будут *важнейшей* и знаменательной подготовкой хозяйственной демократии».

Воистину, «начал за здравие, а кончил за упокой».

Опрокинувши теоретические основы хозяйственной демократии, профессор с испугом поглядел на продукт своей работы и,—вопреки логике, вопреки своей аргументации, вопреки честному отношению к проблеме,—склонил свою голову перед теорией Гильфердинга о государственном капитализме, помноженном на хозяйственную демократию.

Но его критическую аргументацию вычеркнуть нельзя—она показывает, что сравнительно честно мыслящие социал-демократы—пока они честно мыслят—не могут не видеть *оппортунистического утопизма* теории «хозяйственной демократии», который неизбежно будет побежден в рабочем движении *революционным реализмом* коммунизма.

Г. Крумин.

Новые похождения оппозиционных экономистов по ниве советской экономики.

(Начало статьи см. в № 6 с. г.).

III. «Анализ» современной хозяйственной обстановки оппозиционными экономистами и что из этого получается.

«Расправившись» столь успешно с товарным голодом вообще, наши экономисты победоносно устремляются на современную хозяйственную обстановку, избирая жертвой своего «анализа», главным образом, первый квартал нынешнего 1926—27 хозяйственного года.

«Анализ» фактических данных привел т. Преображенского к следующему основному тезису. Политика партии не привела к смягчению товарного голода. Наоборот, диспропорция между промышленностью и сельским хозяйством возросла. Так называемое «смягчение» товарного голода в первом квартале произошло в результате того, что платежеспособный спрос крестьянства был просто-напросто срезан снижением сельскохозяйственных цен по сравнению с первым кварталом прошлого года и повышением промышленных цен. Далее следует невнятное, составленное почему-то в сослагательном наклонении, заявление о платежеспособном спросе рабочего класса, о том, что снижением зарплаты можно было бы также снизить рабочий спрос на промтовары. (В скобках отметим, что уже этот абзац в начале статьи т. Преображенского возбуждает величайшие сомнения по поводу всего «анализа». Действительно, в самом начале статьи угрожать «выводами», основанными «на фактических данных», избрать своей жертвой определенный отрезок времени, а *через несколько страниц*, когда доходит до дела, когда надо *выкладывать выводы о важнейшей народнохозяйственной статье* — движении платежеспособного спроса рабочего класса—отделываться пустяками и оказаться не в состоянии сделать ни одного делового заявления,—что это такое, как не полный провал? Тем более для экономиста, который на весь Союз авансом раструбил о своих замечательных трудах по цифровому анализу советской экономики, имеющих быть изданными). Однако, продолжим основную нить наших рассуждений. Не дадим себя отвлечь в сторону мелкими безобразиями, попутно обильно рассыпанными в статье т. Преображенского.

Итак, городской спрос мог бы быть также сокращен снижением зарплаты. А если же сложить происшедшее снижение крестьянского спроса и *возможное* сокращение рабочего спроса, то получится большое снижение платежеспособного спроса, которому на стороне предложения промышленной продукции противостоял рост цен без какого-либо дополнительного увеличения промышленной продукции. Поэтому исчисления Госплана о размерах товарного голода, по мнению т. Преображенского, ни в коем случае нельзя считать преувеличенными. Их надо даже считать преуменьшенными.

Таким образом, нынешняя политика партии дает «не ослабление товарного голода, а загоняние его внутрь хозяйственного организма. Мы имеем лишь переход одной формы кризисного состояния в другую».

Тов. Смилга в своих экономических изысканиях следует за тов. Преображенским. Только, как подобает бывшему буферу, он допускает еще более красочные выражения в отношении политики партии. Формулировка т. Смилги следующая: «Изживание товарного голода велось до сих пор *отрицательными* методами. Средством для этого служила политика цен, косвенное обложение и водка».

Переходим к разбору выдвинутых положений.

* * *

Начнем с «Контрольных цифр» Госплана и некоторых общих исчислений о размерах товарного голода.

Тов. Преображенский счел нужным выступить в защиту «Контрольных цифр» Госплана, составленных под руководством тов. Смилги, от необоснованных нападок. Но и тут он ограничивается одним-двумя поверхностными замечаниями, вместо действительного изучения «Контрольных цифр».

Во-первых, нужно условиться об одном—не путать т. Смилгу с «Контрольными цифрами». «Контрольные цифры»—этот громадный экономический труд—есть результат коллективного труда всех работников Госплана. Несмотря на допущенные ошибки и промахи, громадное их значение неоспоримо. Не нуждаются «Контрольные цифры» Госплана в таких «защитниках», как т. Преображенский.

Что же мы находим о товарном голоде в «Контрольных цифрах»? Неясность, явные противоречия и отсутствие расчетов, на основе которых были сделаны выводы о значительном увеличении товарного голода. Поэтому оппозиция так и уцепилась за «Контрольные цифры».

Центральное место о товарном голоде гласит: «если в соотношении между розничными промышленными и сельскохозяйственными ценами не произойдет изменений, то товарный дефицит в предстоящем году должен определиться суммой 500 млн. руб. против 380 млн. руб. текущего года» («Контрольные цифры», стр. 79). Справедливость, однако, требует отметить, что в ряде мест имеются разные оговорки насчет крайней приближенности этих исчислений. Конечно, нашему маститому экономисту до этих оговорок нет никакого дела.

Но—на стр. 16 «Контрольных цифр» имеется следующее заявление: «Общего обострения товарного голода при намеченной

программе, повидимому, нет основания ожидать. Но не исключена возможность, что некоторые отдельные ходовые товары, являющиеся «недостаточными» в настоящее время, станут еще менее достаточными в 1926—27 г.».

Эти два заявления, несомненно, противоречат друг другу.

Но самое примечательное состоит в том, что в «Контрольных цифрах» нигде нет обоснования цифры 500 млн. руб. товарного дефицита. Таблиц, как известно, в них предостаточно, но хотя бы малюсенькой таблички, кончика таблицы, выводящей цифру в 500 млн. руб., не найти. Здесь «Контрольные цифры», несомненно, «смилговали». *Наоборот*, в «Контрольных цифрах» можно найти *другую* таблицу, дающую баланс доходов и расходов, и в этой таблице положительное сальдо доходов составляло 286 млн. руб. в 1925—26 г. и 302 млн. руб. в 1926—27 г. Отдельно для крестьянского хозяйства соответственно 240 млн. и 263 млн. руб. Мы не утверждаем полной идентичности этих расчетов с размерами товарного голода, но связь между ними, несомненно, ближайшая.

Таким образом, размеры товарного голода *ни с какой стороны* в «Контрольных цифрах» не мотивированы, и это есть самое слабое место «Контрольных цифр», что ныне признают и их составители.

Еще в начале ноября пр. г. мы имели следующее официальное заявление от имени Госплана: «Мы отрицаем возможность на основании этих цифр делать окончательные выводы, и тем более строить мероприятия и практические шаги по торговой политике. В этом балансе имеются две стороны: одна сторона—исчисление товарной массы, которой мы располагаем. Эта сторона поддается учету. Другая сторона—исчисление спроса, при чем тут имеется столько гипотез, что одна маленькая ошибка может дать колебания в сотни миллионов рублей» (цитирую по стенограмме заседания СТО).

Но какое дело т. Преображенскому до того, мотивированы или нет расчеты и цифры. Ему лишь бы «покрепче» цифру товарного дефицита. И разве его касается также, что сам Госплан признает ошибочность этой части «Контрольных цифр»? Разве он обязан сообщать или напоминать об этом своему читателю? Наш педантичный в экономических расчетах автор «Новой Экономики» имеет, очевидно, свои установившиеся методы...

Чтобы кончить с этим вопросом, приведем последний материал о размерах товарного голода, напечатанный в «Сводном производственно-финансовом плане госпромышленности на 1926—1927 г.». Мы читаем: «Эти исчисления [1]) определили общий размер продукции, идущей на широкий рынок, т. е. для удовлетворения потребностей индивидуальных хозяйств, в розничных ценах для 1925—26 г. в сумме 6.899 млн. руб. и для 1926—27 г.—7.927,2 млн. руб., размер покупательного фонда населения для 1925—26 г.—в сумме 7.280 млн. руб. (в том числе город 3.430 млн. руб.) и для 1926—27 г.—8.200 млн. руб. (в том числе город 3.910 млн. руб.), и соответственно с этим «балансовый дефицит» для 1925—26 г. был исчислен в размере 381 млн. руб., а для 1926—27 г.—в 272,8 млн. руб. (при стабильности рознич. цен)».

«В настоящее время на основании производственных программ промышленности в исчисленный баланс необходимо внести по-

[1]) Речь идет об исчислениях, составленных в июле—августе пр. г. *Г. К.*

правки со стороны предложения соответственно изменившимся перспективам производства, а также уточнить данные за 1925—1926 г., пользуясь предварительными материалами за весь 1925—1926 г., которых не было при составлении «Контрольных цифр» (ВСНХ)...

...«В результате «балансовый дефицит» промышленных товаров для 1925—26 г. составляет 371,2 млн. и для 1926—27 г.—199,7 млн. руб. (вместо исчисленных в «Контрольных цифрах» 381 млн. руб. и 275 млн. руб. соответственно). Все эти данные исчислены условно, исходя из стабильности отпускных и розничных цен» (стр. 98 и 100).

И совсем напрасно т. Преображенский в исчислениях размеров товарного голода думает укрыться за разницу в ценах, принятую Госпланом и другими органами. *Не удастся*. Поправки в первоначальных расчетах связаны, во-первых, *с увеличением производственных программ промышленности*—как известно, Госплан наметил 15% расширения промышленности, ВСНХ и Наркомторг при составлении первоначального баланса спроса-предложения исходили из 17—18%, а сейчас мы благополучно дошли до 20% развертывания. Во-вторых, уточнены суммы товарной продукции по производственным программам и коэффициенты выхода на широкий рынок по ряду отраслей промышленности. В-третьих, изменены и ценностные выражения (напр., сумма продукции исчислена не по себестоимости, а по отпускным ценам и т. д.). Известную роль в исчислениях разных органов играет и различие цен.

Обо всем этом рассказывается *с цифрами в руках* в промфинплане промышленности. Пусть почитает т. Преображенский и пусть попробует опровергнуть.

Эти исчисления размеров товарного голода, несомненно, более правильные, чем исчисления Госплана, *опровергают* вывод «Контрольных цифр» Госплана об увеличении размеров товарного голода. Эти исчисления свидетельствуют, наоборот, о противоположной тенденции *смягчения товарного голода*.

Таким образом, т. Преображенский совершенно не потрудился разобраться в тех цифрах и расчетах, на которых основывал свои столь важные выводы. Тов. Преображенский слишком многое не счел нужным сообщить читателю. Тов. Преображенский кидается на защиту того, в чем не разобрался, чего не понимает. Хорош «защитник»!

* * *

В критике политики партии у т. Преображенского серьезнейшую роль играет указание на понижение хлебных цен, что срезало на значительную сумму (по сравнению с первым кварталом пр. г.) платежеспособный спрос крестьянства. Эти рассуждения т. Преображенского ни с какой стороны нас не удовлетворяют.

Тов. Преображенский задался целью, главным образом, на примере первого квартала проследить основные линии хозяйственной политики и практики. Но он серьезно даже и не подошел к вопросу.

Действительно, хлебный рынок, хлебные цены играют важнейшую роль в общей кон'юнктуре рынка. Во многом они являются определяющими общий тонус народнохозяйственной жизни. Политика хлебных цен затрагивает существеннейшие интересы крестьянина и рабочего. Поэтому совершенно ясно, что решительно никто не может удовольствоваться произведенным т. Преображенским умножением, а требует ответа *по существу*.

В основном является ли наша политика хлебных цен правильной? Народнохозяйственно правильно ли установлен уровень хлебных цен? Правильно ли производится регулирование хлебных цен? Вот на эти основные вопросы серьезный экономист обязан дать *прежде всего* четкий ответ. И только *после того* наполняются *ясным народнохозяйственным содержанием* все его дальнейшие вычисления.

Народнохозяйственно правильно ли установлен уровень хлебных цен? Т.-е. дают ли они крестьянину стимул к дальнейшему увеличению производства? Приемлемы ли они для рабочего класса? Учитывают ли они уровень цен мирового рынка? Мы даем на эти *основные* вопросы *утвердительный ответ*. В нынешнюю кампанию нет того провала, какой имел место в прошлом году, когда Советский Союз зашел в тупик с хлебными ценами. Ведь нет же нужды подробно напоминать тупик прошлого года, получившийся в результате грубейших наших промахов, просчетов, ошибок. И когда т. Смилга пытается сейчас что-то такое лепетать насчет того, что в прошлом хозяйственном году была намечена правильная линия, но только на практике получились из'яны, то ведь и ад вымощен добрыми намерениями. *Дело именно в практике*. Этот выпад т. Смилги, как и все его стремления доказать недоказуемое, т.-е., что в нынешнем году на хлебном рынке дела идут хуже, чем в прошлом году, можно об'яснить не научной беспристрастностью, а исключительно суб'ективными моментами.

Ведь в прошлом году партии пришлось в спешном порядке провести серьезнейшие изменения в руководящем составе управляющих и планирующих органов, чтобы вывести страну из хозяйственной трясины, в частности—из той трясины, в какую попало хлебное дело. Мы не стали бы об этом говорить, если бы не исключительная недобросовестность т. Смилги в анализе хозяйственного прошлого.

Народнохозяйственный уровень хлебных цен установлен ныне, несомненно, правильный. Что в годы хорошего урожая хлебные цены должны быть ниже, этого, надеемся, не будет отрицать даже т. Преображенский. В настоящей статье у него на этот счет *молчок*. Ему только важно вычислить, сколько на пуд теряет крестьянин *по сравнению с первым кварталом прошлого года* и насколько всего был срезан платежеспособный фонд крестьянства. Цена на хлеб должна быть ниже в год хорошего урожая. Она должна быть ниже еще и потому, что в «хороший» 1925—26 г. она подскочила так, что ее называли даже спекулятивной.

Однако, чтобы совершенно покончить с этим вопросом, приведем мнение союзника тт. Преображенского и Смилги—т. Каменева. В апреле пр. г. в своих письменных предложениях т. Каменев заявлял: «Существующий в стране высокий уровень цен на хлеб должен быть признан одним из основных препятствий в деле хозяйственного строительства. Снижение *вздутых* (курсив наш. *Г. К.*) хлебных цен является предпосылкой возможности

понижения в значительных размерах промышленных цен и должно быть поставлено в ряду главнейших задач в предстоящем полугодии».

Правильная характеристика существовавшего уровня цен. Не правда ли, как эта характеристика «хорошо» увязывается с нынешней «беспристрастной» характеристикой т. Смилги?

Еще в июле пр. г. т. Каменев *совершенно правильно* говорил: «Снижение (хлебных) цен во что бы то ни стало, как основная директива. Во что бы то ни стало купить хлеб в этом году больше и по цене вместо рубля около 90 коп., а если удастся, если будет подходящая обстановка, если нас не прижмет необходимость форсировать экспорт, форсировать закупку, копеек на 14—18 меньше прошлогодней».

В опубликованной в свое время резолюции Центрального Комитета, предложенной т. Каменевым, говорилось: «Исходя из вышеуказанного, среднюю годовую цену необходимо ориентировочно принять в 85—90 коп. за пуд против 1 р. 04 к., уплаченных в этом году, что гарантирует крестьянству при повышенном урожае некоторое повышение поступления за хлеб сравнительно с истекшим годом.

«Средние цены по отдельным культурам должны, примерно, составить следующее: 70—75 коп. за рожь, 1 р. 05 к. за пшеницу, 55—60 к. за овес, 45—50 к. за ячмень, с соответствующим корректированием по районам и качеству».

Тов. Каменев комментировал эту резолюцию даже следующим образом: «Таким образом, наша энергия должна быть направлена на то, чтобы не допускать падения цен на хлеб до такого предела, когда крестьянин будет терять интерес к посеву и будет его забрасывать, но, с другой стороны, *политика снижения цен должна проводиться самыми энергичными мерами и 85 коп. это не есть барьер, ниже которого нельзя спускаться*» (курсив наш. *Г. К.*). Так говорил тов. Каменев. Тов. же Преображенский избегает этого основного вопроса, а делает *ответственнейший вывод* о «загонянии товарного голода внутрь хозяйственного организма», исходя из прошлогодних непомерно вздутых цен на хлеб. Не пройдет этот номер, т. Преображенский!

Приведем движение заготовительных цен (в коп. за пуд).

	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Январь	Февраль	Март
Рожь									
1925/26 г.	111	93	87	77	79	83	94	105	107
1926/27 г.	66	69	71	72	71	70	70	71	72
Пшеница									
1925/26 г.	129	125	131	119	123	122	130	134	132
1926/27 г.	101	107	107	101	101	98	99	99	102

Итак, во-первых, мы утверждаем, что уровень хлебных цен установлен в общем совершенно правильный. Он приемлем в общем для крестьянства. Об этом свидетельствует дальнейшее увеличение посевной площади. Во-вторых, таблица говорит об успешности регулирования хлебных цен *в противоположность*

прошлому году. В правильности этих двух утверждений легко убедится всякий, кто внимательно взглянет на таблицу. Нервное движение и рост цен в прошлом году, плавность и в общем стабильность цен в нынешнем году. А это является—можно прямо сказать—*величайшим достижением*. Экономист, который этого не понимает, не есть экономист. В стране мелкого и мельчайшего крестьянского хозяйства в движение хлебных цен впервые вводится *рациональное начало*, которое дает возможность крестьянину «твердо поставить и твердо вести» свое хозяйство. Сказанное ни в каком случае не обозначает, что на хлебном рынке не имеется дефектов и из'янов, и притом крупных. *Глупо* было бы попытаться подсунуть подобную мысль своему противнику. Об ошибках и из'янах мы скажем ниже.

Вот на основе данной нами *народнохозяйственной оценки* мы и приглашаем оценить арифметические упражнения т. Преображенского.

* * *

Переходим к промышленным ценам. Здесь картина не лучше. Тов. Преображенский на основе розничного индекса Кон'юнктурного института утверждает, что рост промышленных цен продолжается, и, следовательно, этим путем также срезывается платежеспособный спрос населения. Наличие роста промышленных цен выводится таким путем, что берется средний индекс за первый квартал прошлого хозяйственного года и сравнивается с индексом за первый квартал нынешнего года. Тов. Смилга берет не средний индекс, а индекс на 1 октября 1925 г., на 1 октября 1926 г. и 1 января 1927 г.

После такой обработки розничного индекса Кон'юнктурного института и статистики труда т. Преображенский прибавляет: «Правда, увеличение кооперативных цен было несколько ниже, но тоже было».

Особенно серьезным т. Преображенский считает поставленный им вопрос, почему розничные цены в декабре возросли, если правы те, кто утверждает, что товарный голод уменьшился.

Тов. Смилга всю кампанию правительства по снижению промышленных цен называет «обывательской шумихой», а в действительности, по его утверждению, «под шум криков о снижении цен проводилась политика повышения цен».

Можно ли удовольствоваться таким экономическим анализом? Конечно, нет. В чем основной его дефект? В том, что здесь вычеркивается экономическая история последнего года. Может ли экономический анализ быть правильным при «абстрагировании» от хода хозяйственного развития? При таком «методе» в лучшем случае могут получиться лишь правильные *арифметические* подсчеты. Но даже и по части арифметических подсчетов оппозиционные экономисты не блещут...

В чем суть последнего периода? Суть его заключается в том, что партия с *величайшими усилиями* выводила страну из серьезнейших хозяйственных затруднений и, более или менее установив к новому хозяйственному году утерянное равновесие, приступила к разрешению серьезнейших задач нынешнего хозяйственного года. А вот оппозиционные экономисты считают признаком, говоря словами т. Преображенского, «экономически

грамотных людей» не считаться с тем, что первый квартал нынешнего года вырос, так сказать, на горбу прошлогодних затруднений. Каждому свое...

Партия выводила страну из хозяйственных затруднений, отпирала те тупики, которые в отдельных областях образовались. Эта напряженная работа по восстановлению равновесия была тем более трудной, что она безостановочно сопровождалась атакой на партию со стороны оппозиционного блока, об'единявшего в себе все то, что было в нашей партии растерянного, паникерского, ликвидаторского. Поэтому надо иметь исключительную развязность т. Смилги, чтобы сложнейшую работу по выходу из напряженного хозяйственного положения, проведенную за истекший период партией—и проведенную не плохо—называть «обывательской шумихой».

Если экономически грамотно подойти к анализу движения промышленных цен, то что получается?

Движение промышленных цен нужно обязательно сравнивать с апрелем—маем—июнем пр. г., когда хозяйственные затруднения достигли апогея и когда одновременно обозначился перелом. Что же касается сравнения с первым кварталом пр. г., то необходимо сравнивать также тенденцию движения внутри квартала, чтобы получить окончательное мнение о хозяйственном «лице» квартала.

Приведем прежде всего данные о движении оптовых промышленных цен.

Оптовый промышленный индекс ЦСУ составлял:

	1925—26 г.	1926—27 г.
На 1/X	1.949	2.041
» 1/XI	1.964	2.037
» 1/XII	1.976	2.039
» 1/I	1.982	2.032
» 1/II	1.996	2.028
» 1/III	2.001	2.005
. . . .		
» 1/VII	*2.039*	

В нынешнем году тенденция движения *диаметрально противоположная*. Абсолютный уровень оптовых цен ныне подошел совсем близко к уровню на 1/III 1925—26 г.

Для розничных промышленных цен (по индексу кон'юнктурного института частного рынка) картина следующая:

	1925—26 г.	1926—27 г.
На 1/X	2,39	2,64
» 1/XI	2,45	2,66
» 1/XII	2,51	2,68
» 1/I	2,48	2,70
» 1/II	2,48	2,67
» 1/III	2,49	2,68
. . . .		
» 1/V	*2,71*	

Цены *частного рынка* держатся в общем на уровне цен 1-го мая или несколько ниже его. Повышательную волну, продолжавшуюся с 1 октября 1925 г. вплоть до 1-го мая 1926 г., удалось ликвидировать. Однако, снижения цен *пока* достичь не

удалось. В первом квартале, когда обычно сказывается сезонное напряжение, имело даже место новое незначительное повышение, но в общем и целом индекс частных промышленных цен показывает стабильность уровня по сравнению с 1-м мая.

Но теперь уже для всех ясно, что на розничном индексе Кон'юнктурного института далеко не уедешь. Смешно было бы изучать движение розничных цен по ценам исключительно частного рынка, когда доминирующую роль в розничном обороте играет кооперация и госторговля. Когда В. Смирнов в «Красной Нови» в мае пр. г. утверждал, что розничный индекс Кон'юнктурного института учитывает и кооперативные и госторговые цены, то он просто обнаруживал незнание предмета.

С регистрацией кооперативных цен обстоит очень плохо. Но, во всяком случае, можно совершенно определенно сказать, что т. Преображенский *не прав*, когда говорит о их росте в течение первого квартала. Это просто не верно. Стоимость «кооперативного набора» за полугодие понизилась на 2,0—2,2%. Индекс розничных цен ЦСУ, учитывающий государственные, кооперативные, а также частные цены, это обстоятельство подтверждает. Движение суб-индекса промышленных цен следующее:

	1925—26 г.	1926—27 г.
На 1/X	2,15	2,25
» 1/XI	2,18	2,25
» 1/XII	2,19	2,25
» 1/I	2,20	2,24
» 1/II	2,19	2,24
» 1/III	2,19	2,19
» 1/IV	2,22	
» 1/V	2,26	
» 1/VI	2,27	
» 1/VII	2,26	
» 1/VIII	2,26	
» 1/IX	2,26	

Каков общий вывод из приведенных материалов?

Оппозиционные экономисты не правы, когда говорят о дальнейшем росте промышленных цен. *Налицо определенная стабильность цен на уровне цен 1 мая 1926 г. или даже незначительное понижение.* Это основной экономический факт последнего периода. *Партии, таким образом, удалось переломить повышательное движение, имевшее место в первом полугодии прошлого хозяйственного года.* Но ей *пока не удалось* добиться существенных результатов в деле снижения цен. Лишь во втором квартале нынешнего хоз. года намечается *определенное снижение промышленных цен.*

Тов. Смилга в своем экономическом исследовании пришел к тому центральному заключению, что «цены плохо понижались потому, что бюджет оказывал на них повышательное влияние. Под шум криков о снижении цен проводилось повышение цен». Вообще, вся установка статьи т. Смилги заключается в том, что слова и дела ленинской партии—две вещи совершенно разные, противоположные. Тов. Смилга в своем расписывании не соображает, что подобными утверждениями он бьет *исключительно только себя.*

Тов. Смилга таинственным полушопотом повествует о том, что имелось что-то, что «мешает проявлению действия закона

спроса и предложения», т.-е., что мешало снижению цен. Это «что-то» т. Смилга нашел в *государственном бюджете*. «Увеличение ж.-д. тарифов, акцизов, налогов неизбежно влечет за собой повышение цен». «Удивляться поэтому росту цен совершенно не приходится». «От иерихонских труб нашей печати цены, к сожалению, не снижаются». И тут т. Смилга берет высокий тон и прибавляет: «Все основные элементы в народном хозяйстве взаимно обусловлены».

И это все? Это все.

Куда годятся эти разглагольствования? Никуда. Серьезный партиец, серьезный экономист подкрепляет каждый свой основной вывод по экономической политике партии, по текущим проблемам хозяйства *цифрами, цифровым анализом*.

Где у т. Смилги намек на цифровой анализ? Его нет.

Тов. Преображенский и т. Смилга утверждают тезис о повышении промышленных цен. Имели же место на протяжении последних 8—9 месяцев стабильность цен, а в кооперации даже некоторое снижение. *Железнодорожные же тарифы, акцизы, таможенные сборы, некоторые прямые налоги—были повышены с апреля—мая пр. г., т.-е. с момента, когда цены, в противоположность предшествующему полугодию, перестали итти в гору и показывают даже некоторую незначительную тенденцию к снижению.*

Можно ли это оспорить? Нет, нельзя. Уже это одно говорит о том, что маневр с акцизами и т. д. был партией проведен достаточно успешно. Значит, партия сумела выбрать такие товары, повысить акцизы и тарифы в таких размерах, обусловить это повышение такими мероприятиями, что повышения цен от этого не получилось, а имело место даже некоторое незначительное снижение. И действительно, ведь прошлогоднее повышение налогов etc обусловливалось стабильностью оптовых цен, или возлагалось полностью на торговый аппарат, как об этом известно каждому, но что т. Смилга пытается замазать.

В каких цифрах выражался этот маневр партии? Тов. Микоян назвал общую цифру повышения тарифов, акцизов etc в 450 млн. руб., что составляет 3—4% всего розничного оборота СССР.

Мы имеем также специальные обследования влияния повышения акцизов и др. на цены [1]), которые *подтверждают* нами сказанное. Здесь мы имеем не общие разговоры, так себе, а серьезный цифровой анализ реальных данностей.

Чего достигла партия этим маневром? Да, она уменьшила платежеспособный спрос. Но гвоздь-то в том, что *это уменьшение платежеспособного спроса было проведено за счет торговых и накладных расходов наших органов*. Гвоздь в том, что партия *заставила* хозяйственные органы рационализировать свое ведение дел. Партия, таким образом, достигла *успехов* в одном из важнейших направлений работы. Однако, находятся люди, которые доказывают на этом конкретном экономическом маневре лицемерие партии, ее поражение.

---

1) См. журнал «Советская Торговля», орг. Наркомторга, № 1 от 7/I—27 г. и «Финансы и Народное Хозяйство», орг. НКФ, № 7 от 13/II—27 г.

Или, может быть, т. Преображенский и т. Смилга выступят в защиту и *такого* платежеспособного спроса, обрушат на партию громы и молнии за уменьшение этого платежеспособного спроса?

* * *

Переходим к заработной плате. Мы уже отмечали, что тов. Преображенский, поставивший своей задачей специально исследовать платежеспособный спрос и предложение в первом квартале, о зарплате почему-то говорит в сослагательном наклонении, в роде того, что если бы зарплату резко сократить, то сократился бы и рабочий спрос. Рассуждение правильное, но какое оно имеет отношение к первому кварталу 1926—27 г.?

Или рабочий спрос политически столь мало влиятельная, экономически столь маловажная величина, что его можно скинуть со счетов при конкретном анализе товарного голода в СССР? О числе копеек за пуд хлеба говорить надо конкретно, а о зарплате нет?

Нам думается, что на этом примере весьма резко выявляется научная добросовестность оппозиционных экономистов. Чем вызывается такой «анализ» советской экономики за первый квартал 1926—27 хозяйственного года—об этом мы поговорим в одной из последних глав.

Тов. Смилга со свойственной ему наготой просто заявляет, без всякой попытки цифрового подтверждения: «Проводимая ныне политика идет по другому пути... Увеличение розничных цен снижает зарплату рабочих и служащих»—и баста.

Каково действительное положение вещей?—Средняя месячная зарплата рабочих крупной промышленности составляла по всей промышленности:

	В условн. моск. руб.	В червон. руб.
1925—26 г.		
Октябрь	30,83	53,75
Ноябрь	28,31	50,29
Декабрь	28,84	52,38
Январь	27,09	50,24
Май	26,38	52,13
1926—27 г.		
Октябрь	31,00	58,62
Ноябрь	30,52	58,17
Декабрь	30,50	58,68

На основе этих данных, а также движения общего количества рабочих почему бы не прикинуть, уменьшился или возрос платежеспособный спрос рабочего класса?

Он возрос. Наркомторг исчисляет рост фонда заработной платы даже в 19—22% по сравнению с I кварт. 1925—26 г. Рост реального спроса рабочего класса неоспорим. И это является важным достижением партийной политики. Пусть оппозиция называет такой метод изживания товарного голода отрицательным, этим она лишь окончательно разоблачает себя.

Но вот где т. Преображенский *немедленно же* делает прикидки—это по вопросу о водке. Скрыв от читателя данные о

движении зарплаты, посеяв мысль о падении зарплаты, т. Преображенский во всеоружии, с открытой грудью, выступает по вопросу о водке.

Как назвать подобные методы «изучения товарного голода на основании фактических данных»? Неприкрытой попыткой во что бы то ни стало, любыми методами, дискредитировать партию в глазах широких масс трудящихся.

Партии нечего скрывать от широчайших масс трудящихся. По исчислениям Центрального Бюро Статистики Труда, расход на спиртные напитки в бюджете рабочего сказывается следующим образом (на 1 хозяйство за квартал).

Районы.	Окт.—Декабрь		Январь—Март		Апрель—Июнь		Июль—Сент.	
	В руб.	В %% к общ. расх.	В руб.	В %% к общ. расх.	В руб.	В %% к общ. расх.	В руб.	В %% к общ. расх.
Москва . .	17,73	4,2	10,32	2,8	15,53	3,9	10,52	2,8
Ленинград .	13,80	4,1	10,74	3,4	13,00	3,7	11,17	3,3
Ив.-Вознес.	2,88	1,5	3,74	1,8	5,70	2,8	7,55	3,6
Урал . . .	5,16	2,8	3,44	1,8	6,04	3,0	6,55	3,2
Харьков . .	5,70	1,7	8,50	2,4	11,19	3,1	7,58	2,5
Донбасс . .	7,36	2,5	9,09	3,1	12,47	4,2	9,65	3,2

Партия открыто говорит и имеет мужество говорить открыто о том, что наш бюджет пока-что частично опирается и на доходы от *водки*. Это одно из противоречий переходного периода, когда старое еще сильно. Но именно поэтому партия *с удвоенными усилиями* поведет свою воспитательную, культурную работу в рабочем классе и крестьянстве, чтобы *наиболее быстро* справиться с тяжелым наследием прошлого.

* * *

Прослеживая шаг за шагом основные этапы любопытных похождений наших экономистов, мы благополучно приходим к предложению промтоваров.

Тов. Преображенский здесь уже несколько ласковее. Он пишет: «Здесь недоучет в цифрах есть, повидимому, факт. Но влияние этого увеличенного в сравнении с планом выхода промтоваров на рынок есть «музыка будущего». В этом квартале *на широком потребительском рынке* увеличение, напр., продукции топливной промышленности не могло заметно сказаться, а увеличение продукции по другим отраслям, напр., по текстильной, скажется после». Странным образом и в этой аргументации бросается в глаза полное отсутствие цифр.

Тов. Смилга не более разговорчив. Он, видите ли, согласен допустить, что «Контрольные цифры» «не угадали» летом 1926 г. урожая хлопка в Америке. Благодаря огромному падению цен на хлопок оказалось возможным купить хлопка больше, чем предполагалось, и увеличить текстильное производство, чему мы все, конечно, очень рады. Равным образом «Контрольные цифры» «не угадали» нефтяных фонтанов, поднявших добычу Баку и Грозного. Каюсь от имени своего и своих сотрудников: в знахарстве (а не в научном предвидении) оказались слабы».

Тов. Смилга, очевидно, не знает предмета, о котором говорит. Основная масса дополнительного хлопка получена внутри страны. *Просто неверно*, что в Америке хлопка было закуплено больше. Что касается фонтанов, то добавочные фонтаны в промфинплане не учтены. Но ведь дело-то в том, что промфинплан устанавливает размеры развертывания промышленности в 20% вместо 15% контрольных цифр Госплана. При всем мастерстве оппозиционных экономистов 20% останутся выше 15%. «Научное предвидение» т. Смилги уже через несколько месяцев оказалось, таким образом, битым. Он, как сверхиндустриалист, все время косит, а именно в сторону *недооценки возможностей развития государственной промышленности и капитальных затрат.*

Тов. Преображенский признает недоучет «Контрольных цифр». Но он находит, что увеличение промпродукции не могло сказаться на *широком потребительском рынке*. В пример он приводит топливную промышленность. Откровенно говорим, что мы поставлены в тупик. При чем тут топливная промышленность и товарный голод на предметы широкого потребления? После этого можно ожидать, что в каком-либо из следующих очерков т. Преображенский поставит интересную проблему о продаже на широком потребительском рынке продукции паровозостроительных заводов и о законах влияния этой продукции на широкий потребительский рынок. А с другой стороны, ведь в первом квартале как производственно-техническое потребление (основное для топливной промышленности), так и личное потребление продуктов топливной промышленности не терпело ущерба. Продукция топливной промышленности *не принадлежала* к дефицитным товарам.

Тов. Преображенский ни с какой стороны не доказал, что влияние увеличенной промпродукции не могло сказаться в первом квартале. Для этого утверждения нет оснований. Наоборот, отчетные данные опровергают это. Еще четвертый квартал 1925—1926 хозгода—июль—сентябрь—проходил без того провала в производстве, какой имел место в четвертом квартале 1924—25 г. А общая продукция госпромышленности изменялась следующим образом:

Месяцы	1925/26 г.		1926/27 г.	
	По методу завод. оцен.	По ранее принят. методу	По методу завод. оцен.	По ранее принят. методу
	В миллионах рублей по довоенным ценам			
Октябрь	328,6	281,8	398,8	341,2
Ноябрь	313,3	271,6	411,9	351,9
Декабрь	340,5	294,9	432,3	371,2
Январь	327,1	285,1	409,3	354,5
Февраль	342,7	297,6	410,7	355,8
Итого за 5 мес.	1.652,2	1.431,0	2.063,0	1.774,6

Если же выделить продукцию предметов широкого потребления, то мы имеем следующую картину:

	1925/26 г.	1926/27 г.
	В млн. червонных руб.	
Октябрь	296,7	362,1
Ноябрь	293,8	390,6
Декабрь	327,2	398,0
Январь	309,0	371,2
Февраль	324,1	
Март	339,2	
Апрель	370,4	
Май	305,9	
Июнь	309,4	
Июль	258,1	
Август	314,8	
Сентябрь	358,9	

Пусть успокоят свои благородные порывы оппозиционные экономисты: из вышеприведенных цифр предметов широкого потребления мы исключили продукцию спирто-водочной промышленности...

Некуда деться оппозиционным экономистам. Они биты дважды. Во-первых, в контрольных цифрах Госплана темп развертывания госпромышленности оказался *преуменьшенным*, и он повышен с 15 до 20%, во-вторых, в реальной жизни пока-что и эти 20% превзойдены на порядочную величину.

Это есть основное. Все же приводимое по этому вопросу оппозиционными экономистами—пустяки и попытки отболтаться.

Так партия и со стороны предложения промышленной продукции решает «отрицательными методами» товарный голод и «загоняет его внутрь хозяйственного организма».

* * *

Прежде чем подводить итоги по «исследованию» оппозиционными экономистами современной хозяйственной обстановки, остановимся еще на одном вопросе.

Какова установка партии в отношении промышленности вообще? Ясное дело, что, по мнению оппозиции, она «минималистская» или «хвостистская». В июле оппозиционный блок говорил о том, что нынешний год снова обнаруживает со всей ясностью, что государственная промышленность отстает от народнохозяйственного развития в целом. Вообще в «мелодиях» оппозиции эта нота об отставании промышленности играет особо выдающуюся роль. «Хвостизм» ленинской партии...

Дать теоретическое об'яснение этой установки суждено было Е. А. Преображенскому. В «Вестнике Ком. Академии» кн. 17 за 1926 г. мы находим это последнее «достижение» «теоретической» «мысли». Оно до того примечательное, что мы приведем его полностью. Изобличая ошибочность политики партии в смысле перераспределения национального дохода, т. Преображенский продолжает: «При капитализме это было бы исправлено стихийным путем. Допустим, при капитализме нехватает промышленных товаров. Это значит, что цена на них растет, растут отпускные цены фабрик и заводов, при чем разница может и не возрастать.

Увеличились бы цены на промышленные изделия до отказа и начался бы отлив капитала в промышленность, увеличилась бы доля промышленности, которая требует из всего национального дохода новых затрат на расширение имеющихся предприятий, и самим фактом такого перераспределения было бы достигнуто удовлетворение этого возросшего спроса.

«В настоящее время у нас происходит увеличение розничных цен на промышленные изделия. Но ведь только мы—государственная национализированная промышленность,—только мы одни можем осуществить то самое расширение, которое может внести правильное соотношение во все стороны хозяйственной жизни страны.

«Нужно покрывать дефицит на товары путем увеличения производства. А мы этого не делаем в нужной мере. А поскольку мы этого не делаем, мы сами являемся фактором увеличения товарного голода. На том самом месте, где закон ценности стихийно привел бы к перекачке средств в промышленность, сидим мы сами и не проводим плановым порядком перераспределения национального дохода, мы являемся тормозом необходимого перераспределения. В результате мы живем в состоянии растущего товарного голода» (стр. 230—231).

И в нынешней своей статье т. Преображенский говорит о каком-то «задержанном рефлексе закона ценности» в нашем хозяйстве, который приводит к повышению цен без соответственного стихийного перелива труда и средств производства в области производства дефицитных товаров». Откровенно говоря, нам кажется, что это «задержанный рефлекс» чего-то другого и во всяком случае без всякой ценности...

Итак, закон стоимости чисто сделал бы свою регулятивную работу, плановое же руководство нашей партии явно тормозит изживание товарного голода, наоборот—усиливает, углубляет диспропорциональность в хозяйстве.

Таково это «последнее слово» *ликвидаторства*, щеголяющего в тоге «левой» фразы.

Действительно, представим себе на секунду, как «закон ценности» устанавливал бы равновесие в нашем хозяйстве. Как будто *элементарно ясно*, что действие закона ценности безоговорочно привело бы к полному разбазариванию убыточной тяжелой промышленности. И если мы так *сравнительно твердо* стоим на ногах, как ныне, то *только благодаря плановому регулированию партии*, якобы, являющемуся «тормозом необходимого перераспределения», якобы, приводящему к «состоянию *растущего* товарного голода».

Ныне, с выступлением своего теоретика переходного периода, оппозиция *сама убила*, сделала *смешным* свое заявление насчет «хвостизма» партии, насчет «минималистской» ее установки в деле развертывания промышленности.

Что же касается наших экономистов переходного периода, то они, очевидно, далеко пойдут по пути апологии капитализма.

* * *

Оппозиционные экономисты с большой помпой начали свой «анализ» хозяйственной обстановки, складывающейся в первом квартале нынешнего хозяйственного года. На проверку оказа-

лось, что за этим «анализом» скрывается полное незнание предмета, путаница и изумительная «добросовестность» в приемах исследования. Они возвестили миру, что партия своей политикой лишь усугубила диспропорцию между промышленностью и сельским хозяйством, что товарный голод партией был просто-напросто срезан путем понижения сельскохозяйственных цен, повышения промышленных цен и бюджета. На проверку же оказалось, что здесь все напутано и что оппозиционные экономисты выбрали себе хорошее «основание»—*вздутые хлебные цены начала 1925—26 хоз. года.*

Вообще по поводу сравнения с первым кварталом пр. г. должна быть соблюдена весьма большая осторожность. Ведь, нужно иметь кочан капусты вместо головы и не быть ленинской партией, чтобы ориентироваться в хозяйственной практике на первый квартал 1925—26 г., когда весь народнохозяйственный организм уже начинало лихорадить.

Точно так же нельзя по одному кварталу окончательно судить о результатах борьбы с товарным голодом, ибо, напр., путем большей концентрации налога в одном квартале вполне возможно раздвинуть пред'явление спроса во времени, что в действительности и имело место.

И все же, если даже провести *полное сравнение* с этим первым кварталом, то и тогда результаты получаются иные, чем у оппозиционных экономистов. По подсчетам Кон'юнктурного Совета Госплана, валовая выручка крестьянства от реализации сельскохозяйственной продукции по плановым и неплановым заготовкам для периода июль—сентябрь 1926 г. составила 515 млн. р. и для октября—декабря—1.055 млн. р., а всего с начала сельскохозяйственной кампании—1.570 млн. р., или на 2 процента выше соответствующих данных предшествующего года. Но так как за этот же период в 1926 г. внесено было 240 млн. р. сел.-хоз. налога против 125 млн. р., уплаченных в 1925 г., то, за вычетом с.-х. обложения, покупательный фонд деревни определялся в номинальном выражении за полугодие 1926 г. в 1.330 млн. руб. против 1.420 млн. руб., вырученных деревней в 1925 году.

В «Экон. Жизни» были опубликованы подсчеты Наркомторга, суть которых мы здесь изложим[1]). Эти подсчеты касаются первого квартала. Денежный доход деревни *увеличился* согласно этих подсчетов *на 7% по сравнению с первым кварталом 1925—26 г.* Однако, за вычетом сел.-хоз. налога и др. денежных платежей, платежепокупательный фонд деревни на промтовары останется на уровне пр. года.

Что касается спроса городского населения, то—наперекор намекам или заявлениям оппозиционных экономистов о его падении—он показывает дальнейший под'ем. Фонд зарплаты возрастает по сравнению с первым кварталом предыдущего года на 19—22%. Наркомторг принимает увеличение общего дохода городского населения в 14%. При этих условиях *общий покупательный фонд города и деревни увеличился на 5%.*

На стороне предложения промышленных товаров мы имеем *увеличение предметов широкого потребления* государственной планируемой промышленности на *240 млн. р. по розничным ценам первого квартала пр. г.*

[1]) См. статью Залкинда в №№ 60 и 61 «Эк. Ж.» за 1927 г.

Но что происходит в области цен как по сравнению с предположениями, так и первым кварталом пр. г.? Вследствие снижения сельскохозяйственных цен платежепокупательный фонд деревни падает, и Наркомторг исчисляет это падение в сумме около 60 млн. руб. Падение реального покупательного фонда всего населения вследствие роста промышленных цен по плановому государственному производству Наркомторг исчисляет тоже в 60 млн. руб. Таким образом, мы имеем сумму в 360 млн. руб., *две трети которой покрываются увеличением реального предложения промышленной продукции и одна треть—падением покупательного фонда вследствие вышеуказанной динамики промышленных и сельскохозяйственных цен.* Повторяем еще раз, эти расчеты построены на сравнении с первым кварталом истекшего хозяйственного года.

Так обстоит дело, если делать подсчеты, а не заниматься пустой болтовней. Эти подсчеты полностью подтверждают то, к чему пришли мы, анализируя отдельные стороны вопроса.

Так обстоит с якобы отрицательными методами борьбы с товарным голодом со стороны нашей партии. Так действительность *без остатка взрывает* нынешние утверждения оппозиции, что «политикой цен, косвенным обложением и водкой», а не увеличением промпродукции и ростом доходов, будто бы решаются очередные задачи в области хозяйства.

Может ли партия быть довольна такими результатами первого квартала? И да, и нет. Партии удалось преодолеть прошлогодние хозяйственные затруднения. Партия *переломила* повышательную тенденцию цен. Принятыми мерами она охранила устойчивость червонца, что уже привело к некоторым *новым* явлениям в хозяйственной обстановке, которые, конечно, *полностью проглядели* оба оппозиционных экономиста. Речь идет о *росте денежных накоплений* (безостановочный рост вкладов в сберегательных кассах)[1]) и помещений в займы (30-миллионный заем 1926 г.). *Этот чрезвычайно важный процесс роста денежных накоплений стал возможным лишь на основе той политики, которую осуществляла партия, и лишь в результате той борьбы за твердую валюту, которую*—наперекор предложениям т. Преображенского и иже с ним—*партия провела в пр. году.*

Вторым новым моментом в хозяйственной кон'юнктуре является обострение вопроса об *ассортименте* и *качестве промышленных изделий.* Физический спрос на промтовары в основном удовлетворен. В связи с ростом благосостояния требовательность населения возрастает—и государственная промышленность обязана это обстоятельство полностью учесть в своей работе. Иначе неизбежно усиление тех явлений затоваривания на основе несоответствующего ассортимента и неудовлетворительного качества товара, которые имели место в отдельных отраслях промышленности. Это обстоятельство также упущено в анализе тт. Преображенского и Смилги. Между тем, *вопросы качества и ассортимента будут играть важнейшую роль.* Упустить этот вопрос было бы грубейшей ошибкой.

[1]) Остаток вкладов составлял: на 1/X 1925 г.—33,5 млн. р., на 1/X 1926 г.—86,0 млн. р., на 1/I 1927 г.—114,6 млн. р., на 1/III 1927 г.—134,3 млн. р. За тот же период количество вкладчиков возросло с 818 тыс. чел. до 1.663 тыс. чел. Эти цифры лишний раз свидетельствуют о *под'еме*, а не *падении* страны и доходов населения.

Партия добилась в первом квартале установления известного равновесия в хозяйственной жизни. Несмотря на предсказания оппозиции, несмотря на путаницу в контрольных цифрах Госплана с товарным голодом и т. д., в течение первого квартала достаточно успешно вырешались основные вопросы реализации урожая. Всем известно, что, напр., хлебозаготовки за первую половину кампании на 35% выше прошлогодних. Экспорт хлеба также удалось более или менее наладить. Накоплен уже некоторый валютный фонд. Что касается развертывания промышленности, то оно превышало намеченный план 20-процентного годового развертывания, достигнув 26% роста, по сравнению с первым кварталом пр. г. План капитальных работ установлен даже больший, чем предлагали оппозиционеры. Тем, что партия передвинула сроки взноса сельскохозяйственного налога в большей части на первый квартал, она, несомненно, уменьшила размеры товарного голода. Весьма возможно, что здесь можно было сманеврировать на меньшую сумму—об этом можно спорить—но только оппозиционные экономисты могут при этом болтать об «отрицательных методах» изживания торгового голода.

Таковы важные положительные итоги первого квартала.

Но партия одновременно и *не удовлетворена* достигнутым. Ибо *стабилизация промышленных цен при падении цен сельскохозяйственных означает раздвижение «ножниц»*, что и имело место в течение первого квартала. Раздвижение «ножниц» ухудшает взаимоотношения рабочего класса с крестьянством. *Поэтому партия не может не насторожиться.* Она настораживается тем более, что *еще в прошлом году можно было констатировать*—в результате ошибок в регулировании сельскохозяйственных цен—*приостановку роста или даже падение сельскохозяйственных технических культур.* Об этом было ясно сказано в резолюции XV партийной конференции. Можно считать, что к настоящему времени допущенные ошибки и промахи во многом исправлены. Факт приостановки роста сел.-хоз. технических культур выявил теснейшую связь и взаимозависимость между ростом промышленности и сельского хозяйства, между промышленным накоплением и накоплением в сельском хозяйстве. Именно поэтому партия отвергала и отвергает все предложения оппозиции об усилении перекачки средств из сельского хозяйства в промышленность. Еще и еще раз на примере сельскохозяйственных технических культур оппозиционная программа бита жизнью.

Наконец, *разрыв сбытовых и заготовительных цен на хлеб*, несмотря на достижения последних месяцев, не может не приковывать к себе внимания партии. Высокие накладные расходы и усиленное накопление хлебозаготовительных и торгующих органов являются здесь теми элементами, по которым надо ударить и по которым уже ударили [1]).

[1]) Не слишком ли зачитались товарищи из хлеботоргующих организаций «Новой Экономикой» т. Преображенского? В частности, не увлеклись ли они следующим местом на странице 75 первого издания: «Примером такого накопления (речь идет о накоплении на основе торгового обмена. *Г. К.*) может служить, напр., закупка у крестьян хлеба, продуктов питания вообще тем же «Хлебопродуктом» и продажа их частным потребителям на городских рынках. Торговая прибыль, получаемая таким образом, есть, в сущности, вычет из дохода производителей, продающих государственному органу или организации свои товары. Когда органы госторговли и кооперации реализуют среди частных потребителей продукцию не только крестьян, но и кустарей, ремесленников и частных предпринимателей и получают при этом прибыль, то эта часть прибыли госторговли и кооперации представляет собой рассматриваемый нами источник социалистического накопления... Здесь происходит (к сожалению, пока в малом размере) накопление из фонда одной системы хозяйства в пользу другой... Но здесь возможна торговая политика и не в интересах социалистического накопления, а в интересах мелкобуржуазных производителей, имеющая своей целью сокращение вычетов из их доходов». Ясность формулировки совершенно исключительная. Читателю чрезвычайно легко оценить все лицемерие т. Смилги, когда он в своей атаке против партии думает использовать разрыв заготовительных и сбытовых цен на хлеб.

Таким образом, под'ем на *новую высшую ступень* выявил и *новые затруднения*, которые должны и будут решены под правильным руководством ленинской партии.

Важнейшим рычагом, при помощи которого будут разрешаться эти новые сложные задачи, является *снижение промышленных цен—розничных и оптовых*—и смыкание таким путем «ножниц» между промышленными и сельскохозяйственными ценами.

Конкретные методы и пути этой борьбы намечены. Нужная расстановка сил произведена. Внимание широчайших масс рабочих и крестьян к этой борьбе приковано, их участие в ней со дня на день углубляется.

Борьба предстоит тяжелая. Ведь здесь идет речь о том, чтобы в первую голову уменьшить расходы, поглощаемые сферой обращения. Улучшение и удешевление торговой сети. Сокращение торговых и накладных расходов. Установление и проведение пониженных розничных накидок. Упорядочение каналов накопления и установление минимального предельного процента торговой прибыли, включаемой в калькуляцию и т. д. Действительным проведением этих мероприятий мы добьемся снижения промышленных цен и переломим те неблагоприятные явления, какие порождаются обстановкой товарного голода и почти монопольным положением на рынке государственных торгово-промышленных и кооперативных организаций. Мы изживем таким путем новые затруднения и новые препятствия. Мы добьемся *более быстрого роста доходов* рабочего и крестьянина по сравнению с первым кварталом нынешнего года.

Что путь намечен правильный, доказывают цифры снижения промышленных цен в течение второго квартала.

*
* *

Наш анализ злоключений оппозиции был бы неполным, если бы мы не отметили факт *иных социальных мотивов* в нынешних рассуждениях оппозиции.

Она нападает сейчас на партию с другого конца. Если прежде альфой и омегой оппозиционных рассуждений являлись политика высоких промышленных цен и усиление перекачки ресурсов в государственный круг хозяйства; если этим методом она предлагала лечить товарный голод; если вдобавок к этому выдвигались мероприятия, исходящие из наличия падающей ва-

люты и положительного расчетного баланса деревни по отношению к городу; в частности, если вся эта программа мероприятий развивалась в трех предыдущих очерках «Экономических заметок» т. Преображенского,—то в настоящее время картина резко изменилась, в частности—и в установке и выводах четвертого публикуемого очерка «Экономических заметок» Е. А. Преображенского. Сейчас партия изобличается в том, что она действует методами перекачки ресурсов и высоких промышленных цен и загоняет таким образом внутрь болезни хозяйственного организма.

Хороший же аттестат выдает сама оппозиция своей же собственной программе, с таким рвением защищавшейся еще не так давно назад!

Если прежде партия обвинялась в том, что она проводит индустриализацию за счет рабочего класса, что в период хозяйственных затруднений она не охраняла интересов рабочего класса и не отстаивала достигнутого уровня реальной заработной платы, то в настоящее время в анализе хозяйственной обстановки оппозиция отделывается пустяковыми заявлениями насчет зарплаты и выражает свои мысли в сослагательном наклонении, а все удары сосредоточивает против партии по линии низких хлебных цен, исчисляя потери крестьян против вздутых хлебных цен начала прош. года.

Чем вызвано такое *идейное перевооружение оппозиции?*

Во-первых—невиданным поражением ее среди рабочего класса. У оппозиции оставался после этого только один выход—об'явить, что в нынешний период в рабочем классе доминируют больше цеховые настроения и тенденции.

Во-вторых, налицо новые затруднения, исходящие из деревни—затруднения, связанные с сельскохозяйственными техническими культурами, с некоторым раздвижением «ножниц». Эти новые затруднения не могли не вызвать новых настроений. Все эти новые социальные мотивы и находят ныне отражение в «программе» оппозиционного блока.

Оппозиционный блок, как блок оппортунистов, «реальных политиков», в достаточной мере чутко улавливает изменения обстановки. Тем более такой конгломерат мнений и настроений, как наш оппозиционный блок. Если в 1923 г. троцкистская оппозиция панически кинулась по линии «наибольшего нэповского давления», выдвинувши требование широкой товарной интервенции, если в 1925—26 г. она, «обогащенная» еще некоторыми недовольными элементами в нашей партии, кинулась в об'ятия «сверхиндустриализма»—и, в частности, об'явила ввоз товаров широкого потребления изменой делу социализма, то ныне естественно и неизбежно новое качание оппозиции. Недаром проводится уже аналогия с 1923 г. Оппозиционный блок «принципиален» лишь в одном—в своей беспринципности, в своем оппортунизме.

Но это новое качание оппозиции не явится неожиданным ни для партии, ни для рабочего класса. Партия с такой же выдержкой, как до сих пор, продолжит свою работу и будет добиваться и добьется устранения препятствий, стоящих на пути дальнейшего укрепления и углубления смычки с крестьянским хозяйством.

IV. Об одной глупой, но распространенной басне оппозиции.

Оппозиционный блок прежде всего пытается замести следы по вопросам политики цен. Еще бы! Ведь это центральный узловой пункт программы оппозиции. И жизнь беспощаднее всего ударила именно по этому центральному пункту.

Пытаясь замести следы, оппозиция ныне заявляет, что «говорить о чем-либо желании или намерении держать курс на высокие промышленные цены, значит бредить или стараться вызвать бред у других»; что «спор шел исключительно о том, как добиться на деле снижения цен и, в частности, спор шел об отношении между отпускными ценами и между розничными в данной конкретной обстановке». Тов. Зиновьев ныне подчеркивает, что еще на XV конференции т. Каменевым и т. Троцким было заявлено, что «мы стоим на точке зрения отрицания политики повышения цен».

Но тем большую ясность должна иметь партия по этому узловому вопросу.

Действительно, были споры относительно того, как сомкнуть оптово-розничные «ножницы». *И здесь столкнулись резко-непримиримо два ответа, две политики. Ответ партии:* оптово-розничные цены должны быть сомкнуты путем снижения розничных цен; к этому должна вести такая-то система мероприятий. *Ответ оппозиции:* оптово-розничные «ножницы» должны быть сомкнуты *путем под'ема отпускных оптовых цен промышленности.* Оппозиция *клала в основу* своих мероприятий факт высоких розничных цен, к которому и предлагала приспособить всю систему мероприятий. Оппозиция исходила из факта высоких розничных цен. Партия же исходила *из других фактов,* чтобы побороть факт высоких розничных цен; партия искала и находила в современной советской действительности *противоборствующие факту высоких розничных цен элементы.* Две резко очерченных политики, два диаметрально противоположных подхода, две разных системы мероприятий. Метафизическое мышление и оппортунистическое приспособленчество, преклонение перед «фактом»—с одной стороны; творческая работа по преобразованию фактов, исходя из других фактов, и материалистическая диалектика—с другой стороны [1]).

---

[1]) Неискушенный читатель, пожалуй, подумает, что диалектика тут ни при чем. Но давно уже известно, что оппортунизм в политике определенным образом увязывается с «сомнениями» и с пересмотром основных камней марксистского мировоззрения.

С этой точки зрения, пожалуй, самым злополучным из всех очерков «Эконом. заметок» тов. Преображенского является третий очерк («Большевик» № 15—16, 1926 г.), в котором поставлены некоторые общие теоретические проблемы. В этом очерке с особой силой выявляются «ножницы» между т. Преображенским и материалистической диалектикой.

Приведем следующее рассуждение т. Преображенского: «Они (оппоненты) договаривались в качестве общей директивы на будущее время до совершенно неверного экономического положения: сначала снижение цен, потом накопление, вместо единственно верного лозунга—сначала накопление, на основе его снижение себестоимости, а потом снижение цен» (стр. 80).

Совершенно ясно, что формула т. Преображенского неверна. Она метафизична. Под'ем советского хозяйства совершался и совершается, как это исчерпывающе раз'яснил еще в 24 г. т. Бухарин, путем отказа от части монопольных прибылей, ускорения оборота, расширения рынка, дальнейшего развертывания на этой основе промышленного производства и, след., снижения

Жизнь уже рассудила эти два подхода, две системы: в настоящий момент не только проводится смыкание оптово-розничных «ножниц» путем снижения розничных цен, но *снижаются также и оптовые цены на промтовары*. Установка оппозиции, предлагаемые ею мероприятия и предсказания биты еще и еще раз.

Итак, оппозиционный блок, предлагая сжатие оптово-розничных «ножниц» путем повышения оптовых цен, тем самым защищал *политику высоких промышленных цен*. Этот вывод—unantastbar, абсолютно обязательный. *Политика высоких промышленных цен есть политика оппозиционного блока*. И именно такая политика находит свое теоретическое обоснование в основных взглядах троцкизма, в теоретических работах т. Преображенского о переходном периоде и др.

Оппозиция за повышение отпускных оптовых цен. Но уже обоснование этого требования показывало, что для настоящего времени речь идет кое о чем большем. Для настоящего времени речь идеот фактически *о политике повышения цен вообще*, о достижении путем «правильной» политики цен такого предела, при котором перекачка ресурсов из «частного хозяйства» в «государственное хозяйство» производилась бы в максимально допустимых и технически возможных размерах. Оппозиция ставила под знак вопроса *всю* политику цен, проводимую партией. Приведем несколько самых резких и красочных формулировок.

Послушаем сперва тов. В. Смирнова, который в мае пр. г. писал: «Политику цен мы вели до сих пор *совсем под другим углом зрения*». «Но уже сейчас, *в момент перехода к реконструктивному периоду*... отрицательные результаты (такой политики цен) начинают выявляться—прежде всего в общем недостатке в промышленности средств, необходимых для ее развертывания, и, во-вторых, в недостаточном развитии... тяжелой промышленности и вообще производства средств производства» (курсив мой. *Г. К.*) («Красная Новь», кн. 5, стр. 162).

Тогда еще т. В. Смирнов высказывал взгляд, что повышение оптовых цен не вызовет повышения розничных.

На июльском пленуме ЦК 1926 г. т. Пятаков говорил: «Поэтому основная задача является в том, чтобы эту разницу между оптовыми и розничными ценами отчасти направить в託 госпромышленность, а не в карман частного капитала».

Мы приводили уже выше выдержки из «Экономических заметок» т. Преображенского, где обосновывалось то же.

Как известно, осенью пр. г. оппозиция чувствовала себя чуть ли не победительницей. Поэтому самые красочные определения политики цен падают на осень. Повторяем весьма стильную формулировку, данную т. Пятаковым в прениях в Ком. Академии: «Конечно, в отношении цен нужно вести политику гораздо более умную, чем мы вели до сих пор. Ведь чистоту риз мы уже запачкали, когда в начале 1925—26 г. отказались от дальнейшего снижения цен». («Вестник Ком. Академии». Кн. 17, стр. 215). Тов. Преображенский на том же заседании в Ком. Академии по поводу нынешних переплат крестьянства на про-

себестоимости, увеличения таким образом накопления, дальнейшего снижения цен и т. д...

Метафизическая постановка т. Преображенского должна быть отброшена. Она безжалостно бита жизнью.

мышленных товарах,—переплат, которые партия считает великими, заявил, что «это уже не так страшно» (стр. 225). Тут уже речь идет о розничных ценах, и это восклицание т. Преображенского как рефлектором освещает *всю позицию* оппозиционного блока.

Оппозиция защищала повышение отпускных оптовых цен, и это являлось центральным пунктом программы оппозиции. До поры до времени оговаривалось, что повышение отпускных цен не поведет за собой повышения розничных.

Эта оговорка, конечно, в корне ложная. И сама оппозиция это чувствует, не может не чувствовать. А в моменты воображаемого своего «торжества» она это открыто признавала.

Но прежде всего, всегда ли только при наличии оптово-розничных «ножниц» оппозиция требовала повышения отпускных цен? Если бы эту оговорку кто-нибудь, в том числе оппозиция, брал всерьез, то можно было бы ожидать, что повышение отпускных цен выдвигается только в условиях оптово-розничных «ножниц». Но ведь мы все знаем, что исторически дело обстоит не так. Знаменитый июльский приказ т. Пятакова от 1923 г. о достижении наибольшей прибыли был издан в условиях *дезорганизации* розничной накидки и в свою очередь ее дезорганизовал. Все мы знаем, что к октябрю 1923 г. установились совершенно неприемлемые розничные накидки, составлявшие, по исчислениям ВСНХ, всего 8% вместо 20—25% довоенных. Этого факта не отрицают и оппозиционные экономисты. Если еще в мае пр. г. т. В. Смирнов писал о том, что «едва ли кому придет в голову утверждать, что в то время накидки на оптовые цены были чересчур малы», то уже в сентябре т. Майзлину «пришло в голову утверждать» это (см. «Большевик», № 18 за 1926 г., стр. 114).

Итак, во-первых, история опровергает оговорку о том, что повышение оптовых цен не приведет к повышению розничных цен.

Во-вторых, те, кто оперирует «ножницами» между ценами на частном рынке и отпускными оптовыми государственными ценами, *забывают про кооперацию*. Повышение оптовых цен (равняясь на розничные цены частного рынка) неизбежно вызывает повышение на определенный процент розничных цен кооперации и госторговли. Это обозначает увеличение общего уровня розничных цен. Не видеть этого повышения может лишь тот, кто не замечает кооперации. Забвение же кооперации, как агента социалистического строительства, заложено в общих взглядах оппозиции.

В сентябре в программной статье Майзлина оппозиция уже отбросила оговорку относительно розничных цен. Она обосновывала свои расчеты, *исходя из повышения розничных цен кооперации*—вслед за повышением оптовых.

Политика оппозиции обозначает политику высоких промышленных цен, политику повышения цен. Ныне оппозиция делает попытку замазать этот основной факт, зайти партии в тыл и критиковать ее за явно недостаточное снижение цен.

Но и в настоящее время, когда жизнь прямо-таки поиздевалась над предложениями оппозиции, стоит ли действительно оппозиция на платформе серьезного смыкания «ножниц», или здесь больше дипломатии, истерики, метания из стороны в сторону—без отказа от основных принципов усиленной перекачки ресурсов из крестьянского хозяйства в промышленность?

V. О задаче снижения оптовых цен и о противодействии т. Преображенского.

Тов. Преображенский на этот счет не оставляет никаких сомнений. Об очередной задаче снижения оптовых цен, он пишет: «Я считаю, что расстрелять эти патроны мы всегда сумеем. Все дело в том, чтобы дошло до потребителя... Задача состоит в том, чтобы, избегая всякого огульного снижения цен, провести его в такой момент, когда это снижение целиком и полностью дойдет до потребителя и когда будет гарантия, что из торговой сети выжато все, что возможно, для уменьшения розничных цен».

Таким образом, т. Преображенский не видит в настоящее время задачи снижения оптовых цен. Здесь та же исключающая метафизическая постановка: *сперва* розничные цены, *потом* оптовые. Диалектического переплетения этих задач т. Преображенский не видит. Тов. Преображенский против снижения оптовых цен в настоящее время. По существу такую же позицию занимала оппозиция и на последнем февральском пленуме ЦК.

Верна ли эта позиция? Нет, неверна. В настоящее время перед партией поставлена задача снижения также и оптовых цен. *Смыкание «ножниц» должно быть проведено и за счет снижения оптовых цен.* И в корне неправилен такой подход, когда на снижение оптовых цен смотрят, как на расстреливание патронов. Это не расстреливание патронов, но путь дальнейшего укрепления смычки с крестьянством. Ведь мы имеем в нынешнем хозяйственном году и некоторый рост оптовых «ножниц». Если в 1925—26 г. раствор оптовых «ножниц» составлял: на 1 октября—1,25; 1 ноября—1,26; 1 декабря—1,22 и 1 января—1,17, то в нынешнем году мы имеем соответственно: 1,30; 1,31; 1,32 и 1,32. Только с февраля намечается некоторое смыкание (1 февраля—1,29; 1 марта—1,26). Вот экономический факт, который нужно оценить.

Смыкание оптовых «ножниц» в прошлом году проходило в значительной мере на основе непомерного роста хлебных цен. В нынешнем году сельскохозяйственные цены удалось снизить и установить на более или менее нормальном уровне. Но к этому сниженному уровню сельскохозяйственных цен не был приближен уровень промышленных цен. Между тем уровень сельскохозяйственных цен должен быть удержан во что бы то ни стало. Поэтому в настоящее время необходимо снижение не только розничных, но и оптовых цен. Поэтому по директиве партии и намечено снижение отпускных оптовых цен на ряд промышленных товаров (льняная промышленность, камвольная промышленность, трикотажная, лесная, электротехническая, лако-красочная, сахарная и др.).

Намеченное снижение оптовых цен, конечно, должно быть целиком доведено до потребителя. Исходя из этого условия, и был намечен список товаров, цены на которые должны быть снижены. Соответственная мобилизация проведена ныне по всей товаропроводящей сети. *Однако, снижение оптовых цен может быть доведено до потребителя лишь при том условии, если начисто отвергнуть то отношение к кооперации, каким проникнута вся «Новая экономика» т. Преображенского и которое нашло достаточное выражение в его четвертом очерке «Экономических заметок».*

В свое время уже достаточно были освещены предложения оппозиции о том, чтобы из'ять государственные средства из кооперации. Что этот рецепт обозначает значительное увеличение роли частного капитала в сфере обмена,—не нуждается в пояснениях. Да и достаточно ясно говорили об этом сами авторы предложения. Нет нужды также доказывать, что осуществление этого предложения оппозиции привело бы к величайшим затруднениям в строительстве социализма.

Ныне т. Преображенский с другого конца продолжает свою атаку на кооперацию. Он, видите ли, является таким борцом за снижение цен, что предлагает меры, которые действительно приведут к максимальному снижению. Но предоставим слово самому т. Преображенскому. «Надо положить за правило, что ни кооперация, ни госторговля не должны в ближайшие годы, по крайней мере, иметь прибылей в период повышения или стабильности розничных цен».

Действительно, не мытьем, так катаньем.

Правильно ли это предложение т. Преображенского о полном отказе от прибылей? Нет, неправильно. Это лишь жест в общем потоке «идейного перевооружения» оппозиции. Под левой фразой о защите интересов потребителя скрывается правое содержание продолжения похода против кооперации.

Советская кооперация должна быть сильной и передовой. Она должна с величайшей четкостью проводить директивы партии. Партия ограничила накопление кооперативной системы, которое приняло за последний период, в обстановке товарного голода, сплошь и рядом уродливые формы. Но лишать кооперацию прибылей совершенно—было бы неправильно. Прибыли нужны кооперативной системе как для обеспечения роста оборотов, так и для улучшения техники своего аппарата.

Что т. Преображенский продолжает свой поход против кооперации,—об этом свидетельствует еще следующая весьма подозрительная формулировка в той же статье: «Наконец, не мешало бы подумать, нельзя ли на ближайший год—два перебросить часть затрат труда из кооперации и госторговли, труда слишком дорогого, на самого потребителя... ...Нельзя ли вместо приближения товара к потребителю несколько усилить приближение потребителя к товару. Короче: нельзя ли ликвидировать те предприятия госкооперативной сети, которые не нагружены до известного минимума оборота на рабочую силу».

До сих пор мы полагали, что кооперация и является *организацией потребителя*, пусть еще скверной, но, во всяком случае, из года в год улучшающейся. Поэтому мы считали экономически неграмотным противопоставление кооперации и кооперативных средств, куда в возрастающей доле входят средства населения, потребителю и средствам потребителя. Товарищ же Преображенский ныне сделал весьма важное экономическое открытие, ставящее на голову эти наши представления. По мнению т. Преображенского, ликвидацией организаций потребителя—кооперативов—можно приблизить потребителя к товару.

Практическое значение предложений т. Преображенского очевидно. При такой кооперативной «политике» нечего думать о доведении снижения оптовых цен на промтовары до потребителя.

Следующий основной вопрос, который должен быть решен при осуществлении намеченного снижения оптовых цен, заклю-

чается в том, как повлияет это снижение на фонд промышленного накопления. Не ставятся ли под удар намеченные капитальные работы в промышленности? По подсчетам ВСНХ, снижение оптовых цен должно составить сумму до 150 млн. р. Однако, *оно не касается фонда накопления* и проводится за счет реального снижения себестоимости. Проводимым снижением оптовых цен партия снова и снова ставит в упор перед хозяйственниками задачу улучшения своего хозяйства, удешевления и рационализации производственных процессов и всей организационной структуры промышленности. Снижение оптовых цен является превосходным средством борьбы с монопольным закостенением и вообще с отрицательными сторонами монополии.

Задача максимального снижения себестоимости промышленных товаров, таким образом, во весь рост поставлена перед хозяйственниками. Расчетами контрольных цифр Госплана и в этой области нельзя было удовольствоваться: стабилизация себестоимости на прошлогоднем уровне неприемлема. Верно, что процесс снижения себестоимости—вместе с исчерпанием ресурсов восстановительного периода—пойдет значительно медленнее. 30—40% снижения себестоимости за восстановительный период отходят в прошлое. Сейчас мы имеем уже дело с 4—5% снижения, каковой процент снижения и намечен для нынешнего года. Если в прошлом году наше хозяйство потерпело в деле снижения себестоимости *крупнейшую неудачу*, то связана эта неудача в значительной мере с прошлогодними хозяйственными затруднениями и нисколько не говорит против реальности директивы, данной в нынешнем году. Промышленность имеет возможности снижения себестоимости, и связаны они как с окончательной загрузкой основного капитала, так и с энергичной рационализацией всего производственного процесса и всей организационной структуры промышленности (системы управления), а также с более полным использованием новой, улучшенной техники.

Таким образом, оппозиция и здесь—в вопросе о снижении оптовых цен—занимает «хвостистскую» позицию и мешает проведению правильной хозяйственной политики в соответствии с народнохозяйственной обстановкой. На словах защищая смычку, пытаясь критиковать партию с точки зрения недостаточности снижения цен, перевооружаясь идейно, оппозиция попрежнему занимает свои цеховые позиции и противится очередной мере, ведущей к укреплению смычки,—снижению оптовых цен на ряд изделий промышленности.

VI. Заключительный аккорд оппозиционных экономистов.

Оппозиционные экономисты, разнося политику партии, натянули под конец струны до последней возможности и издали аккорд, поистине достойный эпохи.

Они дали в заключение общую оценку переживаемой фазы нэпа, и эта их оценка гласит: «Одно ясно. Мы, может быть, и вступили в новую, высшую фазу нэпа, ...но порядка в этой фазе еще меньше, чем было раньше» (из статьи т. Смилги).

По существу к такому же выводу приходит и т. Преображенский, подводя итоги регулирования торговли за годы нэп'а. «Порядка в этой фазе еще меньше, чем было раньше».

В этой оценке не осталось уже ничего от великолепной «исторической музыки растущего социализма», которую слышал

т. Троцкий осенью 1925 г. Тем самым доказано лицемерие, скрытое под этой красивой и эффектной фразой. Политика партии, оказывается, приводит к еще большему непорядку, чем до сих пор.

Нэп—это правильная политика переходного периода, на рельсах которой мы завоюем социализм. В нэпе было несколько периодов: период отступления, приостановки отступления и перегруппировки сил и период наступления. Восстановительный период ныне закончен. Страна вступила в новый период реконструкции. Каково основное содержание этого периода? Основное содержание его—планомерная работа по органической перестройке экономической и технической базы общества и, тем самым, по переводу мелкого хозяйства на рельсы крупного социалистического хозяйства. *Систематическое, уверенное наступление социализма на остатки капитализма в нашей стране*—вот основная характеристика этого периода.

Кто это оспаривает, тот обнаруживает полное непонимание эпохи, тот не способен об'ять все величие строительной работы социализма. Это и случилось с оппозиционным блоком. С этой своей *упадочной* установки он и критикует каждый шаг ленинской партии.

Но партия выросла. Партия сплотилась. Она закалилась в борьбе. Наскоки оппозиционного блока она отражает со все меньшими затратами сил и времени—и спокойно переходит к очередным делам социалистического строительства.

* * *

На этом мы прощаемся с оппозиционными экономистами.

Недавно один из них—т. Смилга—обогатил экономическую литературу Советского Союза новым томом, в 500 страниц, собрания своих статей и речей за период с 1921 по 1926 г. В предисловии сам автор весьма остроумно и метко оценивает этот свой вклад: «Литературная продукция автора является как бы результатом использования отработанного пара».

Оппозиционный блок имеет, таким образом, весьма ценное приобретение. «Пар» оппозиции иссякал. Машина начинала давать крупные перебои. Ныне оппозиция получила подкрепления: ее иссякающий пар усилен отработанным паром т. Смилги. Нет и не может быть поэтому сомнений в том, что на «отработанном паре» т. Смилги оппозиционный блок ожидают крупнейшие достижения как в науке, так и в политике.

О post-scriptum'е тов. Преображенского. В порыве самопожертвования т. Преображенский согласен взвалить на себя одного исключительно громадное бремя ответственности за «Новую экономику». Он заявляет, что за книгу несет ответственность в качестве автора он один и что никаким символом веры оппозиции она не является. Сознаемся—мы никогда не собирались умалять полной ответственности т. Преображенского, как автора: т. Преображенский уже вошел в историю, как открывший великий «закон первоначального социалистического накопления» и с удивительной дальнозоркостью изобразивший внутренние пружины действия этого закона—в ходе завоевания социализма.

Но вот насчет символа веры—это напрасно. В компетентные свидетели наших весьма основательных сомнений призовем тов.

Е. А. Преображенского из третьего очерка «Экономических заметок». Там на протяжении целых трех страниц перед взорами ошеломленного читателя проходит вся грозная цепь прегрешений партии, начиная с 1923 г., а также весь мартиролог оппозиционных усилий в борьбе за «истинно-ленинскую» хозяйственную политику. Здесь и доклад т. Троцкого на XII с'езде партии, здесь и выступление т. Пятакова на XIII партконференции, затем снова т. Троцкий и т. д. *На видном же месте этой оппозиционной цепи, в качестве органического ее звена, т. Преображенским помещен открытый им в 1923 г. «закон первоначального социалистического накопления»*, который, оказывается, давал «правильный прогноз назревавших трудностей, которые для всех стали ясными через полтора—два года» (см. «Большевик», № 15—16 за 1926 г., стр. 80—83).

В этой тяжбе между двумя Преображенскими, затеянной нынешним пост-скриптумом т. Преображенского, несомненно, прав т. Преображенский из третьего очерка «Экономических заметок».

Но что же заставило тов. Преображенского сделать такую приписку к его IV очерку «Эк. заметок»? Что привело к такому противоречию между «Эк. заметками» № 3 и «Эк. заметками» № 4?

Развал оппозиции. *Г. К.*

К. Розенталь.

К вопросу об основном капитале нашей промышленности.

Статистические данные о величине основных фондов нашей промышленности и ее динамике страдают чрезвычайной разноречивостью.

По данным «Баланса народного хозяйства Союза ССР 1923—1924 года», одного из наиболее солидных источников цифр по этому вопросу, движение основного капитала фабрично-заводской (цензовой) промышленности в миллионах довоенных рублей представляется в таком виде:

Движение капитала ф.-з. (цензовой) промышленности за 1913—1924 г.
(в милл. довоен. рублей).

Годы	Капитал к началу года		Вложения		Снашивание		Прирост или убыль	
	Абс.	В %	Абс.	В %	Абс.	В %	Абс.	В %
1913	3.538	100,0	—	—	—	—	—	—
1914	3.740	105,7	327	8,7	125	3,3	+ 202	+ 5,4
1915	3.899	110,2	291	7,5	132	3,3	+ 159	+ 4,4
1916	4.036	114,1	274	6,7	137	3,3	+ 137	+ 3,4
1917	4.047	114,4	153	3,7	142	3,5	+ 10	+ 0,2
1918	3.913	110,6	43	1,1	177	4,5	— 134	— 3,4
1919	3.714	105,0	32	0,8	230	6,1	— 198	— 5,3
1920	3.532	99,8	20	0,5	202	5,7	— 182	— 5,2
1921	3.364	95,1	19	0,5	187	5,5	— 167	— 5,0
1922	3.210	90,8	30	0,9	183	5,4	— 153	— 4,5
1922/23	3.139	88,7	42	1,3	113	3,6	— 71	— 2,3
1923/24	3.108	87,9	82	2,6	113	3,5	— 30	— 0,9

Основной капитал промышленности растет вплоть до 1917 г. включительно [1]), при чем за четыре года—1913—1917—основные фонды промышленности показывают увеличение на 519 милл. рублей или на 14,4% по отношению к 1913 году. Но уже с 1917 года основные фонды промышленности начинают уменьшаться, и к 1923—24 году оказывается сведенным на нет не только прирост военного периода, но и уничтожена значительная доля основных фондов, состоявших к 1913 г. Основной капитал снижается до 3.108 милл. или 87,9% к 1913 году и 76,8% к 1917 году. Надо при этом заметить, что из этой цифры в 3.108 милл. не вычтен прямой военный ущерб, определяемый в 345 млн. рублей. С учетом же военного ущерба основные фонды промышленности должны были бы показать сокращение на колоссальную сумму в 1 миллиард 400 миллионов рублей по сравнению с 1917 годом и на 765 миллионов р. по сравнению с 1913 годом.

Существенно отличный (от данных «Баланса») ряд цифр, показывающих динамику основного капитала, дает Струмилин. В его исчислениях основные фонды промышленности в реальной оценке, т.-е. с учетом технического и морального износа, изменялись так (в млн. дов. рубл.):

1913 г. . . .	3.000 млн.	1916 г. . . .	3.326 м. р.
1914 г. . . .	3.125 »	1917 г. . . .	3.530 »
1915 г. . . .	3.225 »	1918 г. . . .	3.677 »

Иначе говоря, за пять лет основные фонды промышленности возросли на 677 милл. руб. Но уже следующие 7 революционных лет показывают картину медленно-неуклонного уменьшения фабрично-заводского имущества. И с 3.677 милл. в 1917—18 г. основные фонды промышленности снижаются до 2.685 милл. к 24—25 г., т.-е. на 992 милл. рублей. Если же к этой цифре прибавить 345 милл. рублей военного ущерба, то уменьшение основных фондов выразится в круглой цифре 1.340 милл. рублей по сравнению с 1917 г.

Таким образом, в результате интервенции и гражданской войны, в результате отсутствия необходимого за нашими предприятиями надзора и охраны, отсутствия возмещения износа основные фонды промышленности оказались уменьшенными не меньше чем на $^1/_3$. На одну треть наша промышленность оказалась беднее к тому моменту существования нашего Союза, когда мы оказались в состоянии перейти от «проедания» наших основных фондов к их расширенному воспроизводству. Если же, наконец, учесть «моральный» износ основного капитала, то стоимость его не должна будет превышать 60% или $^3/_5$ прежней, восстановительной стоимости.

Не все части основного капитала подвергались в одинаковой степени техническому износу и, тем более «моральному». Меньше всего, очевидно, должны были пострадать постройки и сооружения и в значительно большей мере машины и оборудования. Существующие данные (см. «Баланс народного хозяйства СССР 1923—24 г.») целиком это подтверждают.

[1]) По данным С. Струмилина—до 1918 г. включительно.

Движение капитала ф.-з. (цензовой) промышленности
(в милл. довоен. рублей)

Годы	В том числе: Постройки			Маш. и оборудование			Проч. виды к-ла		
	Милл. руб.	В % к 13 г.	В % к 17 г.	Милл. руб.	В % к 13 г.	В % к 17 г.	Милл. руб.	В % к 13 г.	В % к 17 г.
1913	1.646,1	100,0	—	1.758,4	100,0	—	133,5	100,0	—
1914	1.744,2	105,9	—	1.856,2	105,5	—	139,8	104,5	—
1915	1.819,4	110,5	—	1.934,8	110,0	—	145,1	109,0	—
1916	1.884,9	114,4	—	2.001,9	113,8	—	149,5	112,0	—
1917	1.892,5	114,9	100,0	2.006,1	114,1	100,0	148,7	111,2	100,0
1918	1.840,1	111,7	97,3	1.929,9	109,7	96,1	143,1	107,5	96,6
1919	1.755,1	106,6	92,7	1.821,5	103,5	90,2	138,0	103,7	93,2
1920	1.676,7	101,8	88,5	1.722,1	97,9	85,8	133,3	100,0	89,8
1921	1.604,6	97,8	84,2	1.630,6	92,7	81,2	128,9	98,2	86,4
1922	1.538,3	94,0	81,2	1.547,6	87,9	77,1	125,0	93,9	84,4
1922/23	1.511,8	92,3	79,8	1.506,4	85,6	75,0	121,6	90,9	81,7
1923/24	1.514,6	92,5	80,0	1.476,6	83,9	73,5	117,7	87,9	79,0

Приведенные выше данные «Баланса», не учитывающие, как сказано, ни «морального» износа, ни прямого ущерба от войны и интервенции, говорят о том, что основные фонды промышленности больше всего сократились как раз в части машин и оборудования и значительно меньше в части построек и сооружений. Если же предположить, что прямой военный ущерб равномерно распределился по всем частям основного капитала (чего на самом деле допустить, конечно, нельзя; несомненно, что и здесь он в большей мере коснулся машин и оборудования), то стоимость машин и оборудования должна была бы понизиться до 65% их первоначальной стоимости. Учет же «морального» износа должен был бы эту цифру понизить еще больше.

Этому уменьшению основных фондов промышленности соответствовало катастрофическое падение *металлургического* производства. Выплавка чугуна упала с 256,8 милл. пуд. в 1913 г. до 39,8 милл. пуд. в 1923—24 или на 84,5%; выплавка стали за эти же годы упала с 263,9 милл. пуд. до 60,6 милл. пуд. или на 77%; прокат металлов понизился с 219,4 милл. пуд. до 41,8 милл. пуд. или на 80,9%.

Такая же, в основном, картина рисуется и в области машиностроения, с тем, впрочем, отличием от динамики основных фондов промышленности в целом, что здесь падение начинается уже с 1917, а не 1918 года. По данным ЦСУ (ч. XXVI) динамика производства промышленного оборудования (фабрично-заводской промышленностью) представляется в таком виде (в милл. дов. рубл.):

	1913	1914	1915	1916	1917	1918 I пол.
1. Силовое и технич. оборуд. для промышл. заведений	42,7	42,0	43,3	52,8	27,7	7,5
В том числе:						
Оборуд. силов. устан. . . .	17,2	18,4	18,6	19,2	11,5	4,4
Технич. оборуд. пр-ва . . .	25,5	23,6	24,7	33,6	16,2	3,1

Данные эти, несомненно, неполные, отнюдь не охватывают всей совокупности промышленного оборудования внутреннего производства, но охватывают они один и тот же круг предприятий и поэтому динамику производства отражают, повидимому, правильно. В части оборудования силовых установок производство 1917 г. составляет только 66,8% производства 1913 года, а в части, касающейся технического оборудования, еще меньше — 63,6%. Значительно упал и ввоз промышленных машин: со 109 милл. руб. в 1913 году до 2,5 милл. рублей в 1921 г. и до 6,9 милл. р. в 24 г.

Таким образом, износ промышленного оборудования не покрывался, да и не мог быть покрытым в условиях столь резкого падения металлургического производства, падения производства промышленного оборудования, сказавшегося уже в 1917 году и значительного сокращения (а в первые годы революции и полного прекращения) ввоза промышленного оборудования.

По отдельным отраслям промышленности и по отдельным видам промышленного оборудования этот непокрытый, невозмещенный износ из-за прекращения сколько-нибудь значительных вложений сказался особенно резко. В хлопчато-бумажной промышленности, например, мы имеем, при предельном возрасте машин в 25 лет,—18,5% с возрастом от 35 до 70 лет, 30,9% от 25 до 35 лет и 50,6%—с возрастом 25 лет. Почти половина машин хлопчато-бумажной промышленности перешла предельный для их жизни возраст, а другая половина стоит на его грани.

Не менее тяжелая картина представляется и в части теплосилового хозяйства наших предприятий. Произведенное в свое время ГЭУ ВСНХ анкетное обследование тепло-силового хозяйства показало, что в Московской губернии около 40% паровых котлов работают свыше 25 лет, ⅔ всего числа паровых машин также перешли 25-летний возраст. Примерно, такое же положение оказалось и в Нижегородской губернии, где паровых котлов старше 25-летнего возраста—28%, а паровых машин—60%. И даже двигатели внутреннего сгорания показывают значительный процент, перешедший предельный возраст[1]). Нечего и говорить, что такое состояние тепло-силового хозяйства наших предприятий, помимо прямой угрозы отказа от работы, тяжело давило на себестоимость промышленных изделий, в чудовищных размерах пожирая необходимое для них топливо и давая незначительный эффект.

Все это—результаты того, что в годы войны и интервенции, в годы всеобщей разрухи и голода воспроизводство основного капитала оказалось в корне нарушенным. Мы не только не имели *расширенного* воспроизводства, но и проедали, разрушали тот основной капитал в виде зданий, машин, оборудования и т. п., который у нас имелся.

Проблема основного капитала, как практическая проблема, встала перед нами еще в 1924 году, после того, как мы сумели преодолеть существовавшую разруху, когда «кривая» нашего хозяйства после катастрофического падения вниз начала уверенно ползти вверх—но особенно остро она встала именно теперь, когда

[1]) См. Гинзбург—«Проблема капитала в советской промышлнности».

наличные материально-технические ресурсы в основном исчерпаны и когда сколько-нибудь значительное снижение себестоимости и повышение производительности труда не мыслится вне реконструкции материально-технической базы самой промышленности.

В какой мере наша техническая отсталость влияет на производительность труда, а, следовательно, и на себестоимость, достаточно сослаться на такие примеры. В то время как за границей на 1.000 пуд. выпуска металлов приходится 2—3 человека, у нас на юге в 1924—25 г. приходилось 13—15 человек. При чем расход топлива у нас, примерно, в 6 раз превосходит расход топлива за границей. На тонну чугуна в Америке расход рабочей силы на отдельных заводах составляет 1 ч. 12 мин., у нас южная металлургия расходует 12 часов. Благодаря применению архаических способов производства и добычи себестоимость бакинской нефти, примерно, в 4 раза превышает стоимость американской нефти, применяющей глубокие компрессорные насосы. Такие примеры можно было бы, конечно, продолжить еще дальше. Но суть сводится к одному: наша техническая отсталость и физическая изношенность нашего оборудования ставит известные пределы и в отношении себестоимости и в отношении производительности труда. Конечно, еще значительных результатов мы сможем добиться и при существующем состоянии наших основных фондов, однако, необходимость известного «равнения» на цены мирового рынка, необходимость большего повышения производительности труда и снижения себестоимости, чем это позволяет нам сделать наличное оборудование наших фабрик и заводов, с настойчивостью выдвигают проблему реконструированного расширенного воспроизводства основного капитала, перевода всего нашего хозяйства на более высокую материально-техническую базу.

1923—24 год был последним годом, когда износ основных фондов нашей промышленности не компенсировался, хотя бы в рамках простого воспроизводства, соответствующими капитальными вложениями. Следующий 1924—25 год был первым годом, когда «проедание» основного капитала сменилось его расширением. С этого года капитальные вложения в нашу промышленность из года в год все увеличиваются.

За три года (1924/25—1926/27 гг.) по данным контрольных цифр Госплана, повидимому, не совпадающим с данными «Баланса нар. хоз.», движение основного капитала нашей промышленности рисуется в таком виде (в млн. довоенных рубл.):

Годы	Весь капитал[1]) абс.	Весь капитал[1]) в %	Вложения	Износ	Прирост абс.	Прирост в % ко всему кап.
На X—24 г.	3.426	100	209	162	47	1,4
» X—25 »	3.473	101	460	158	302	8,75
» X—26 »	3.629	106	560	172	388	10,7
» X—27 »	4.017	117	—	—	—	—

[1]) Перевод в довоенные рубли сделан по соответствующим коэффициентам контр. цифр. — 1619 и 1.691.

Иначе говоря, общая цифра прироста имущества нашей промышленности выражается за три года в 737 млн. *довоенных* руб. [1]).

По данным, разработанным секцией ресурсов Промплана ВСНХ, стоимость имущества нашей планируемой (общесоюзной и республиканской — РСФСР, УССР и БССР) промышленности в 1926—27 году составит 4.724,7 млн. червон. рублей при полной восстановительной стоимости имущества на 1/X—1925 г. в 6.606 млн. рублей и стоимости с учетом износа в 4.025,6 млн. рублей, т. е. возрастет за 2 года на 700 млн. рублей.

Особенно характерно в этом процессе восстановления имущества нашей промышленности убыстренное развитие отраслей, производящих средства производства, по сравнению с отраслями, производящими средства потребления. В то время как отрасли, производящие средства потребления достигают всего 67,4% полной восстановительной стоимости, отрасли, производящие средства производства, к 1/X—1927 г. достигнут уже 74,5%.

Отрасли промышленности.	Полная восстан. стоимость на 1/X—1925 г.	Стоимость имуществ., переоцен. с учетом износа на 1/X—1925 г.	За 2 года (1925/26—1926/27 г.)		Стоим. имущ. на 1/X—1927 г.	Стоимость имущ. на 1/X—1927 г. в проц.	
			Износ	Капит. влож.		К полн. восст. стоим.	К ст. с участ. износ. на 1/X—25 г.
Гр. «А».							
Горная	62,3	48,4	8,0	89,5	79,9	128,2	185,0
Топливная	1.554,7	849,9	135,8	430,6	1.144,[illegible]	73,6	134,6
Металлическая	1.507,0	851,8	136,9	255,5	989,[illegible]	64,3	113,9
Электротехн.	109,2	65,0	10,1	28,5	83,4	78,3	128,3
Электростан.	181,3	105,9	21,2	106,4	191,1	105,4	180,4
Силикатная	129,3	81,3	11,8	42,0	111,5	86,2	137,1
Лесная	103,3	66,0	12,5	30,7	84,2	81,5	127,5
Химическая	184,5	111,7	19,1	69,2	161,8	98,3	144,8
Итого по гр. «А.»	3.792,6	2.179,6	354,8	1.002,4	2.826,5	74,5	129,2
Группа «Б»							
Текстильная	1.735,4	1.214,8	178,7	191,1	1.227,1	70,7	101,0
Кожевенная	48,9	35,0	5,4	11,7	41,3	88,9	118,0
Гуськомбинат	22,6	15,8	2,2	8,3	21,8	96,4	137,8
Химическая	125,3	87,9	12,4	12,2	87,7	89,9	99,7
Пищевая	775,8	422,3	66,0	57,7	414,0	53,4	98,0
Бумажная	99,5	68,0	11,8	47,6	101,7	102,3	154,0
Полиграфическ.	6,2	4,4	0,7	0,9	4,6	74,2	104,5
Итого по гр. «Б»	2.813,7	1.846,1	277,2	329,5	1.898,2	87,4	102,8
Всего	6.606,3	4.025,6	632,0	1.331,9	4.724,7	71,5	117,3

[1]) Цифры *реального* прироста возможно несколько отклоняются от вышеприведенных, так как, во-первых, не все расходы по капитальным вложениям произведены с достаточной экономностью и рациональностью (см., напр., излишние накладные расходы по строительству, входящие в общую сумму капитальных затрат, а во-вторых, с другой стороны, последние данные говорят о том, что действительные цифры капитальных вложений, в частности за 1925—28 г., превысят официальные цифры (780 милл. рублей) минимум на 80—100 миллионов, вследствие того, что ряд работ капитального характера произведен под видом *текущего ремонта*.

Этот более быстрый темп восстановления отраслей, производящих средства производства, явился следствием того, что поток капитальных вложений был в основном направлен именно сюда. Из общей суммы чистого прироста имущества за 2 года в 700 млн. рубл. отрасли, производящие средства производства, получили около 650 млн. рублей, в то время, как отрасли, производящие средства потребления,—около 50 млн. рубл. В результате за два года (1925—26 и 1926—27), отрасли, производящие средства производства, показывают увеличение имущества на 29,2%, а отрасли, производящие средства потребления—на 2,8%. При чем особенно характерно, что в группе «А» наибольший процент прироста имущества показывают *горная промышленность и электростанции*, увеличившие за два года свое имущество соответственно на 65 и 80% и таким образом *превысившие* свою полную *восстановительную* стоимость: по горной промышленности на 28,2%, а по электростанциям на 5,4%. По группе «А» максимальный прирост имущества показывает бумажная промышленность, *превысившая* полную *восстановительную* стоимость своего имущества на 2,3%.

Такая же в основном рисуется картина, если взять не два последних года, а четыре.

По отдельным отраслям промышленности и основным группам производства капитальные вложения за 4 года и их отношение к стоимости имущества и капитальных затрат госпромышленности представляется в таком виде (в млн. *червонн.* рублей):

Отрасли промышленности.	Капитальн. вложен. за 4 года	Стоимость капитальн. затрат в проц.	
		К полн. восстан. стоим.	К стоим. с учетом износа
Группа «А»			
Горная	47,0	75,5	97,3
Топливная	652,1	42,0	76,7
Металлическая	333,2	22,1	39,1
Электротехническая	34,0	37,0	52,3
Электростанции	125,0	69,0	118,0
Силикатная	48,7	37,8	60,0
Лесная	47,8	46,4	72,5
Химическая	85,0	51,8	76,3
Итого по гр. «А»	1.372,8	36,3	63,2
Группа «Б»			
Текстильная	272.4	15,7	22,4
Кожевенная	18,1	32,2	52,0
Гуськомбинат	11,1	49,4	70,4
Химическая	16,1	12,9	18,4
Пищевая	95,4	12,3	22,6
Бумажная	58,1	58,4	88,4
Полиграфическая	1,1	19,1	28,8
Итого по гр. «Б»	472,3	18,8	25,6
Всего по всей пр-сти	1.845,1	27,9	46,7

Приведенная выше таблица также интересна не только общей цифрой капитальных вложений и отношением этих вложений к стоимости имущества, но и определением основного направления этих вложений. При общей цифре капитальных вложений в промышленность в 1.845 млн. рублей, составляющей почти 28% полной восстановительной стоимости имущества, 1.373 млн. рублей или 74,4% всей суммы капитальных вложений было направлено в отрасли, производящие средства производства.

Таким образом, если группа «Б», т. е. отрасли, производящие средства потребления, обновили свое имущество на 16,8%, группа «А», или отрасли, производящие средства производства, произвели капитальных работ в размере 36,3% всей восстановительной стоимости своего имущества. Характер и направление капитальных вложений с величайшей убедительностью показывают, как принятый нашей партией курс на индустриализацию страны облекается в кровь и плоть реального, материального его выражения.

И тем не менее, несмотря на значительнейшие вложения в основные фонды нашей промышленности, мы еще далеки от того момента, когда реальная стоимость имущества нашей фабрично-заводской промышленности перейдет уровень *«восстановительной»* стоимости имущества на 1/X—1925 года. Перед нашей промышленностью и перед всем народным хозяйством в целом стоят еще очень и очень большие задачи по восстановлению и реконструкции разрушенного войной и революцией имущества фабрично-заводской промышленности.

Отметим во избежание недоразумений, что «полная восстановительная стоимость» имущества не означает стоимости его в 1913 (или в 1917) году. Эта последняя *ниже* «полной восстановительной стоимости», т. к. изношенность основного капитала была достаточно велика и в 1913 (и в 1917) году. Нужно полагать, что капитальными затратами последних лет и *частью* затрат в 1927—28 году невозмещенный износ периода гражданской войны и первых лет нэпа будет, наконец, покрыт по стоимости полностью.

Какие же части основного капитала подверглись большему обновлению, в каких своих частях основной капитал больше всего увеличился? На этот вопрос дает ответ приводимая ниже таблица (в млн. червонн. рублей).

Группы промышленности.	Здания произв. и жилища			Сооружения			Оборудования и машины					
							Всего			Из них теплосилов.		
	Стоимость на 1/X—25 г.	Капитальн. вложен. за 4 года	В процентах	Стоимость на 1/X—25 г.	Капитальн. вложен. за 4 года	В процентах	Стоим. на 1/X—25 г.	Капит. вложен. за 4 г.	В проц.	Стоим. на 1/X—25 г.	Капит. вложен. за 4 г.	В проц.
Группа «А» . .	731,1	334,3	44,6	554,7	343,3	62,0	682,5	365,3	53,5	183,0	90,4	49,5
» «Б» . .	970,3	144,1	14,4	65,1	23,9	36,9	698,0	133,9	19,2	157,9	51,0	32,3
Итого по всей промышл. .	1.721,4	478,4	27,8	619,8	367,2	59,4	1.380,5	499,2	36,1	340,9	141,4	41,5

Таким образом, по отношению к стоимости переоцененного на 1/X—1925 г. имущества нашей государственной промышленности капитальные вложения в части зданий производственных и жилищ составляют 27,8%, сооружений—59,4%, оборудования и машин—36,1% и теплосилового оборудования—41,5%. Однако, к полной восстановительной стоимости, по отношению к которой переоцененное имущество составляет всего 60%, указанные проценты капитальных вложений должны соответственно понизиться: для зданий производственных и жилищ до 16,6%, для сооружений до 36,6%, для оборудования и машин до 21,3%, для теплосилового оборудования до 24,9%. Но даже и этот сниженный процент обновленного оборудования говорит о величайших наших достижениях. Только за четыре последних года теплосиловое оборудование оказалось обновленным почти на 25%, а все оборудование в целом—больше чем на 20%.

Принимая во внимание, что только четыре последних года являлись годами хоть сколько-нибудь значительного вложения в основные фонды нашей промышленности, такой успех надо признать весьма значительным. И как смешно, как наивно звучат сейчас на фоне этих наших успехов, когда капитальные вложения в нашу промышленность уже сейчас так значительно превышают вложения довоенного периода, когда работает Волховстрой, Кашира и целый ряд других, построенных советской властью, крупных электростанций, когда построен и работает ряд новых фабрик и заводов, когда начаты работы по Днепрострою, когда закладываются основы таких гигантов металлургического производства, как Тельбесский, Магнитогорский и Криворожский заводы и т. д., и т. п.,—пророчества тогдашнего меньшевика Маслова, что творить «новые предприятия на новых технических началах из ничего даже и революция не в состоянии, хотя она и обладает огромными творческими силами»[1]).

В соответствии с динамикой основных фондов промышленности растет и ее база—тяжелая индустрия.

Годы	Чугун		Сталь		Прокат	
	Абс. в млн. пуд.	В %	Абс. в млн. пуд.	В %	Абс. в млн. пуд.	В %
1923—24	39,8	100	60,6	100	41,8	100
1924—25	78,7	197	111,5	183	84,2	201
1925—26	133,2	334	175,1	289	133,9	320
1926—27	178,6	448	207,9	343	155,5	372

За три года выплавка чугуна увеличилась почти в $4^1/_2$ раза, стали в $3^1/_2$ раза и прокат почти в 4 раза. Однако, несмотря на столь бурный рост металлургической промышленности, она все же еще далека от уровня 1913 года. По отношению к этому — 1913—году металлургическое производство составит всего лишь 65% по чугуну, 78% по стали и 70% по прокату. Такое значительное расхождение между ростом наших основных фондов

[1]) П. Маслов.—«Итоги войны и революции», 1918 г., стр. 151.

и капитальных вложений, с одной стороны, и отстающим от него ростом металлургического производства находит свое об'яснение, во-первых, в использовании имевшегося у нас значительного количества металлического лома, восполнявшего недостаточные размеры металлургического производства, а, во-вторых, в усиленном ввозе промышленного оборудования. Ввоз промышленного оборудования за три последних года рос так (в тыс. рублей):

1924—25 г.	47.914
1925—26 »	67.000
1926—27 »	141.500

Считая же и электростроительство, фактический ввоз оборудования из-за границы в 1926—27 году ожидается на сумму около 180 млн. рублей. 1926—27 г.—первый год массового ввоза предметов промышленного оборудования в СССР. Общая же сумма заказов на оборудование, выданных в конце 1925—26 г. в счет плана 1926—27 г. и за текущий операционный год, составит, примерно, сумму около 280 млн. рублей.

В то же время масса промышленного оборудования, *осваиваемого, устанавливаемого* в нашей промышленности за счет внутреннего производства, должна будет возрасти со 161,4 млн. червонн. рублей в 1925—26 г. до 171,7 млн. рублей в 1926—27 г. Таким образом, только за два последних года наши фабрики и заводы по планируемой ВСНХ промышленности поглотят оборудования *больше чем на полмиллиарда рублей.*

Тем не менее, повторяем, рост тяжелой индустрии и особенно металлургического производства значительно отстает как от общего роста основных фондов нашей промышленности, так и от норм довоенного времени. И если потребление, например, чугуна на душу населения составляло, особенно по сравнению с высокоразвитыми капиталистическими странами, ничтожную величину, то теперь потребление чугуна упало еще ниже.

Душевое потребление чугуна в довоенное время.

Соед. Штаты	15 р. 65 к.
Германия	2 » 25 »
Англия	7 » 05 »
Франция	7 » 15 »
Россия	1 » 90 »

В %% к национальному доходу на душу населения, душевое потребление чугуна, составлявшее в довоенное время 2,18%, в 1923—24 г. составляло всего только 0,71%, поднявшись до 1,13% в 1924—25 году.

По подсчетам инж. Фрейна, чтобы приблизить наше потребление черного металла к западно-европейскому, довести его до 200 кгр. на душу в год, необходимо 35 млн. тонн металла и постройка 150 новых доменных печей...

Задачи воспроизводства основного капитала нашей промышленности, задачи перевода всего нашего народного хозяйства на более высокую техническую базу, возлагают на нашу тяжелую индустрию и, в особенности, на нашу металлургию труднейшую и ответственнейшую задачу. Наша металлическая промышленность чем дальше, тем больше будет становиться «узким местом» в нашем народном хозяйстве, если мы не примем решительных мер к форсированному развитию металлопромышленности. Мы должны добиться такого положения, чтобы наша металлопромышленность была в состоянии покрыть потребность в металлах, пред'являемую нашим народным хозяйством. Поэтому мы вкладывали и будем вкладывать в металлопромышленность львивую долю капитальных вложений, предназначенных для промышленности, именно потому февральский пленум ЦК, отмечая, что промфинплан «предусматривает значительный об'ем капитальных работ по металлопромышленности (больше четверти всего об'ема капитальных работ по всей промышленности)», должен был «признать необходимым увеличение этих капитальных работ для обеспечения более быстрого темпа развития металлургии и машиностроения».

Крупнейшие строительства в нашей промышленности в полном согласии с этой директивой намечаются и по линии нашей металлопромышленности. Усиленно ведутся работы по проектированию мощных металлургических заводов на Магнитной Горе, в Сибири—Тельбесского завода и гигантского металлургического завода в Кривом Роге. По ориентировочному плану Главметалла Магнитогорский завод, стоимость которого по предварительным данным определяется в 118 млн. рублей, будет выпускать ежегодно $3^1/_2$ млн. пудов литейного чугуна, 16 млн. пуд. рельс, 2 млн. пуд. крупных балок, 3 млн. пуд. среднесортного железа, 14 млн. пуд. мелкосортного и 1 млн. пуд. рудных рельс,—*а всего около 40 млн. пудов изделий.* Завод проектируется построить на основе широкой механизации производства по образцу подобных заводов в Западной Европе и Америке.

Криворожский завод проектируется на выплавку 40 млн. пуд. чугуна при общей стоимости завода, определяемой в сумме 81 млн. рублей.

Общая стоимость сооружения *Тельбесского* завода определяется в 80 млн. рублей с проектируемой выплавкой чугуна в 40 млн. пудов. Таким образом, эти три металлургических гиганта, стоимость которых определяется, примерно, в 280 млн. рублей должны будут дать около 120 млн. пудов чугуна, т.-е. почти 50% продукции довоенного производства чугуна.

Было бы, однако, глубочайшей ошибкой, если бы мы в то же время забыли о значительных возможностях, которыми располагают существующие заводы. При нашей отсталости в области техники, именно наши заводы располагают громадными возможностями в деле рационализации производства. Самые подчас незначительные изменения в ходе производственных процессов дают и могут дать большой производственный эффект.

О том, *каких* результатов мы можем ожидать от рационализации производства нашей металлопромышленностью, можно судить по эффекту рационализаторской работы в Германии:

Доменные печи.

	IX—25 г.	VIII—26 г.	В %
Число домен	96	84	— 12
Добыча в тыс. тонн	735	850	+ 16
Добыча на домну в тон.	7.600	10.100	+ 31
Число рабочих	21.000	17.100	— 19

Сталелитейное производство.

	IX—25 г.	VIII—26 г.	В %
Добыча в тыс. тонн	900	1.140	+ 26
Число занятых рабочих	28.000	25.000	— 11

При сокращении количества домен на 12%, производительность домны возрастает на 31%! То же происходит и в области сталелитейного производства, где при увеличении производства на 26%, количество занятой рабочей силы сокращается на 11%.

Мы бедны, мы невероятно бедны по сравнению с передовыми капиталистическими странами в отношении основного капитала нашей промышленности. И мы пока-что ограничены в своих возможностях увеличения основных фондов. Именно поэтому проблема максимально-рационального использования основного капитала, проблема максимальной рационализации производства стоит перед нами как важнейшая проблема дня.

С двух сторон должна решаться эта проблема. И со стороны всемерного расширения основного капитала нашей промышленности, и со стороны наиболее рационального использования наличного основного капитала. Все это—стороны одного и того же процесса, преследующего одну и ту же цель—«постепенную перестройку всего народного хозяйства на более высокой технической базе».

В ходе разрешения этой проблемы,—проблемы основного капитала,—будет в корне решаться и находящаяся в тесной с ней связи проблема снижения себестоимости промышленной продукции.

Арт. Халатов.

Транспорт в период реконструкции народного хозяйства СССР.

Мощь транспорта и степень развития путей сообщения являются факторами, определяющими уровень экономического и культурного развития страны,—таково общее положение. В нашей же стране с ее огромной территорией, охватывающей одну шестую всей суши земного шара, вопросы транспорта играют еще большую роль и стоят на одном уровне с проблемами развития производства, ибо состояние транспорта определяет питание сырьем наших производственных предприятий и весь товарооборот в целом. Поэтому неудивительно, что предвоенные годы мощного экономического роста народного хозяйства страны были в то же время годами крупного транспортного строительства.

Советские условия государственной жизни и современное положение народного хозяйства, с одной стороны, усиливают требования, пред'являемые страной к транспорту, с другой—ставят ему ряд новых специфических задач.

Государственный транспорт является в руках советского государства одним из основных рычагов регулирования товарооборота, участвующего в нем частного капитала и направления социалистического строительства. Одним из основных условий разрешения всех проблем, стоящих на путях нашего советского экономического развития является строгое единство всей транспортной системы, теснейшая взаимная увязка в деятельности и развитии всех отраслей транспорта—железных дорог, водного и, наконец, местного транспорта.

Огромное значение транспорта в жизни советского государства вызывает необходимость особенно тщательного подхода к оценке тех конкретных задач, которые он должен выполнять в каждый отдельный период хозяйственной жизни, и тех реальных возможностей, которыми обладает транспорт, чтобы эти задачи разрешать.

Включение в повестку сессии ЦИК'а в феврале этого года транспортного вопроса знаменуют собою момент огромного значения.

Народное хозяйство Советского Союза в этом году перешагнуло грань нового этапа своего развития. Эпоха военного коммунизма—защита социалистического отечества от покушения капиталистов и помещиков—и эпоха восстановления, обе они пройдены нами. Мы вступили в период перестройки или, как его принято называть, реконструкции народного хозяйства, который и налагает новый особый отпечаток на все стороны нашей хо-

зяйственной деятельности в том числе и на работу нашего транспорта.

Чтобы яснее определить задачи транспорта в период реконструкции, необходимо прежде всего остановиться на краткой характеристике пройденного пути. В течение ряда предвоенных лет ж.-д. транспорт, благодаря политике царского правительства, недополучал средства на нормальное поддержание и развитие своих основных устройств: царское Министерство путей сообщения в этот период ставило своей основной задачей немедленное извлечение из жел. дор. наибольшего дохода. Транспортное наследие, доставшееся Советскому Союзу от царского режима, кроме того, понесло тягчайшие потери от империалистической войны. Беспорядочная демобилизация царской армии, а несколько позже и гражданская война и интервенция, при которых военные действия в основном происходили на путях сообщения, по линиям основных железнодорожных и водных магистралей, окончательно подорвали наш транспорт.

В полосу хозяйственного восстановления и строительства СССР транспорт вступил в состояние крайней дезорганизации. Нужен был огромный запас творческих сил рабоче-крестьянской страны, чтобы справиться с транспортной разрухой, чтобы выполнять работу, пред'являемую потребностями народного хозяйства, несмотря на то, что размер этой работы в начале нэпа едва доходил до одной четверти довоенной.

Период восстановления народного хозяйства потребовал гигантских усилий от железных дорог, чтобы справиться с быстрым ростом грузооборота. Больше того: на дороги выпала тягчайшая задача работать в условиях явной недостаточности средств, тем самым форсируя проедание своего основного капитала. Потребности развития промышленности и сельского хозяйства требовали уменьшения доли народнохозяйственного дохода, приходящейся транспорту, и последний в такой трудной обстановке должен был восстанавливать свое хозяйство.

Истекший 1925—26 г., бывший последним годом восстановительного периода, дал общий размер работы ж. д. (в пудоверстах)—101,8% от 1913 г. и по количеству перевезенных пудов—88,2%. В текущем году грузооборот увеличивается еще на 12%.

Предварительные данные первого полугодия текущего года дают основание предполагать, что этот размер работы является реальным.

Положение водного транспорта значительно отличается от железнодорожного. Если железные дороги уже превзошли довоенный уровень перевозок, то по речному транспорту грузооборот достигает в настоящее время лишь 58% довоенного. Морские перевозки также значительно отстают от 1913 г.

Снижение роли водных путей об'ясняется следующими основными обстоятельствами. Недостаток оборотных средств в нашем хозяйстве и товарный голод заставляют отдавать предпочтение ж.-д. транспорту, как дающему более быструю доставку перед водным транспортом, несмотря иногда на более дешевую перевозку последним. На снижении работы морских путей не могло не отразиться также уменьшение размеров экспортно-импортных операций.

Перевозочные средства водного транспорта особенно сильно пострадали за годы империалистической и гражданской войны. Этим предопределяется то обстоятельство, что в размерах существующих перевозок, значительно отстающих от довоенных, наличный тоннаж является почти полностью использованным.

Теперь же остановимся на особенностях реконструктивного периода на транспорте.

Положение транспорта в начале реконструктивного периода характеризуется, прежде всего, назревающим разрывом между его ролью в реконструктивной работе и его возможностями. Техническая мощь почти всех видов транспорта в данный момент исчерпана, а между тем реконструктивные задачи—проблема усиленного промышленного строительства, индустриализация страны, развитие товарности сельского хозяйства, связанное с его машинизацией, наконец, улучшение материального положения рабочего класса,—все это тесно связано с двумя обстоятельствами: первое—в какой степени *существующий транспорт* сможет усилиться, чтобы справиться с ростом грузооборота, вызываемого всеми этими хозяйственными процессами; второе—насколько интенсивно сможем мы вести работу по *новому транспортному строительству*. Отсюда очевидно, что в ближайший период транспортная проблема должна быть выдвинута вперед. Нельзя допустить, чтобы транспорт став слабейшим звеном в хозяйственном организме страны, задержал ее стремительное развитие.

Эта мысль подчеркнута решением ЦИК Союза ССР 3 созыва, гласящим:

«Проблема развития транспорта выдвигается в настоящий момент в первый ряд важнейших вопросов хозяйственного строительства, почему вопросам транспорта в ближайшие годы должно быть уделено исключительное внимание».

* * *

Переходим к характеристике железнодорожного транспорта.

Первой по своему значению задачей, стоящей перед ж.-д. транспортом, является *задача рационализации*.

Работа последних двух лет показала, что железные дороги Союза добились возможности выполнения перевозок в пределах, превышающих довоенные, в значительной мере за счет улучшения качества своей работы. Этот процесс улучшения использования подвижного состава шел параллельно росту работы и несмотря на тяжелое состояние основных транспортных обустройств.

Наиболее рельефно это улучшение использования подвижного состава можно усмотреть из следующих цифр: количество продукции, приходящееся на эксплоатационную единицу подвижного состава по пассажирским вагонам в 1924—25 г. было на 64% выше 1913 г., в 1925—26 г. дошло до 70%, по товарным вагонам было соответственно 6 и 20% и по паровозам 32 и 40%.

Особенно важно то обстоятельство, что коэффициенты использования подвижного состава не остаются стабильными и из года в год улучшаются. Новый под'ем работы на 1926—27 г. вновь резко поставил вопрос о необходимости новых достижений в области рационализации использования подвижного состава. Имеющийся недостаток подвижного состава транспорту удалось по-

крыть только ценою новых организационных мероприятий. В истекшем году в области рационализации транспорта был проведен ряд мер, из которых следует, в первую очередь, отметить *отмену обменных пунктов, введение американской системы езды на паровозах, маршрутизацию поездов и, наконец, движение товарных поездов по расписанию.*

Качественное улучшение работы жел. дор. охватывает также такую важную область, как использование топлива. Здесь следует отметить, прежде всего, снижение расхода топлива на единицу работы: в 1913 г. на один миллион пудо-верст расходовалось *0,58* куб. саж., в 1924—25 г.—удалось добиться цифры—*0,46* куб. саж., в 1925—26 г.—*0,45* и на 1926—27 г.—намечено—*0,44*. Нельзя также пройти мимо ежегодного увеличения в топливном балансе жел. дор. доли *низкосортных углей*, которые усиленно приспосабливаются к использованию этих видов топлива.

Рационализация транспортной работы сказывается и на *ремонтных работах* ж. д. За 1925—26 г. сроки простоев паровозов в капитальном ремонте удалось снизить до 90 дней против 120, бывших два года назад, а по некоторым мастерским довести даже до 45 дней. Применение новых методов вагонного ремонта в ряде мастерских (Тамбовские, Кизил-Арватские, Пролетарский завод и другие) вызвало снижение срока простоев товарных вагонов *почти вдвое.*

Рядом с задачей рационализации транспортного хозяйства и производства стоит другая не менее важная и сложная задача—*рационализация системы управления.*

Рационализация системы управления транспорта должна в первую очередь преследовать цели дальнейшей децентрализации и предоставления местам большей хозяйственной инициативы. Строгое определение прав и ответственности лиц и инстанций в управляющих аппаратах также должно быть проведено с максимальной четкостью. В настоящее время на двух дорогах (Южной и Пермской) проводится опыт построения правленского аппарата по функциональному признаку (децернация). Опыт этих дорог должен дать материал для всего транспорта.

Неразрывно связанным с задачей рационализации управления является вопрос о реформе транспортной отчетности. Существующие формы отчетности, с одной стороны, слишком дороги, с другой—являются казенно-бюрократическими. НКПС поставил перед собою задачу коренной ломки старой системы отчетности и перехода с 1927—28 г. на реформированную по хозяйственно-коммерческому принципу отчетность.

Однако, поскольку анализ современного положения жел. дорог показывает, что наличная их техническая мощь исчерпана почти полностью, перспективы дальнейшего роста работ транспорта со всей непреложностью выдвигают необходимость направления всех усилий в область *усиления основного капитала* транспортных предприятий. В востановительный же период транспорт, получая сниженную долю народнохозяйственного дохода, естественно, не мог вести необходимым темпом свое восстановление и только три года назад еще проедал свой основной капитал.

Приведем следующие данные о динамике основных капиталов трех основных отраслей народного хозяйства за последние три года. Если мы сравним эти данности по «Контрольным цифрам» Госплана, то мы можем констатировать, что наиболее интенсивный прирост основных фондов идет в промышленности, достигая по госпромышленности в 1924—25 г.—1,4%, в 1925—26 г.—10% и в 1926—27 г.—9,2%. Прирост в сельском хозяйстве является почти стабильным, а именно: в 1924—25 г.—3,0%, в 1925—26 г.—3,1% и в 1926—27 г.—3,5%. Жел.-дор. транспорт же еще в 1924—25 г. проедал свой основной капитал, и размер этого проедания равнялся 1,1%.

Прирост наступает только в 1925—26 г., достигая 0,7%, и на 1926—27 г.—намечен в 1,4%.

Новые вложения в промышленность за последние годы значительно превышали вложения в транспорт, тогда как в довоенное время имело место обратное явление, а именно: за ряд лет вложения в жел. дор. превышали по абсолютной величине капитальные вложения промышленности. В ближайшее время может оказаться, что жел. дороги не смогут справиться с увеличением работы в связи с изношенностью и слабостью своего основного капитала; при этом задача усиленного вовлечения новых средств в транспорт приобретает огромнейшее значение.

В вопросе накопления проблема рационализации транспорта теснейшим образом смыкается с проблемой его основного капитала, ибо рационализация—это прежде всего есть способ получить с наименьшими затратами наибольший производственный эффект. Об'ективные условия заставляют обратить на эту финансовую сторону вопроса о транспорте особое внимание. Наметившаяся недовыручка в размере нескольких десятков миллионов рублей за первое полугодие вновь чрезвычайно больно бьет по транспорту. Необходимо изучить причины недовыручки и направить все силы на поднятие рентабельности наших железных дорог, ибо в этом основной залог усиленного развития всего транспорта.

В условиях крайней ограниченности средств в стране необходима, во-первых, строжайшая экономия в расходовании средств на эксплоатацию и развитие транспорта, что в полной мере может быть осуществлено лишь при условии полной согласованности работы всех видов путей сообщения, взаимно дополняющих друг друга и, во-вторых, необходимо максимально бережливое и рациональное использование транспорта клиентурой. К области этих последних мероприятий следует, прежде всего, отнести усиление использования водного транспорта. Не менее остро стоит вопрос об экономии в использовании перевозочных средств жел. дорог. Такие явления, как нарушение плана, встречные перевозки, простои вагонов под выгрузкой, имевшие место и в прошлом и в этом году, должны быть безусловно изжиты. Ведь убытки по этим причинам несут не только жел. дор., но и сами клиенты. Достаточно указать, что за 1925—26 г. клиентура заплатила за лишний простой вагонов и просрочку хранения в пакгаузах до 22 млн. руб.; не свободны мы от таких ошибок и в этом году.

Перспективы развития транспорта неразрывно связаны с перспективами промышленного развития.

Уже текущее снабжение транспорта встречается с рядом затруднений. Об этом красноречиво говорят цифры поставки подвижного состава. В счет заказанных за 1925—26. г. (с учетом недопоставок за прошлый) паровозов поставлено 66%, новых пассажирских вагонов в счет 579 — 248 или 53% и в счет новых товарных — 10%. Поставки первого квартала текущего

года дают также неполное удовлетворение транспортной потребности. Между тем, усиление основного капитала существующих линий и, наконец, постройка новых транспортных средств, — все это ставит перед металлопромышленностью новые еще более трудные задачи. Наилучшее приспособление металлопромышленности к удовлетворению нужд транспорта и строгое согласование планов развития этих двух отраслей—вот важнейшая задача ближайших лет.

Если обратиться к топливной промышленности, то надо отметить резкую ломку топливного режима, которую пришлось испытывать транспорту за ряд последних лет в связи со снижением доли жидкого топлива и изменением марок поставляемых углей. Ломка топливного режима не только требовала от транспорта значительных затрат на приспособление паровозов и устройство к другому виду топлива, но и отражалось на достигнутых эксплоатационных результатах. Поэтому увязка транспорта с перспективным планом топливопромышленности необходима в той же мере, как и в отношении металлопромышленности.

Необходимо кратко коснуться вопросов труда.

За последние годы параллельно с ростом работ транспорта шло улучшение материального положения и трудящихся этой отрасли. После того, как средний заработок к началу восстановительного периода упал до одной трети довоенного, в 1925—26 г. он уже достиг 75% и на 1926—27 г. должен составить около 84%.

Рост производительности труда шел за истекшие годы почти параллельно росту зарплаты, и только в последнем году наметилось некоторое отставание в росте производительности. Поэтому задача борьбы за повышение производительности труда приобретает сейчас важнейшее значение для транспорта.

Особенно острым для трудящихся транспорта является вопрос о жилищах. Как ассигнования по бюджету, так и кредиты, получаемые от жилкооперации, из года в год возрастают, доходя в текущем году до 30 млн. руб. Однако, они все же являются крайне недостаточными, поэтому ЦИК'ом принято решение: «Признать, что необеспеченность работников транспорта жилищами, особенно в связи с предстоящим ростом транспорта, выдвигает в первую очередь усиление жилищного строительства на транспорте. В связи с этим принять все меры к изысканию необходимых для этой цели средств».

*

* *

Водный транспорт находится в условиях, отличных от железнодорожного. В то время, как железнодорожные перевозки уже превысили довоенную норму, речной грузооборот едва достигает 58% довоенного, а морской—даже менее 50%. При оценке такого положения надо принимать во внимание то обстоятельство, что годы войны и интервенции отразились на состоянии водного хозяйства особенно тяжко. Даже в условиях столь сниженного грузооборота мы уже подошли к использованию наличных перевозочных средств.

Переходя к оценке наших портовых устройств, надо прежде всего сказать, что в связи с уже произведенными работами по

поднятию пропускной способности портов, их возможности в данный момент являются использованными далеко не полностью. Порты могут даже в нынешних условиях пропустить довоенную норму грузооборота. Однако, стоимость переработки пуда груза в наших портах чрезвычайно высока. Для того, чтобы понизить стоимость накладных расходов на наши экспортные и импортные грузы, необходимо стремиться к удешевлению портовых работ. Удешевление погрузки и выгрузки тесно связано с реконструкцией нашего портового хозяйства, с его механизацией. Перспективный 5-летний план развития портов позволит нам как увеличить пропускную способность, так и достигнуть удешевления стоимости переработки грузов.

Морские перевозки играют доминирующую роль в нашей внешней торговле, охватывая до 90% ее грузооборота. Поэтому естественно, что внешняя торговля кровно заинтересована во фрахтах на морские перевозки, которые в значительной степени влияют на рентабельность нашего экспорта. Нынешнее состояние нашего морского тоннажа не позволяет нам совершать своими силами заграничные перевозки в сколько-нибудь значительном масштабе. Участие Совторгфлота во внешних перевозках в 1925 г. достигало 10%, а в 1926 г. даже упало до 9%. Интересы борьбы за дешевые фрахты на внешнем рынке диктуют настоятельную необходимости усиления советского морского тоннажа. Пятилетний план предусматривает доведение грузопод'емности нашего морского флота с 206,5 тыс. тонн, ныне существующих, до 630 тыс. тонн к 1931 году. Эта цифра является минимальной, но ассигнования последних лет заставляют сомневаться в выполнимости и этой программы. Интересы страны в целом требуют безусловного выполнения намеченного плана.

Переходя к характеристике внутренних водных путей, приходится, прежде всего, констатировать два обстоятельства, затрудняющих работу госпароходств. Первое—это недостаточность обстановки с освещением, и второе—недостаточность глубин. Если по протяжению обставленного пути в прошлом году мы подошли к довоенному времени, то освещается у нас только 14 тыс. вер., против 25 тыс., бывших в 1913 году. Эти дефекты и в особенности, недостаток глубин удорожают себестоимость работы нашего речного флота и, таким образом, мешают достижению его рентабельности.

Положение с паротеплоходным флотом при данных условиях грузооборота является относительно благополучным, и на ближайшие годы потребность в нем может быть покрыта за счет капитального ремонта имеющихся судов. По непаровому же флоту вопрос уже сейчас стоит крайне остро в смысле необходимости немедленного пополнения тоннажа. Одним из наиболее больных вопросов речного транспорта является недостаточность оборотных капиталов, которые требуют своего немедленного пополнения в размерах свыше 20 млн. руб.

Сравнительно низкие фрахты, во всяком случае, по сравнению с довоенным временем, отстающие от роста промышленных индексов и недостаток нагрузки флота,—все эти обстоятельства мешают процессу накопления средств пароходствами. Надо полагать, что дальнейшее экономическое развитие СССР создаст более благоприятные условия для работы речных путей.

* *

ЦИК СССР 3-го созыва постановил считать, что вовлечение окраин и районов со слабо развитой ж.-д. сетью в хозяйственную жизнь Союза и создание условий, обеспечивающих использование их природных богатств, требуют развития *шоссейного строительства* и улучшения состояния существующих дорог; вместе с тем им была дана директива развивать автомобильный транспорт.

В настоящее время положение местного транспорта рисуется в следующих чертах: из общего протяжения всех дорог в Республике (включая и проселочные) в 3 млн. километров в ведении государства находится лишь 45 тыс. километров шоссейных и грунтовых дорог, при чем из этой последней цифры только 11 тыс. километров падает на шоссе.

Нечего говорить, что такая длина шоссейных, т. е. вполне удобных для перевозок грузов и единственно удобных для автотранспорта дорог, совершенно ничтожна по сравнению с огромной территорией Союза. Больше того: имеющиеся шоссе по своему техническому состоянию являются далеко не удовлетворительными; из общего их протяжения только половина имеет нормальную щебеночную одежду. В то же время ежегодный расход камня еще не достиг довоенных норм. Состояние искусственных сооружений также требует ремонта, примерно, в 40% общего их протяжения.

Перспективный план на пятилетие предусматривает доведение к концу этого срока протяжения шоссейных дорог до 32 тыс. километров. В абсолютной цифре эта величина, конечно, является весьма скромной, но все же надо сказать, что факт утроения существующей сети шоссе все же явился бы крупным нашим достижением. Однако, ассигнования на местный транспорт, выделяемые за последние годы, настолько ограничены, что не дают уверенности даже в выполнении этих минимальных заданий.

Такое состояние шоссейных и грунтовых дорог не позволяет им стать мощной вспомогательной транспортной отраслью к двум основным видам транспорта—железнодорожному и водному—и способствует также недостаточному использованию автотранспорта, который даже в современных экономических условиях мог бы найти более широкое применение. В настоящее время ввоз грузовых машин из-за границы и развитие собственного автостроения позволяют рассчитывать на некоторое усиление в ближайшие годы роли автотранспортных перевозок.

Междугородные, пригородные и городские автобусные сообщения в СССР стали развиваться только за последние годы и достигли значительных успехов в крупнейших городах и курортных районах. Введение механической тяги, как по подвозке грузов к основным ж. д. магистралям, так и по переброске грузов в узлах, является необходимейшей потребностью, ибо автотранспорт для подвозки грузов к жел.-дор. more значительно более выгоден, как по сумме первоначальных затрат, так по работе, чем сооружение под'ездных ж.-д. путей. В текущем году проведенные в Московском узле опыты по переброске транзитных грузов автотранспортом дали значительные положительные результаты. С их развитием не только эксплоатирующие их

организации получают определенный доход, но и освобождается значительное количество вагонов, которые крайне необходимы в условиях современного голода с подвижным составом и которые в условиях узловой переброски далеко не полностью используются. Все это подтверждает ту мысль, что развитие автотранспорта и шоссейного строительства является нашими важнейшими очередными задачами. В дело улучшения местного транспорта необходимо всемерно втянуть местные средства, что могло бы значительно помочь делу.

Направление дорожного строительства в сторону развития такового на окраинах уже получает свое отражение в последних работах НКПС. Так в прошлом году был начат Амурско-Якутский тракт, что даст возможность отдаленному и богатому району с пушным и золотым промыслами приобщиться к хозяйственной жизни страны. Другой дорогой такого же порядка является постройка, начатая у Архангельска, которая должна соединить северное побережье с Север. ж. д.

* *

Одной из основных причин, задерживающих наше хозяйственное развитие, эксплоатацию богатейших природных ресурсов ряда наших районов является недостаточное развитие сети путей сообщения и, в первую очередь, железных дорог.

Количество километров жел.-дор. колеи, приходящихся на 100 кв. километров территории, у нас в Европейской части Союза в четыре раза меньше, чем в Америке, в 15 раз—чем в Англии и в 11 раз—чем в Германии. В азиатской же части таковое в 40 раз меньше, чем в Америке.

Соотношение длины наших шоссейных дорог со странами Европы и Америки еще более неблагоприятно.

Из общей длины внутренних водных путей в 335 тысяч километров судоходных только 89 тыс. или около одной четверти.

Надо отметить, что в революционный период железнодорожное строительство шло, и в довольно заметном масштабе. В настоящее время по сравнению с 1917 годом ж.-д. сеть возросла более чем на 12%. Однако, характеризуя это строительство, надо сказать, что в основном оно шло по линии завершения уже начатых в довоенное время строительств и оперировало с рядом отдельных линий, незначительных по своему протяжению.

Крупного транспортного строительства—такого строительства, которое перекраивает экономическую карту и создает для целых районов совершенно новые хозяйственные условия, такого строительства за истекший революционный период мы еще не имели, и только в этом году в условиях реконструкционных задач мы приступили к разрешению нескольких проблем такого крупного капитального транспортного строительства.

В плане капитального транспортного строительства ближайших лет стоят на первом месте следующие основные постройки—Днепрострой, Туркестано-Сибирская ж. д. и Волго-Донской канал.

Сооружение Волго-Донского канала является, главным образом, транспортной проблемой. С постройкой этого канала мы будем обладать огромной единой транспортной магистралью, ко-

торая соединит Волгу и Каспий с Черным морем. Волго-Донско-Азовская магистраль создаст предпосылки, благоприятные для быстрого экономического развития всего края, ею пересекаемого, в частности даст огромный толчок дальнейшему развитию хлебо-экспорта южных портов, оживив сельское хозяйство житниц СССР—Поволжья и Сев. Кавказа.

Днепрострой имеет две стороны—транспортную и энергетическую. Сооружение мощной электрической станции на Днепре даст источник дешевой энергии, что подтолкнет юго-запад и юг СССР на путь интенсивного промышленного развития. Шлюзование Днепра в то же время разрешает транспортную проблему юго-запада СССР.

Однако, едва ли не самое крупное значение в плане ближайшего капитального строительства имеет Туркестано-Сибирская ж. д.

Днепрострой, Туркестано-Сибирская железная дорога и Волго-Донской канал—огромное транспортное строительство, которое в корне меняет транспортную структуру ряда наших важнейших сырьевых и промышленных районов, они дадут огромные результаты в смысле возникновения совершенно новых отраслей производства, новых предприятий, под'ема сельского хозяйства и т. д. Туркестано-Сибирская железная дорога особенно важна потому, что ей предназначено разрешить сырьевую проблему нашей текстильной промышленности.

Несомненно, в ближайшие годы, в связи с быстрым ростом добычи угля в Донецком бассейне, встанет вопрос о развитии сети ж.-д. путей, обслуживающих этот важнейший промышленный район, а возможно, и о постройке *сверхмагистрали Москва—Донбасс.*

Вопросы капитального транспортного строительства—важнейшие задачи ближайшего будущего, или, как сказано в постановлении ЦИК'а: «Считать первоочередной задачей капитальное строительство по созданию новых жел.-дор. линий в полном соответствии с развивающимися потребностями народного хозяйства страны».

И далее: «Поставить перед Народным комиссариатом путей сообщения на очередь необходимость проведения изысканий и подготовки новых водных путей как внутреннего, так и внешнего судоходства (новые морские линии, каналы и т. д.)».

«При составлении перспективных планов развития транспорта уделить строительству шоссейных и грунтовых дорог внимание, соответствующее их значению в развитии народного хозяйства».

*
* *

ЦИК в своих решениях подчеркнул необходимость соблюдения строгого плана в развитии транспорта и идею взаимной связи и единства всех его видов—на этих двух основных положениях мы и остановимся в заключении.

Гигантская стоимость основного капитала транспортных предприятий и в современных условиях почти вдвое превышающих основной капитал промышленности и огромные ежегодные доходы, достигающие трети всего госбюджета,—все эти обстоятельства обусловливают исключительную важность соблюдения строжайшего плана ведения транспортного хозяйства, ибо при столь крупных затратах даже небольшие неувязки в планировании могут дать значительные суммы непроизводительных расходов.

Но такая плановость возможна только в условиях полного единения всех видов транспорта, а между тем, именно в этой области мы имеем ряд серьезнейших дефектов. Надо прямо сказать, что не найдены еще те организационные формы, которые слили бы воедино всю сеть транспортных предприятий и окончательно выбили бы почву для всякой конкуренции между отдельными видами транспорта, утвердив прочное сотрудничество на фоне ясного разграничения функций. При предельной загрузке ж. д., водный транспорт используется нами еще недостаточно—вот один из первых примеров такой неувязки. До сих пор нет пятилетнего перспективного транспортного плана, и по-прежнему все его виды дробятся в плановом предвидении на отдельные изолированные куски.

Жесткий план и полное единство в транспортной работе безусловно необходимы нам для преодоления всех тех крупнейших трудностей, которые стоят на пути транспорта в начале реконструктивного периода. Трудности эти велики, в этом надо отдать себе ясный и полный отчет, но все же наличие огромных достижений в прошлом и постепенное образование в настоящем здоровой финансово-экономической и технической базы, позволяют питать уверенность в том, что и эти трудности будут успешно преодолены транспортом советской страны.

В. Прелков.

Массовая работа на предприятии.

Крупные задачи в области хозяйственного строительства, выдвинутые на очередь решениями XIV партийного с'езда и XV Всесоюзной конференции, поставили перед партийными организациями на местах ряд первоочередных задач по развертыванию массовой работы в направлении вовлечения в социалистическое строительство все более и более широких масс трудящихся. Те достижения, которые в области массовой работы имелись, в свете новых задач, стоящих перед партией и рабочим классом, недостаточны. Необходимо дальнейшее расширение работы, вовлечение в нее более широких слоев рабочих, в особенности тех, которые влились в предприятие за последние 2—3 года и не прошли еще фабрично-заводской школы. Новые слои рабочих должны быть взяты под особое внимание, так как от того, насколько быстро удастся их перевоспитать, сделать классово-сознательными, в некоторой мере зависит и то, насколько быстро мы будем продвигаться вперед в нашем хозяйственном строительстве. В нашей печати уже освещался вопрос о том, что в связи с быстрым ростом числа рабочих за последнее время по ряду производств наблюдалось падение производительности труда, ухудшение качества продукции. Прекратить эти процессы, произвести производственное и политическое воспитание новых слоев рабочих, превратить их из крестьян с мелкособственнической психологией в настоящих пролетариев, одновременно усиливая политическое воспитание всего рабочего класса,—вот основная задача на ближайший период времени. XV Всесоюзной партконференцией в резолюции по докладу о работе профсоюзов эта задача формулирована следующим образом:

«Коммунистическое (общеполитическое, культурное, производственное) воспитание новых слоев рабочего класса, повышение общей активности пролетариата, как в политической жизни страны, так и в деле хозяйственно-социалистического строительства, поднятие материального жизненного уровня пролетариата в связи с ростом производительности труда, дальнейшее вовлечение широких пролетарских масс в борьбу с бюрократизмом и бюрократическими извращениями госаппарата—становятся с особой силой в порядок дня».

В свете этих задач и этой общепартийной директивы необходимо просмотреть практику нашей низовой массовой работы, в особенности в цеху, потому что именно отсюда надо начинать крепить работу.

За последнее время у нас в массовой работе имеется целый ряд существенных достижений, которые были фиксированы и XV

Всесоюзной партконференцией, и VII Всесоюзным с'ездом профсоюзов и с особой наглядностью демонстрируются происходящими сейчас по всей стране перевыборами советов. Эти достижения неоспоримы и не нуждаются в доказательствах, они не видны разве только тем, кто нарочито хочет видеть все в черном цвете, кто не знает и не понимает, какая громадная работа проведена по политическому воспитанию рабочего класса. Гвоздь вопроса сейчас заключается не в том, чтобы доказывать эти, ясные без доказательства, вещи, а в том, чтобы не успокаиваться на достигнутых успехах, не почивать на лаврах, а двигать дело дальше, организуя возросшую активность рабочего класса, направляя ее на преодоление трудностей нашего роста. С этой точки зрения уместно и вполне своевременно просмотреть всю систему массовой работы на предприятии, дабы найти те места, которые «жмут» на данной ступени развития, которые тормозят, не способствуют выполнению партийных директив, осуществлению классовых задач пролетариата.

Мы не ошибемся, если скажем, что постановка массовой работы на предприятии еще не находится в должном соответствии с теми требованиями, которые жизнью пред'являются. Фактические данные, полученные нами в результате обследования массовой работы на одном из крупнейших предприятий Москвы (завод «Красный Богатырь»), в общем совпадающие с данными о работе и на других крупных предприятиях, и другие материалы, собранные Сокольническим РК ВКП(б) за последний год, целиком подтверждают это положение.

Начнем с вопроса, являющегося основным показателем результатов массовой работы, с вопроса о степени организованности рабочих на предприятии.

На заводе «Красный Богатырь» основные показатели организованности рабочих к 1/I—27 г. представляются в следующем виде:

Состоят в профсоюзе из	4.161 ч.	—4.128 ч.	или	99,2%
» » кооперации »	4.161 »	—3.195 »	»	76,8%[1]
» членами клуба »	4.161 »	—1.017 »	»	24,4%

По возрастному составу в числе членов клуба:

Взрослых	604 ч.	—60%
Молодежи	413 »	—40%

Если же взять эти цифры по отношению к взрослым и молодежи, работающим на предприятии, то получается, что из взрослых рабочих вовлечено в клуб 19%, а из молодежи—42,4%.

Из 975 ч. молодежи на заводе в комсомоле состоит 287 ч. или 27,9%. Членов партии и кандидатов на предприятии—322 ч. или 7,7% от общего количества рабочих. В добровольных обществах стоят: в шефском обществе 815 ч., ОДН—100, ДД—410 ч., по Осоавиахиму и МОПР'у точного учета нет, но цифры, приблизительно, такого же порядка.

Эти данные показывают, что в тех организациях, вовлечение рабочих в которые зависит в первую очередь от постановки мас-

[1]) Что касается членства в кооперации, то необходимо отметить, что здесь взяты сведения только по тому кооперативу, к которому прикреплено предприятие, и не учтено членство по другим кооперативам Москвы.

совой работы (клуб), или от воспитательной работы организации в массах (комс. и партия, добровольные о-ва), охват рабочих ими недостаточен. Кое-что из этого нужно отнести за счет специфических условий работы на «Красном Богатыре», заключающихся в том, что состав рабочих на 70% связан с сельским хозяйством и больше чем на 50% состоит из женщин, что в большей своей массе это—малоквалифицированные рабочие, имеющие дело не с машинами, а работающие вручную, что завод за последние 2 года быстро рос (на 1/I—25 г. было 3075 раб., а на 1/I—27 г.—4161 раб.—увеличение на 35,3%), чем, естественно, вызывалось относительное падение организованности рабочих и в особенности в части коммунистической и комсомольской прослойки. Но тем рельефнее вырисовываются здесь задачи массовой работы. Об'яснение указанным выше данным нужно искать в постановке массовой работы в цеху.

Массовая работа всякого крупного предприятия должна быть построена таким образом, чтобы центр тяжести ее находился в цеху, потому что только там можно осуществлять наиболее полный охват масс и учитывать все их запросы; только через работу в цеху можно вовлечь в практическую работу широкие слои рабочих, воспитывать их на этой работе, выдвигать там беспартийный актив. Здесь должна быть I ступень. Практика работы истекшего года показывает, что цех еще не везде стал центром нашей массовой работы. Возьмем конкретные данные по ряду областей работы и сравним, что сделано в общезаводском масштабе и что в—цеху (з-д «Кр. Богатырь»).

По линии массовых профессиональных собраний:

Общезаводских конференций за время с октября по январь было—3.

Общих собраний по цехам—2 (для одного цеха).

На заводских конференциях рассмотрены вопросы: 1) о производительности труда и зарплате, 2) о перезаключении колдоговора, 3) отчет правления губотдела, 4) итоги VII Всесоюзного с'езда профсоюзов.

На цеховом собрании:

1) отчет профцехбюро, 2) выборы делегатов на общезаводскую конференцию, 3) выборы сборщиков членских взносов (проф.), 4) выборы сборщиков членских взносов кассы взаимопомощи.

Посещаемость общезаводских конференций выражается в 85—87%, посещаемость на цеховых собраниях едва достигает 25—30%.

По характеру вопросов, рассмотренных общими собраниями цеха, можно заключить, что не они являются основными в системе массовой работы, что они в основном являются подсобными к общезаводским конференциям, собираясь *перед* ними. Этот метод работы можно считать правильным и достигающим цели лишь в том случае, если бы на цеховых собраниях, на ряду с выборами делегатов на общезаводскую конференцию, обсуждались и вопросы, стоящие на повестке дня конференции. Иначе же получается разрыв между работой конференции и всей массой рабочих, так как делегаты после конференции в цехах не отчитываются.

Этот же разрыв между заводским комитетом и всей массой членов союза можно найти в ряде предприятий в результате

неудовлетворительной постановки работы *делегатского института*, являющегося основным соединительным звеном между завкомом и массами. Нагляднее всего недостатки работы делегатского института выявляются при проведении основной политической кампании, проводимой по линии профсоюза,—это перевыборы заводского комитета. Имеются случаи, когда цеховые делегаты во время перевыборов перед своими избирателями не отчитываются, заводской комитет также не отчитывается по цехам (перевыборы же завкома на крупных предприятиях происходят на конференциях). Таким образом, большинство рабочих не принимает участия в обсуждении и оценке работы завкома, как бы выключается из серьезнейшей политической кампании. Участие их в кампании выражается только в обсуждении списка нового состава завкома (это обсуждение проходит по цехам) и в выборах делегатов на конференцию.

В повседневной работе связь между делегатами и всей массой членов союза тоже недостаточная, а поэтому вся та большая работа, которая сейчас проводится завкомами, неполностью продвигается вниз, в рабочую массу. Заводские комитеты в некоторой своей части работают как бы вхолостую, не приводят в движение всей рабочей массы. Это можно показать на примере хотя бы того же «Богатыря», где за время с октября 1926 г. по январь 1927 г. на делегатских собраниях были обсуждены следующие основные вопросы: доклад комитета страхкассы, о воздушной и химической обороне, о рабочем образовании, о перезаключении колдоговора, о борьбе с хулиганством, инструктивный доклад о работе делегатских собраний, доклад заведующего больницей. Часть важнейших вопросов, которые, несомненно, интересуют рабочих и которые были рассмотрены завкомом, например, доклад директора о режиме экономии, доклад производственной комиссии, об охране труда, о выдвижении, не была перенесена на делегатское собрание.

Все это, с одной стороны, говорит о том, что мы на местах еще недооцениваем делегатский институт, как основной беспартийный актив, не в достаточной мере используем его для организации вокруг завкома, как центра, всех рабочих. С другой стороны, это говорит о том, что на крупных предприятиях, где делегатов насчитывается до 200 чел. (на «Богатыре», например, их 161 ч.), старая постановка работы делегатских собраний не дает возможности полностью их использовать. О том, в какой части нужно пересмотреть работу делегатских собраний, мы скажем ниже, после рассмотрения работы *цеховых профбюро*, которые организованы в большинстве крупных предприятий.

Цеховые профбюро организованы на крупных предприятиях с целью лучшего обслуживания широких масс членов союза именно в части массовой работы. В положении о них ясно указано, чем и как они должны заниматься. На практике же они стоят как бы на отлете от основной схемы заводской профорганизации, не получают достаточных указаний в своей работе со стороны завкома, а потому и сколько-нибудь серьезной работы не ведут. Вот для примера перечень всех вопросов, рассмотренных одним цехпрофбюро завода «Красный Богатырь» за время с 1/X—26 г. по 18/I—27 г.:

1) о вовлечении делегатов в профкружок, 2) выделение профделегатов, 3) о перевыборах профбюро, 4) утверждение кандидатур профделегатов (цех.) и профцехбюро, 5) конструирование цехбюро, 6) о работе профбюро (цех.), 7) обсуждение кандидатур в уполномоченные кооператива, 8) о работе профцехделегатов, 9) о проведении октябрьских торжеств, 10) о работе профцехделегатов в цеху, 11) об Авиахиме, 12) о перерегистрации членов союза, 13) о перевыборах сборщиков, 14) о перевыборах уполномоченных ОДН и ДД, 15) план работы на 2 месяца, 16) о работе производственной комиссии, 17) о работе ОДН, 18) утверждение профцехсекретаря.

Из этого перечня видно, что профцехбюро как бы нащупывает те вопросы, которыми оно должно заниматься, а по существу занимается больше разного рода перевыборами, а не руководством массовой работой цеха.

Что это действительно так, можно увидать и немного с другого конца, а именно: по содержанию работы цеховых производственных совещаний, к руководству которыми цехпрофбюро должно иметь непосредственное отношение. В том же цеху, по которому приведено содержание работы профцехбюро, на 3-х производственных совещаниях, тоже за период октябрь—январь, были рассмотрены следующие вопросы:

1) проработка производственной программы, 2) выборы делегатов на производственную конференцию, 3) доклад об итогах производственной конференции, 4) разбор поступивших предложений, 5) о выполнении внесенных предложений. Все эти вопросы, рассмотренные производственным совещанием, ни в какой степени не отражены в работе профцехбюро, прошли мимо него. Цеховые же делегаты, хотя профцехбюро и занимается их подбором, на работе с ним не связаны, связываясь в общезаводском масштабе непосредственно с завкомом.

Таким образом, несмотря на то, что схема заводской организации в общем правильна, на практике она осуществляется неполностью. Отдельные звенья не приведены в движение, бездействуют. Это таит в себе угрозу разрыва заводского комитета с рабочими массами. Вся масса профессионального актива, а он сейчас на каждом из крупных предприятий, насчитывает не одну сотню человек, целиком не используовывается, не выращивается на практической работе так, как это могло бы быть при правильной постановке работы. Основными причинами этого явления необходимо считать, с одной стороны, действие инерции, когда молодые формы массовой работы в цеху еще не успели включиться в общую цепь и не получают достаточного руководства со стороны вышестоящих организаций, тогда как старые, давно установившиеся формы работы еще действуют, а внимание к ним в некоторой степени ослаблено. Отсюда недостаточное развитие новых и ослабление старых форм работы, а в общем итоге некоторое временное ослабление всей массовой работы. С другой стороны, работа, развернутая быстро и широко, сразу потребовала столько руководителей, что более или менее подготовленных подобрать оказалось делом не таким легким. Нужно было ставить на работу просто активных рабочих, подчас только что начинающих свою общественную деятельность. Поэтому неудивительно, что на первое время они слабовато справлялись с своими задачами. Необходимо некоторое время, чтобы они освоились с работой и затем уже вровень с ней двигались вперед. Помощь же в этом со стороны вышестоящих организаций была недостаточная, так как внимание их (вышестоящих организаций) разбрасывалось по двум направлениям, не выделяя четко основное и центральное.

Правильно и вполне своевременно было бы, раз взят курс на перенесение центра тяжести массовой работы в цеха, и работу делегатского собрания на крупных предприятиях организовать по цехам. Этим самым была бы дана цеховым профбюро реальная возможность руководства всей общественной работой в цеху, цеховые бюро включились бы в общую систему профработы на предприятии, усилилась бы связь делегатского института с массами, так как делегаты находились бы под руководством организации, сидящей непосредственно в цеху и могущей в силу этого лучше организовать всю их работу. Само собой разумеется, что при таком построении работы за заводским комитетом осталась бы полная возможность созыва периодических общезаводских делегатских собраний по принципиальным вопросам профработы на предприятии.

Дальше всего в смысле перенесения центра тяжести работы в цех мы сейчас продвинулись в работе производственных совещаний. Здесь нами найдена правильная установка, когда общезаводское производственное совещание занимается общими вопросами работы завода, намечает общие перспективы, а цеховое производственное совещание конкретизирует их применительно к условиям работы своего цеха. Правильная установка в работе производственных совещаний на предприятиях есть определенный результат того, что, начиная с весны, им было уделено очень большое внимание. Такое же внимание сейчас должно быть уделено и всем остальным звеньям массовой работы в цеху, потому что, если нам не удастся укрепить всю массовую работу, то и производственные совещания не дадут того, чего мы сейчас в праве от них требовать.

Особо стоит вопрос о том, нужно или не нужно переносить в цеха работу организаций пролетарской общественности. Опыт работы московской организации показал, что некоторые добровольные общества (ОДН, ДД) необходимо вывести вообще с предприятия и организовать их работу по территориальному принципу. Работу других добровольных обществ, хотя и оставленных на предприятии, необходимо сконцентрировать в общезаводском масштабе, группируя актив и развертывая через него массовую просветительную работу. Беря же ставку на цеха (а некоторые добровольные общества эту ставку взяли), мы будем перегружать цех всякого рода общественными организациями, распылять актив, а работы не вести ни в цеху, ни в заводском масштабе, как это в ряде случаев и имеет место. Множественность же организаций в цеху будет очень усложнять задачу руководства ими со стороны цеховой партийной организации, будет отвлекать ее внимание от основных, ударных сейчас моментов массовой работы в цеху.

На практике в ряде случаев так и было, что цеховые бюро ячеек, гоняясь за тем, чтобы всем дать руководство, упускали из поля своего зрения основные задачи, узловые пункты массовой работы в цеху, в частности недостаточно крепили непосредственно партийную работу в массах.

Перенося центр тяжести всей массовой работы в цеха, необходимо в первую очередь перенести туда непосредственную работу партийной организации в массах. Наилучшей формой непосредственного партийного воздействия на беспартийных, приближения беспартийного актива к партии, непосредственного ознакомления его с партийной работой являются открытые собрания ячеек. Действительным центром открытых собраний должен стать цех. Опыт работы последнего года показывает, что этого еще далеко нет, что принципиальное признание положения еще не есть его практическое осуществление. Несколько фактов в доказательство.

По 6-ти общезаводским ячейкам Сок. района соотношение между закрытыми и открытыми собраниями за время с сентября 1925 г. по декабрь 1926 г. (15 мес.) может быть показано следующей табличкой:

Общее колич. собр.		Из них открыт.	% откр. к общ. колич.	На один месяц приходится открытых собраний
1.	33	5	12,2	0,3
2.	26	7	27,0	0,47
3.	34	7	20,6	0,47
4.	30	9	30,0	0,6
5.	20	6	30,0	0,4
6.	35	9	25,7	0,6

По цеховым ячейкам:

Общее колич. собран.	Из них открыт.	%%	За какое время	На один месяц приходится открытых собраний
10	3	30	6 месяцев	0,5
7	4	57	5 »	0,8
6	1	17	5 »	—
7	5	71	7 »	0,71
9	7	78	5 »	1,0

Соотношение, правда, дает некоторый перевес в пользу открытых собраний по цехам, хотя и тут и там в большинстве предприятий оно неудовлетворительно. По подготовке же, порядку дня, посещаемости беспартийных и активности цеховые открытые собрания далеко отстают от общезаводских. Если посещаемость беспартийными общезаводских открытых собраний в среднем за год по основным предприятиям Сокольнического района выражается в 24% от общего количества участников собраний, то по цеховым ячейкам она нигде почти не достигает таких цифр. По «Красному Богатырю», например, на общезаводском собрании в среднем присутствует 140—150 беспартийных, а по цехам самое большее достигает для одного цеха 20 ч., а чаще всего 8—10 человек.

Практика общезаводских открытых собраний показывает, что наибольший интерес у беспартийных вызывают вопросы хозяйственные, политические, местные, производственные и профессиональные и вопросы дисциплины (партийной), поэтому улучшение и усиление работы открытых собраний ячеек в цехах надо начать с постановки этих вопросов. Сейчас уже нужно не только в принципе признавать важность открытых партийных собраний в цеху, а и проводить их, соответственным образом их подготавливая, подбирая хорошую повестку дня, выделяя подготовленных докладчиков, широко оповещая о каждом собрании всех беспартийных рабочих цеха.

Особую и очень большую роль в усилении этой работы должны сыграть групповые партийные организаторы, которые уже на опыте доказали, что они могут оказать большую помощь не только в этой, а и вообще во всей массовой работе в цеху. Обследование работы групповых организаторов, проведенное на 23 крупных предприятиях Сокольнического района, показало, что они (группорги) очень много способствовали усилению связи парторганизаций с массами, улучшению учета настроений и запросов всех слоев беспартийных, а следовательно, и улучшению содержания и постановки массовой работы на основе этого учета, улучшению учета беспартийного актива, использованию его на практической работе и вовлечению в партию. Все эти результаты достигнуты при слабом (обследованием это установлено с несомненностью), руководстве их работой со стороны бюро ячеек (цеховых и общезаводских), при неимоверной загрузке их всякими другими обязанностями и при довольно низком уровне теоретического развития. Сейчас группорги являются основным звеном, за которое нужно будет тянуть вперед всю нашу непосредственно партийную работу в массах. В вопросе о группоргах нужно провести в жизнь все, что высшими парторганизациями рекомендуется. Необходимо во что бы то ни стало добиться (некоторые руков. ячеек говорят, что это практически невозможно) осуществления постановления ЦК ВКП(б), предлагающего:

«В виду большой перегрузки низового ячейкового актива многими обязанностями необходимо эту нагрузку пересмотреть и упорядочить, *имея в виду прежде всего интересы массовой работы*» (курсив наш: *В. П.*).

Только в таком случае можно будет говорить и о повышении политической грамотности групповиков, а это крайне необходимо, иначе нам грозит опасность на длительное время застыть в работе группоргов на той ступени ее, которая имеется сейчас, а именно, когда группорг великолепно передает все настроения рабочих, отчасти потому, что и сам он является в известной степени их носителем, но еще очень слаб в преодолении этих настроений, т.-е. еще не является организатором общественности в своей группе. Разгрузив группорга от многих, подчас совершенно ему несвойственных, обязанностей, втянув его в общую и специальную партучебу и усилив руководство его практической работой, мы создадим из сети группоргов твердый костяк, при помощи которого двинем вперед массовую работу.

Укрепляя работу группоргов, мы в то же время будем способствовать развитию групповой и индивидуальной агитации, центром и организатором которой станет групповой парторганизатор. Кроме того, через группоргов же нам действительно удастся втянуть в систематическую агитацию за партийные лозунги, в

реальную помощь по организации массовой работы в цеху и на предприятии всю массу рядовых членов партии. До сих пор нам это удавалось в моменты наивысшего напряжения общественной жизни на предприятии (при проведении, например, такой кампании, как перевыборы советов, когда, действительно, все звенья партийной организации до каждого отдельного члена партии включительно приведены были в движение). В обычное же время этого не было. Индивидуальная работа каждого члена партии в массе беспартийных не была в достаточной мере организована и велась членами партии по мере своих сил и разумения. Ясно, что это не могло не отражаться в первую очередь на состоянии массовой работы. За прошлый год работы стало как бы своеобразным, печальным законом, что коммунисты являются самыми неаккуратными участниками общих и делегатских собраний. В таких условиях, когда коммунист не только не помогает организации массовой работы, а и сам в ней не участвует даже в качестве рядового члена, говорить о том, что она будет успешна, нельзя. Сейчас на это больное место нашей работы обращено серьезное внимание и партийными комитетами и ячейками. Ход кампании перевыборов в советы показал, какие прекрасные примеры организованности можно показать при мобилизации всех сил партийной организации. Необходимо закрепить достижения, выявленные в период подготовки и проведения этой кампании, и распространить на всю массовую работу предприятия. Достигается же это совсем просто. Нужно только, чтоб групповой организатор привлекался к работе не только во время кампаний, а работал все время, являясь действительно организатором своей группы, своего рода секретарем ячейки в группе.

Подводя общие итоги настоящему краткому обзору практики массовой работы на предприятии, необходимо сказать, что в общем построение работы правильно, что сеть наших организаций, как партийных, так и профессиональных, вполне может осуществить полный охват широких беспартийных масс своим руководством, а следовательно, через нее вполне можно осуществить те задачи, которые перед рабочим классом и партией стоят.

Необходимо только более четко увязать ее в один общий узел с центром тяжести в цеху. В этих целях нужно более решительно повернуться лицом к цеху, дать ему больше самостоятельности и инициативы, регулируя и направляя эту самодеятельность и инициативу из общезаводского центра—заводского бюро ячейки. Это, в свою очередь, накладывает на руководителей общественной работы на предприятии (бюро ячейки и завком) обязательство всемерно укреплять цеха соответствующими работниками.

В настоящее время придется несколько видоизменить ту практику, когда работника, который чуть-чуть подрос на цеховой работе, оттуда забирают. Необходимо на ближайшее время закрепить цеховых работников, беря ставку на выращивание крепкого секретаря цех'яч., крепкого групторга и крепкого цехпрофуполномоченного или секретаря цехпрофбюро, путем систематической работы с ними как по линии повышения их политической грамотности, так и по линии помощи им на практической работе. Только при таких условиях мы обеспечим то, что вся парторганизация будет коллективным организатором работы на предприятии, и только при этих условиях будут правильно

работать все приводные ремни от партии к массам. В особенности нужно подтянуть основной ремень—профессиональную организацию. Те отдельные недостатки в организации профработы на предприятии, в силу которых главный шкив—завком—иногда работает на холостом ходу, требуют исправления в самый кратчайший срок. Уточнив и усилив работу делегатских собраний, перенеся центр тяжести массовой работы (проф.) в цеха, мы создадим такое сцепление между завкомом и массами, а через это и между партией и массами, которое обеспечит поголовную мобилизацию всех рабочих предприятия вокруг очередных лозунгов партии, обеспечит наиболее быстрое и совершенное их осуществление.

Мы должны научиться так организовывать массовую повседневную работу, как мы организовали кампанию по перевыборам в советы, когда на предприятиях только больные не пришли на выборные собрания.

Е. Варга.

Проблемы капитализма во Франции и французск. коммунистическая партия[1]).

В истории французской коммунистической парти прежде всего бросается в глаза следующий факт: в классической стране буржуазной революции, в стране Коммуны, наша братская партия, с самого начала ее существования, еще ни разу не вела действительно серьезной борьбы с буржуазией, борьбы, которая хоть сколько-нибудь могла бы выдерживать сравнение с борьбой германской, венгерской, итальянской, болгарской, польской и других коммунистических партий. За все время своего существования французская коммунистическая партия никогда не была на нелегальном положении. Ни один член этой партии не был приговорен к смертной казни или к пожизненному тюремному заключению. Число находящихся в тюрьме французских товарищей в сравнении с товарищами из вышеупомянутых партий совершенно ничтожно. Почти не было до сих пор также жертв уличной борьбы. Партия еще не выдержала испытания огнем в прямой схватке с буржуазией.

Является ли это виной наших французских товарищей? Нисколько. Вышесказанное об'ясняется тем, что в послевоенной Франции капиталистический строй ни разу не подвергался серьезным потрясениям. Поэтому буржуазия с своей стороны не имела оснований прибегать для упрочения своего господства к системе буржуазного террора (мы умышленно не говорим: фашизма). Поэтому и французская коммунистическая партия не имела случая вести борьбу за власть в качестве авангарда революционного пролетариата.

Разумеется, я не желаю сказать этим, что политика французской коммунистической партии всегда была безошибочной и что партия полностью использовала всякую представляющуюся возможность для обострения классовой борьбы. Но речь идет здесь не об этом. Пусть французская коммунистическая партия и совершила те или иные упущения, но факт состоит в том, что в послевоенной Франции не было ни таких массовых движений на экономической почве, как стачка английских горняков, ни таких политических боев, как в Италии, Венгрии, Болгарии и т. д.

Отсюда можно сделать тот вывод, что положение капитализма во Франции было до сих пор и остается в настоящее время лучшим, чем обыкновенно принято думать. Очевидно, этот капитализм не вступил в послевоенное время в такую ситуацию, когда массы не желают больше жить попрежнему, а господ-

[1]) Статья дискуссионная.

ствующие классы не могут больше управлять попрежнему—так Ленин характеризует остро-революционную ситуацию. В нижеследующем мы подробнее останавливаемся на экономическом положении Франции и пытаемся вскрыть причины сравнительно незначительной интенсивности классовой борьбы в послевоенной Франции.

В нашем исследовании экономического положения Франции мы исходим из предположения, что период инфляции закончен. Правда, не исключена возможность, что курс французского франка некоторое время будет еще подвержен колебанию; не исключено также новое катастрофическое падение франка. Однако, вероятнее всего, период инфляции фактически закончился, а с ним вместе также особый период в развитии французского капитализма. Поэтому мы пытаемся подытожить результаты экономического развития Франции в послевоенный период и наметить перспективы дальнейшего развития.

Подчеркнем с самого начала, что не следует представлять себе экономическое развитие Франции в ближайшем будущем просто по аналогии с стабилизационным кризисом в Германии. Ряд моментов, на которых мы подробнее останавливаемся ниже, заставляет предполагать, что переход от инфляции к стабилизации произойдет во Франции во многих отношениях иначе, нежели в Германии, поведет здесь к другим результатам.

Прежде всего мы рассматриваем развитие отдельных производственных факторов в послевоенный период и проводим параллель с довоенным временем. Здесь мы наталкиваемся на те же трудности, что в Германии: последняя промысловая перепись во Франции имела место в 1907 г., последняя сельскохозяйственная перепись в 1895 г.; вследствие этого почти невозможно дать действительно основательную картину развития производительных сил. Нам приходится ограничиться внешними признаками и отчасти случайным материалом. Другие трудности проистекают от присоединения Эльзаса и Лотарингии, которое повело к скачкообразному увеличению производительной мощности некоторых отраслей французской промышленности.

Рост населения.

В течение почти целого столетия французский капитализм отличается отсутствием сколько-нибудь значительного роста народонаселения. В этом отношении последнее десятилетие не внесло ничего нового. За время войны страна потеряла часть мужского населения в работоспособном возрасте; эти потери уравновешиваются присоединением Эльзаса и Лотарингии и усиленным привлечением иностранных рабочих. Накануне войны число иностранцев во Франции составляло около полутора миллионов; последняя народная перепись, произведенная в 1926 г., установила во Франции два с половиной миллиона иностранцев. Надо полагать, что число иностранцев на самом деле еще выше. Во всяком случае французскому капитализму, несомненно, удалось возместить недостаток рабочих рук иностранными рабочими. Здесь сама практика опровергает явно неправильную теорию Отто Бауэра, развитую им в венском журнале «Der Kampf» и вызвавшую уже в то время возражения с моей стороны. Бауэр доказывал, что отсталость французского капитализма в довоенное время была результатом слабого роста народонаселения Франции.

Из имеющихся статистических данных не явствует, какую часть вышеупомянутых двух с половиной миллионов составляют иностранные рабочие. Надо полагать, они составляют значительно преобладающую часть. Отсюда вытекает, что французский капитализм имеет возможность преодолеть или смягчить безработицу во время стабилизационного кризиса, освободившись от этих иностранных рабочих. Это, однако, не означает, что французские капиталисты действительно прибегнуть к этому средству, ибо иностранные рабочие дешевле, чем французские и, кроме того, гораздо дисциплинированнее, так как они работают по особым договорам, и от их покорности по отношению к требованиям капиталистов зависит, разрешено ли будет им дальнейшее пребывание во Франции. Поэтому можно предвидеть, что французские капиталисты не поторопятся избавиться от иностранных рабочих, напротив будут держать их в стране до тех пор, пока не удастся снизить заработную плату и условия труда французских рабочих применительно к новым условиям эксплоатации французского капитала.

Упадок французского сельского хозяйства.

Развитие сельского хозяйства Франции в послевоенное время отличается от довоенного следующими двумя моментами:

1) уменьшение посевной площади;
2) увеличение сборов с гектара.

Повидимому, оба эти момента находятся в связи с недостатком рабочих сил. В некоторых местностях Франции, в особенности на юго-востоке, цифра народонаселения быстро падает. В 1925 г. в 30 департаментах цифра народонаселения была ниже, чем до войны, несмотря на то, что здесь поселились выходцы из Италии: сельскохозяйственные рабочие и мелкие крестьяне. Повышение сборов с гектара отчасти является результатом уменьшения посевной площади, так как, разумеется, невозделанными остаются самые неплодородные участки, их же большею частью превращают в луга и пастбища. Отчасти, однако, увеличение сборов об'ясняется и интенсификацией земледелия, об этом свидетельствует увеличение потребления искусственных удобрений.

Посевная площадь (в тыс. гектаров).

	1909/13	1920	1921	1922	1923	1924	1925	1926
Пшеница	6.787 [1]	5.094	5.330	5.290	5.533	5.512	5.613	5.463
Рожь	1.253 [1]	869	874	888	897	889	869	859
Ячмень	804 [1]	664	669	693	681	714	699	736
Овес	3.978 [1]	3.350	3.358	3.436	3.423	3.495	3.480	3.529
Итого	12.822							10.587
Кукуруза	—	336	328	320	342	342	346	—
Картофель	1.646 [1]	1.440	1.453	1.464	1.451	1.463	1.465	1.446
Свекловица	246	105	102	131	165	203	195	208
Виноградники	1.626	1.585	1.591	1.527	1.537	1.550	1.594	1.614

[1]) В переводе на послевоенную территорию.

Данные этой таблицы показывают, что в сравнении с последним довоенным пятилетием площадь под хлебом уменьшилась приблизительно на 20%. Это уменьшение нельзя считать результатом опустошений военного времени, так как за последние 7 лет (начиная с 1920 г.) не произошло значительного увеличения посевной площади, несмотря на восстановление разрушенных провинций.

Нижеследующая таблица показывает увеличение сборов с гектара за последние 6 лет сравнительно с последним довоенным пятилетием.

Сборы с гектара (в двойных центнерах).

	1909/13	1921/25	1925	1926 [1])
Пшеница	13,1	14,5	16,0	12,5
Рожь	10,6	11,7	12,8	10,0
Ячмень	14,3	13,8	14,7	16,0
Овес	13,4	12,7	13,6	16,0
Кукуруза	12,1	11,4	14,7	—
Картофель	87,1	84,0	103,8	—
Свекловица	239,1	234,7	245,7	—
Вино в гектолитрах	30,9	41,2	39,4	—

В результате обеих противоречивых тенденций—уменьшения посевной площади и увеличения сборов с гектара—получается довольно значительное уменьшение общей суммы урожая сравнительно с довоенными цифрами.

Цифры урожая (в миллионах двойных центнеров).

	Среднее за 1909/13	1922	1923	1924	1925	1926	Среднее за 1922/26
Пшеница	88,6 [2])	66,2	75,0	76,5	90,0	67,7	75,0
Рожь	13,3 [2])	9,8	9,3	10,2	11,1	8,5	9,8
Ячмень	11,1 [2])	8,9	9,8	10,5	10,3	11,8	10,5
Овес	53,5 [2])	41,8	48,9	44,3	47,5	57,8	48,0
Кукуруза	5,7	3,2	3,2	4,6	55,1	—	4,0

Количество скота тоже все еще значительно ниже довоенных цифр, как показывает следующая таблица.

Количество скота (в тысячах).

	1913	1925
Лошади	3.291	2.880
Коровы	14.807	14.572
Овцы	16.213	10.537
Свиньи	7.048	5.793
Козы	1.453	1.378

[1]) Цифры для 1926 г. вычислены только приблизительно
[2]) В переводе на послевоенную территорию.

Если, несмотря на уменьшение количества скота, произошло повышение сборов с гектара, то это следует приписать повышенному употреблению искусственных удобрений [1]).

Резюмируя эти данные, мы констатируем, что сельское хозяйство Франции находится в настоящее время на несомненно более низком уровне, чем в последнее пятилетие до войны, и что за последние 7 лет не проявилась тенденция к увеличению производства. Подчеркнем также, что за последние три—четыре года во Франции замечается довольно большое расхождение «ножниц» в ущерб сельскому хозяйству; это, конечно, неблагоприятно отражалось на эволюции сельского хозяйства.

Индекс оптовых цен.

	Пищевые продукты	Промышленные материалы
1919	389	430
1920	532	635
1921	411	389
1922	376	379
1923	458	506
1924	523	598
1925	566	691
1926	597	679

Развитие горного дела и промышленности.

В отличие от сельского хозяйства горное дело и промышленность Франции переживают после войны сильный под'ем. Из страны с преобладающей мелкой и средней промышленностью Франция стала страной новейшей крупной промышленности. В настоящее время нет еще статистических данных, охватывающих в целом всю эту эволюцию. Однако, отдельные описания [2]) не оставляют сомнения относительно указанного под'ема.

Скачкообразное развитие французской тяжелой индустрии и металлопромышленности находится в теснейшей связи с войной и восстановлением. Это развитие происходило в трех довольно ясно очерченных этапах.

1) В замену промышленности северо-восточных областей, занятых в начале войны немцами, была создана в центральных областях Франции новая крупная металлообрабатывающая промышленность на предмет снабжения армии военными материалами.

2) Версальский договор присоединил к Франции высокопромышленную Лотарингию.

3) За счет государственных субсидий были восстановлены и оборудованы по последнему слову техники промышленные предприятия в разрушенных провинциях.

1) Все данные, поскольку не указаны другие источники, взяты нами из ежегодника «Annuaire Statistique de la France» за различные годы. В общем следует заметить, что французская статистика не очень надежна: различные источники дают совершенно разные цифры.

2) Наиболее цельное изложение дано в отчете английского консула S. R. Cahill—«Report of the Economic Industrial Conditions in France», 1925.

Созданное на территории старой Франции новое промышленное производство является внутренним увеличением производительных сил страны. Однако, из этого не следует, что эти новые производительные силы являются также равноценными внутренним накоплениям. Восстановление разрушенных провинций происходило большей частью за счет французских крестьян и мелких буржуа, которые, благодаря инфляции, потеряли свое состояние, оно перешло к крупному капиталу. Увеличение производительных сил Франции вследствие присоединения Эльзаса и Лотарингии, конечно, является внешним приростом. Однако, не подлежит сомнению, что горное дело и промышленность Франции стоят в настоящее время на гораздо более высоком уровне капиталистического развития, чем до войны. Некоторое представление о развитии французской промышленности дают цифры нижеследующей таблицы.

Находящиеся в действии паровые машины.

(По отраслям промышленности. В тысячах киловатт).

	1913 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.
Электротехническая промышл. . . .	576	823	970	1.223	1.678
Металлопром.	438	551	667	668	727
Каменоломни и т. д.	423	508	530	540	685
Текстильн. промышл. и конфекционная.	398	398	411	416	431
Химическая пром.	106	103	106	120	122
Прочее	652	661	665	631	673
Итого	2.603	3.044	3.349	3.598	4.316 [1])

Цифры «Ежегодника» («Annuaire») доходят только до 1923 г. Они показывают, что в электротехнической промышленности мощность паровых машин за четыре года увеличилась вдвое; в других отраслях промышленности увеличение несколько меньше, но тоже значительно.

На ряду с увеличением мощности паровых машин особую роль играет использование водной силы, как показывает следующая таблица.

Использование водных сил (в тысячах киловатт) [2]).

1910 г.	650
1914 »	800
1922 »	1.200
1924 »	1.500

Горное дело.

Развитие горного дела в послевоенной Франции получило большой толчок, благодаря присоединению Эльзаса и Лотарингии. Впрочем, увеличилась также производительная мощность угольных копей на севере Франции благодаря новому оборудованию

1) Из этого числа—385 в трех департаментах: Мозельском, Верхнего Рейна и Нижнего Рейна (Эльзас и Лотарингия).

2) «Indicateur de la Production Fransaise».

их при восстановлении разрушенных провинций. Приводим важнейшие цифры:

Производство (в млн. тонн).

	1913 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.
Каменный уголь	40,1	31,1	37,7	44,0	47,1
Железная руда	21,9	21,0	23,3	30,0	35,8
Калий [1]	0,3	0,9	1,0	1,1	1,2

Число горнорабочих (в тысячах).

	1913 г.	1922 г.	1923 г.
Всего	239	278	317
В том числе:			
Каменный уголь	196	225	259
Железная руда	25	23	24
Калий	—	5,3	5,6

Больше всего увеличилась добыча железной руды. Это об'ясняется присоединением Эльзаса и Лотарингии, в которых в 1913 г. было добыто 21,1 миллиона тонн железной руды против 21,9 миллиона тонн во всей Франции [2]). Эти цифры показывают, однако, что *добыча железной руды во Франции все еще ниже довоенной*. Трудности заключались в том, что лотарингская руда, так называемая минета, трудно поддается разработке. В довоенное время она отчасти разрабатывалась на местах с помощью кокса из Рейнско-Вестфальской области, отчасти же перевозилась в Рурскую область и разрабатывалась на тамошних металлургических заводах. К тому же, Германия в 1913 г. импортировала 3,8 миллиона тонн французской руды, тогда как в 1925 г. ее импорт из Франции и Эльзас-Лотарингии составлял не более 1,2 миллиона тонн. Германская металлургия освободилась от зависимости от лотарингской руды.

Гораздо благоприятней развивалась добыча калийных солей в Эльзасе с переходом последнего к французам. По французским данным, она увеличилась в четыре раза, по германским—в 6 раз. Французы фактически прорвали германскую калийную монополию и заставили германский калийный синдикат вступить с ними в очень выгодный для них договор.

Промышленность.

Мы не располагаем данными о размерах промышленного производства во Франции, за исключением некоторых отдельных отраслей промышленности. Поэтому для того, чтобы судить о развитии французской промышленности, нам придется пойти окольным путем и заключать о росте промышленного производства по данным о потреблении промышленного сырья. Точно так же мы поступили в нашем очерке послевоенной экономики Германии. Нижеследующая таблица показывает рост производства железа и стали в послевоенной Франции.

	Производство (в млн. тонн) Железо	Сталь	Число рабочих в тыс.
1913 г. (старая террит.)	5,2	4,7	—
1913 » (включ. Лотариег.)	9,0	7,0	118,0
1919 »	2,4	2,2	101,4
1920 »	3,3	2,7	100,1
1921 »	3,4	3,1	93,2
1922 »	5,2	4,5	83,7
1923 »	5,3	5,0	99,3
1924 »	7,7	6,9	117,8
1925 »	8,4	7,3	111,6
1926 »	9,4 [1])	8,3 [1])	—

При оценке этих цифр необходимо принять во внимание, что в 1913 г. тяжелая индустрия Лотарингии одна насчитывала 63 доменные печи, и производство ее составляло 3,87 миллиона тонн железа и 2,26 миллиона тонн стали. Ее производительная мощность составляла в то время приблизительно 75% производительной мощности тогдашней французской тяжелой индустрии [2]). Однако, в настоящее время производство железа и стали во Франции уже превысило довоенные цифры. В последние довоенные годы производительная мощность лотарингских заводов использовывалась только в незначительной степени [3]). Об'яснялось это главным образом недостатком кокса. Лотарингская металлургия получала кокс из Рейнско-Вестфальской области. В послевоенное время в Лотарингии ощущался большой недостаток кокса; это было одной из главных причин занятия Рура. В 1913 г. Лотарингия получила 3,84 миллиона тонн кокса из Вестфалии, тогда как в 1919—1924 гг. она получала ежегодно менее половины этого количества [4]). «*Это положение не могло удовлетворить заинтересованные стороны, поэтому французское правительство решило занять Рурскую область и таким образом создать непосредственную связь между металлургическими заводами и важнейшими центрами европейского производства кокса*», —так хладнокровно констатирует французский эксперт А. Лауфенбергер [5]).

---

[1]) Цифры взяты из «Annuaire». Германский «Statistisches Jahrbuch» (стр. 56) дает для Эльзаса гораздо более высокие цифры добычи:

1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.
1,3	1,6	1,7	1,9

[2]) Цифры взяты из «Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich» 1926 г., стр. 44.

---

[1]) Предположительные цифры.

[2]) «Revue d'Economie Politique». Специальный выпуск об Эльзасе и Лотарингии, ноябрь—декабрь 1924 г., стр. 2009.

[3]) По данным «Statistisches Jahrbuch», производство Эльзаса и Лотарингии составляло (в миллионах тонн):

	1913 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.
Железо	3,7	1,4	1,4	2,3	1,9	3,0	3,3
Сталь	2,3	0,9	1,2	1,7	1,6	2,4	2,6

[4]) «Revue d'Economie Politique». Специальный выпуск, стр. 11, 999.

[5]) Там же, стр. 1000.

С прекращением недостатка угля и кокса металлургическая промышленность Лотарингии пошла в гору, и в 1925 году производство железа и стали достигло здесь довоенных цифр, а вся продукция на новой территории Франции превысила довоенные цифры.

О продукции обрабатывающей промышленности имеются только отдельные разрозненные данные. Поэтому мы приводим в нижеследующей таблице цифры ввоза важнейших сырых материалов. Они могут служить зацепкой для суждения о развитии послевоенной французской промышленности. Цифры даны нетто, т.-е. чистый ввоз, или излишек ввоза над вывозом.

Ввоз (нетто) важнейших сырых материалов.

(В тысячах двойных центнеров).

	1913 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.
Шерсть	2.048	1.139	2.547	2.132	1.804	2.110
Шелк	109	77	114	89	137	127
Каучук	67	175	281	316	352	380
Хлопок	2.687	1.887	2.396	2.352	2.812	3.264
Полотно	1.036	(— 279)	(— 125)	(— 223)	(— 510)	(— 552)
Лен	312 [1]	105	261	292	297	245
Джут	1.218	453	842	753	970	886
Минер. масла	5.104	7.092	8.852	9.887	12.072	14.238
Медь	844	230	591	943	1.318	977
Свинец	778 [1]	226	680	837	857	687
Олово	87 [1]	65	81	90	101	100
Цинк	400 [1]	138	423	411	539	267

Таблица имеет некоторые недостатки, так как для некоторых товаров не удалось установить цифры ввоза нетто (т.-е. ввоз за вычетом вывоза) в 1913 г. Вероятно, произошли также известные изменения в туземном производстве некоторых товаров. Таблица показывает сильное увеличение ввоза каучука, минеральных масел и меди, но лишь небольшое увеличение ввоза текстильного сырья—это последнее об'ясняется включением текстильной промышленности Эльзаса. Подчеркнем при этом, что эта промышленность была весьма развита. Ее оборудование в довоенное время составляло:

1.865.000 веретен	}	для хлопка
38.000 ткацких станков		
700.000 веретен	}	для шерсти
7.500 ткацких станков		

Это равняется 27% числа веретен во всей хлопчато-бумажной, и 33% числа ткацких станков и около 25% числа веретен и станков в шерсто-прядильной и шерсто-ткацкой промышленности Франции. Если принять в соображение этот сильный прирост, то *увеличение ввоза хлопка и шерсти, повидимому, отстает от увеличения производительной мощности, и надо полагать, что значительная часть этой последней осталась неиспользованной, несмотря на благоприятную кон'юнктуру инфляционного периода.*

---

[1]) Ввоз брутто.

Промышленное развитие Франции лучше поддается оценке, если сравнить душевое потребление важнейших сырых материалов до войны и в настоящее время с соответствующими цифрами в Германии.

Душевое потребление важнейших сырых материалов в Германии и во Франции (в килограммах).

	1913 г. Германия	1913 г. Франция	1924 г. Германия	1924 г. Франция	1925 г. Германия	1925 г. Франция
Уголь	2.470	1.623	2.163	1.927	2.212	1.700
Нефть	17,2	13,3	3,8	32,6	7,4	35,4
Железо и сталь	401	228	—	—	324	312
Каучук	0,3	0,15	0,4	0,88	0,7	0,94
Хлопок	7,2	6,8	4,3	7,1	5,9	8,1
Джут	2,3	3,0	1,7	2,4	2,1	2,2
Шерсть	3,2	6,7	2,7	5,7	2,5	—
Шелк	0,07 [1])	0,1	0,04 [1])	0,11	0,04 [1])	—

Эти цифры показывают, что душевое потребление промышленного сырья довольно сильно увеличилось во Франции сравнительно с довоенным временем и в некоторых местностях опередило Германию. Это является лучшим доказательством сильной индустриализации Франции со времени начала войны.

Развитие экспорта промышленных товаров.

Изменение структуры французского народного хозяйства гораздо ярче выступает в данных о внешней торговле, нежели в скудных и ненадежных данных о производстве. В нижеследующей таблице сопоставлен вывоз важнейших промышленных фабрикатов (в порядке его ценности); он составлял в 1913 г. около 49%, а в 1925 г. около 37% всего вывоза в ценностном выражении. Цифры даны в двойных центнерах, так как вследствие сильных колебаний валюты цифры вывоза в ценностном выражении ненадежны [2]).

---

[1]) Не включая собственное (незначительное) производство.

[2]) Нижеследующая таблица дает картину внешней торговли Франции в переводе на золотые франки по курсу нью-иоркской биржи. Конечно, данные ее приходится принимать со всеми оговорками, необходимыми при такого рода подсчетах.

	Ввоз Пищ. сред.	Ввоз Сырье	Ввоз Фабрикаты	Вывоз Пищ. сред.	Вывоз Сырье	Вывоз Фабрикаты
	(в миллионах золотых франков)					
1913	1.818	4.946	1.058	839	1.858	4.183
1920	4.241	8.985	4.598	933	2.184	6.489
1921	2.508	4.330	1.914	797	1.574	5.235
1922	2.393	5.853	1.816	784	2.420	8.064
1923	2.337	6.494	1.361	797	2.922	6.010
1924	2.416	6.999	1.376	1.090	2.835	6.725
1925	2.279	7.366	1.261	907	3.141	6.744

Принимая во внимание, что цены золота на мировом рынке были в 1925 г. приблизительно на 50% выше, чем в 1913 г., мы получаем, что вывоз Франции в области фабрикатов и сырья поднялся лишь незначительно и увеличение его соответствует только присоединению Эльзас-Лотарингии. Однако, мы полагаем, что цифры этой таблицы дают неверную картину и что фактически вывоз был более значительным.

Вывоз важнейших фабрикатов (в двойных центнерах).

	1913	1921	1922	1923	1924	1925
Шелк. ткани	82	57	63	76	88	92
Белье, одежда, конфекцион.	64	87	81	80	98	88
Хлопч. ткани	554	587	437	445	871	548
Автомобили	354 [1]	376	341	408	618	761 [3]
Шерст. ткани	234	158	182	255	345	289
Железо и сталь	7.620	24.398	27.917	24.407	30.244	39.734
Инструменты и метал. товары	1.448	1.876	1.914	3.101	2.964	5.474
Каучук. товары	69	211	189	219	276	306
Обработ. кожи	154	214	96	130	190	175
Паров. и др. силов. машины	821 [2]	606	511	818	890	990
Парфюмерия и мыло	514	466	544	857	764	722
Стекло и хрусталь	1.530	744	700	883	1.175	1.376
Меха	—	10,5	12,7	14	17	19

Из этой таблицы ясно следует, что вывоз продуктов старых экспортных индустрий Франции, в особенности текстильной индустрии, увеличился в весовом (количественном) выражении сравнительно немного. Это увеличение далеко не соответствует тому приросту производительной мощности, который явился результатом присоединения текстильной индустрии Эльзаса и Лотарингии. Зато произошло скачкообразное увеличение вывоза железа и стали, инструментов и металлических товаров, автомобилей,— вообще продуктов железоделательной и сталелитейной, а также металлообрабатывающей промышленности. За недостатком необходимых данных, нельзя установить, соответствует ли это увеличение вывоза приросту производительной мощности лотарингской промышленности или превышает его. Во всяком случае, не подлежит сомнению, что Франция стала страной с значительным вывозом продуктов тяжелой индустрии и железообрабатывающей промышленности.

Транспорт.

Со времени войны произошло очень значительное развитие в области транспорта. Большая часть паровозного и вагонного парков железных дорог была обновлена и расширена; торговый флот был увеличен, произошло дальнейшее строительство портов; часть железных дорог перестраивается в настоящее время на электрическую тягу, производятся также большие постройки каналов. Приводим некоторые данные об этой эволюции.

Локомотивы.

	Число	Сила в тыс. киловатт
1913	14.341	8.900
1923	18.446	17.410

Торговый флот.

	В тыс. нетто тонн	В том числе пароходы и теплох.
1913	1.582	980
1919	1.306	879
1920	1.145	1.759

[1]) Caronerie.
[2]) Machines et mécaniques.
[3]) Включая кузова.

Положение французского пролетариата в период инфляции.

Теперь поставим вопрос: каково было положение французского пролетариата в период инфляции, когда французская промышленность развивалась этим быстрым темпом?

Все признаки говорят в том смысле, что положение рабочих в общем было не хуже, чем в довоенное время.

1) За исключением 1921 г., во Франции не было массовой безработицы.

2) За все время после окончания войны во Франции существует по закону 8-часовой рабочий день.

3) Повидимому, фактический уровень жизни французских рабочих не отличался от довоенного (иностранные рабочие во Франции оплачивались значительно хуже французских). К сожалению, нет надежных данных для сравнения с довоенным временем. Во Франции нет тарифных договоров, простирающихся на всю страну. В области статистики заработной платы имеются только предположительные оценки городских управлений; они совершенно не надежны. Благодаря инфляции данные о денежной заработной плате дают превратную картину. Нам не остается ничего другого, как определять фактический уровень жизни по душевому потреблению важнейших продуктов, при чем мы располагаем только статистикой потребления на душу *всего* населения.

Потребление важнейших пищевых продуктов и сырья на душу населения (в килограммах)

	1909/13	1922	1923	1924	1928 [1])
Пшеница	223	183	222	226	254
Рожь	30	24	24	27	28
Ячмень	28	24	26	29	28
Кукуруза	27	22	22	25	25
Картофель	342	327	252	378	362
Рис	5,6	3,6	6,6	4,2	4,8
Сахар	17,5 [2])	20,1	19,0	19,6	22,3
Вино (в литрах)	142 [2])	212	168	201	179
Пиво (в литрах)	33,6 [2])	25,5	30,4	—	—
Кофе	2,84 [2])	4,4	4,3	4,3	4,2
Какао	0,69 [2])	1,0	1,1	1,2	1,2
Чай	0,04 [2])	0,03	0,03	0,04	0,04
Алкоголь [3]) (в литрах)	3,73 [4])	2,42	0,66	2,51	—
Табак	1,1 [4])	1,4	1,4	1,04	1,3
Хлопок	6,8 [4])	6,1	5,9	7,1	8,1
Джут	3,0 [4])	2,1	1,9	2,4	2,2
Шерсть	6,7 [4])	7,6	6,6	5,7	—
Шелк	0,1 [4])	0,08	0,09	0,11	—

В этой таблице сказывается тенденция к росту массового потребления — аналогия с Англией. Во Франции инфляция не ухудшила снабжения населения пищевыми продуктами и одеждой,

[1]) Цифры 1928 г. вычислены нами.
[2]) 1911—1913 гг.
[3]) Для этого количества уплачен налог.
[4]) 1913 г.

как это в высокой мере имело место в Германии. Это не является еще *вполне убедительным доказательством,* что уровень жизни французского пролетариата тоже повышался. Но, если принять во внимание, что в период инфляции мещанство и крестьянство понесло большие потери, что рантье обеднели, что иностранные рабочие посылали значительную часть своего заработка на родину, то весьма вероятно, что положение широкой массы французских рабочих не ухудшилось сравнительно с положением в 1913 г.

Этим об'ясняется слабость классовых боев во Франции, отсутствие экономических боев (забастовочное движение раскололось на бесконечное множество местных стачек), возможность для французской коммунистической партии оставаться в течение всего послевоенного периода на легальном положении.

Различие между инфляцией в Германии и Франции.

Тогда как в Германии инфляция повела к общему обнищанию масс, во Франции мы наблюдаем увеличение массового потребления.

Чем об'ясняется это важное различие? Мы думаем, что здесь играют важную роль следующие два момента:

а) Хотя часть Франции подверглась во время войны систематическому разрушению со стороны немцев, остальная часть ее, повидимому, пострадала гораздо меньше; вся страна в целом вышла из войны менее обнищавшей, нежели Германия. Об'ясняется это тем, что Франция во время войны имела поддержку Англии и Америки и все время не теряла связи с мировым хозяйством. Разумеется, надо принять во внимание то обстоятельство, что Франция получила от Англии и Америки во время войны и в послевоенное время свыше 20 миллиардов золотых франков (мы оставляем здесь в стороне ее займы союзникам), тогда как Германия должна была покрывать все издержки войны из собственных ресурсов, если не считать эксплоатации оккупированных ею территорий.

б) Есть основание полагать, что широкие круги французского народа, сберегавшие в нормальные времена часть своего дохода для получения к старости ренты, отказались от этого в период инфляции и обесценения денег и, вместо этого, увеличили свое потребление. Об этом свидетельствует сильное уменьшение чисто-сберегательных вкладов в последние годы.

Возможно, что здесь действовали также другие причины, но, так или иначе, не подлежит сомнению следующий противоречивый факт: с одной стороны, экспроприация 80% твердопроцентных доходов и широких слоев французского мещанства, с другой стороны, увеличение потребления важнейших продуктов и текстильного сырья.

Важным различием между ходом инфляции в Германии и Франции является следующее: тогда как *обесценение марки происходило непрерывно и в одном направлении, курс франка* колебался *зигзагами.* После сильного падения франка в 1920 г. он поднимается в 1922 г. в среднем на 20%; за дальнейшим обесценением франка в 1923 г. следует скачкообразное повышение курса франка на 50% весной 1924 г.; за обесценением франка в 1925 г.

следует скачкообразное повышение курса франка снова на 50% во второй половине 1926 г.

Нижеприводимые цифры показывают колебания франка в среднем за год и за месяцы; поэтому фактические колебания здесь уже сильно сглажены.

За 1 франк давали американских центов.

1913	1920	1921	1922	1923	1924	1924 Март	1924 Апр.	1925	1926 Янв.	1926 Июль	1926 Дек.
19,3	7,0	7,7	8,2	6,1	5,2	4,2	6,1	4,8	3,8	2,5	4

Благодаря этим сильным скачкообразным колебаниям франка характер инфляционного хозяйства выступал во Франции гораздо менее резко, чем в Германии. Во Франции капиталист, ориентируя свои операции исключительно на понижении франка, далеко не мог быть уверенным в успехе. В частности:

а) не было безусловной выгодой брать кредиты в центральном эмиссионном банке, так как нельзя было знать, будет ли при наступлении срока уплаты курс франка выше или ниже, чем при получении этих кредитов;

б) не было безусловной выгодой помещать свой капитал в «реальных ценностях», так как нельзя было знать, не окажется ли впоследствии, по причине повышения курса франка, продажная цена этих ценностей ниже покупной;

в) не было безусловной выгодой помещать свои деньги в иностранной валюте или свой капитал в иностранных ценностях (так называемая утечка за границу), так как изменение курса франка могло повести здесь к чрезвычайным потерям.

Поэтому явления инфляционного хозяйства сказались во Франции в гораздо меньшей мере, чем в Германии.

а) Вследствие колебаний курса франка во Франции не произошло такого ускорения обращения денег, и золотая ценность всей циркулирующей денежной массы не упала в такой мере, как в Германии или Польше. Тогда как в октябре 1923 г. ценность всей циркулирующей массы бумажных денег в Германии упала до 300 миллионов золотых марок, ценность циркулирующей массы французских банкнот составляла в золоте:

Курс франка и обращение банкнот.

	Обращение банкнот [1]) В миллиард. бум. франк.	Обращение банкнот [2]) В миллиард. зол. франк.
1913	5,7 + 3,6 зол.	9,3
1920	37,9	13,5
1921	36,5	14,03
1922	36,4	15,2
1923	39,1	12,2
1924	40,9	11,1
1925	51,1	12,8
1926 янв.	50,6	9,2
1926 июль	56,0	7,2
1926 нояб.	56,3	9,7

[1]) В конце года или месяца. «Bulletin Mensuel de Statistique».
[2]) Подсчет сделан на основе данных «Bulletin Mensuel de Statistique».

Вследствие присоединения Эльзаса и Лотарингии и увеличения товарного обращения ценность циркулирующей денежной массы в золоте теперь во Франции выше, чем в довоенное время, в особенности, если принять во внимание, что боны казначейства тоже исполняют некоторые денежные функции (суточный кассовый резерв).

б) Во Франции не имело места «бегство к реальным ценностям», и в связи с этим здесь не образовались также концерны инфляционного характера. Несмотря на сильный процесс централизации, во Франции не скупали без разбора всякого рода предприятия за счет банковых кредитов, как это делалось в Германии.

в) Обращение иностранных банкнот во Франции незначительно. Это означает, что французы не продавали своих ценностей за границу, как это делалось в Германии, и не употребляли вырученную за них иностранную валюту в качестве средства обращения. Экономически это равносильно беспроцентному кредиту, выданному за границу, и ослабляет хозяйство страны. Иностранные ценности, правда, покупались на бирже, но точно так же и продавались, смотря по тому, спекулировали ли на повышение или на понижение иностранных валют. Правда, во Франции говорят о сильном бегстве капиталов за границу и называют цифры до нескольких миллиардов. Но, по всей вероятности, здесь дело было во временных спекуляциях в зависимости от движения валютных курсов, а не в окончательном помещении французских капиталов за границей.

В общем можно сказать, что деформация французского хозяйства вследствие обесценения денег произошла далеко не в такой степени, как в Германии. Об'ясняется это, во-первых, тем, что обесценение франка было далеко не так сильно, как обесценение марки; другой, более существенной причиной являются сильные колебания в движении курса франка. Вследствие менее резкого характера деформации французского хозяйства в период инфляции стабилизационный кризис, по всем вероятиям, проявится во Франции в более мягких формах, чем в Германии.

Стабилизационный кризис во Франции.

Надо полагать, что стабилизационный кризис во Франции будет отличаться от германского в следующих пунктах:

а) Так как во Франции циркулирующая денежная масса имеет в настоящее время такую же ценность в золоте, как до войны, и вследствие этого скорость обращения лишь немного превышает довоенную, то после стабилизации не произойдет внезапного замедления скорости обращения денег, и, как результат этого, не будет ощущаться недостаток капитала в денежной форме. Как это замедление, так и этот недостаток имели место при стабилизационном кризисе в Германии. Не наступит также массовых крахов предприятий.

б) Как видно из вышеприведенной таблицы, ввоз сырья во Францию превышал в последние годы довоенный. Поэтому, вступая в период стабилизации, Франция не лишена товарных запасов, как это было в Германии. Ничего не слышно также о недостатке фабрикатов, о хвостах перед магазинами. Поэтому во Франции не произойдет также того скачкообразного увеличения ввоза, который имел место в Германии.

в) Так как во Франции нет концернов инфляционного характера, здесь не будет также иметь место та грандиозная перегруппировка капиталистических предприятий (ликвидация инфляционных концернов, которую мы наблюдали в Германии).

г) Во Франции циркуляция иностранных банкнот незначительна; в частных руках находится также гораздо меньше иностранных валют и ценностей, чем в Германии. Поэтому Франция, в отличие от Германии, не имеет скрытого резерва иностранных платежных средств. Германия использовала этот резерв для покрытия громадного дефицита в балансе своей внешней торговли в начале стабилизационного кризиса. В отличие от Германии Франция должна считаться также с тем, что за границей имеется еще довольно много французских банкнот [1]), которые вернутся во Францию после стабилизации и окажут давление на ее платежный баланс.

Надо полагать, что хроническая массовая безработица не примет во Франции таких размеров, как в Германии. Во Франции имеется большое число иностранных рабочих, им придется довольно быстро оставить страну—этот процесс уже начался. Кроме того, часть французских рабочих, перешедших в последние годы от сельского хозяйства к промышленности, снова вернется в деревню, как только будут ликвидированы «ножницы» и, вместе с этим, увеличится спрос на рабочую силу в деревне. 1 января 1927 г. снова введены были во Франции аграрные пошлины. Это ускорит ликвидацию «ножниц».

Мы резюмируем: стабилизационный кризис во Франции не окажет такого коренного и глубокого влияния на ее народное хозяйство, как это было в Германии. Зато стабилизация угрожает Франции другой опасностью—пассивностью ее платежного баланса. Это неминуемо, если французская буржуазия не откажется от системы «национальной стабилизации», т.-е. проведения стабилизации без помощи заграницы, без иностранных займов, без ратификации Вашингтонского соглашения. При малейших внешних затруднениях, эта стабилизация точно так же разобьется вдребезги, как аналогичные попытки польской и бельгийской буржуазии.

Проблемы стабилизации во Франции.

Как мы уже указывали, во внутреннем хозяйстве Франции имеются предпосылки для стабилизации валюты.

а) В области государственного хозяйства достигнуто состояние равновесия. Быть может, окажется еще дефицит, но он ни в коем случае не будет столь значителен, чтобы мог оказаться опасным для устойчивости валюты. Правда, вследствие повышения курса франка сильно увеличилось бремя внутреннего государственного долга. Если принять внутренний государственный долг Франции в 300 миллиардов бумажных франков, то это равняется 60 миллиардам золотых франков, тогда как внутренний долг Франции до войны составлял 33 миллиарда золотых фран-

[1]) Моультон полагает, что число их составляло к концу 1924 г. 10 миллиардов франков (Moulton and Lewis —«The French Debt Problem». New-York, 1925, стр. 35).

нов. Но мы должны также принять во внимание понижение покупательной силы золота; в переводе на довоенную ценность золота нынешний государственный долг Франции составляет 45 миллиардов золотых франков. В виду более высокого уровня процента, бремя процентов по внутреннему долгу, надо полагать превышает цифру довоенного времени приблизительно вдвое. Соответственно должны быть увеличены налоги [1]). Это должно лечь тяжелым бременем на народное хозяйство Франции. Разумеется, не в том смысле, как это понимают буржуазные вульгарные экономисты; они считают, что высокие налоги уменьшают покупательную способность населения и сокращают внутренний рынок. Это явная нелепица. Взимание налогов для уплаты процентов по внутреннему государственному долгу означает непосредственно только новое распределение части ценности ежегодной продукции страны. Те деньги, которые отнимаются у одних граждан в виде налогов, поступают к другим в виде процентов по государственному долгу. (Мы предполагаем здесь, что французские государственные бумаги не находятся в руках иностранцев; это приблизительно соответствует истине). Общая покупательная способность населения не испытывает при этом новом распределении ни малейшего *непосредственного* сокращения.

Мы подчеркиваем: непосредственного! Косвенно большой размер государственного долга действует в направлении сокращения ежегодной продукции всего населения (в ценностном выражении). Бумаги государственного долга дают владельцам их перевод на часть продукции страны, соответствующую сумме процентов. Чем выше эта сумма, тем больше людей имеют возможность жить, не работая. Это означает при всех прочих равных условиях сокращение работающей части населения, следовательно, также сокращение ежегодной продукции страны в ценностном выражении. По этой причине, для Франции не допустима ревалоризация франка, т. е. доведение курса франка до паритета с золотом,—этим лозунгом играют теперь во Франции правые партии. В самом деле, проценты по внутреннему долгу создали бы и таком случае колоссальную ренту и чрезвычайно многочисленный класс непроизводительных рантье; эти условия были бы невыносимы для страны. Уже нынешний курс франка (122 франка за 1 фунт стерлингов), возможно, является с этой точки зрения слишком высоким [2]).

---

[1]) В 1913 г. весь бюджет Франции равнялся 5.072 миллионам франков Из них 1.355 миллионов приходилось на проценты по государственному долгу В настоящее время нормальный бюджет составляет 39.000 миллионов, или около 8 миллиардов золотых франков. Если принять во внимание уменьшение покупательной силы золота и присоединение Эльзаса и Лотарингии, мы получаем лишь незначительное превышение довоенных цифр. На проценты по государственным долгам приходится в настоящее время около 16.500 миллионов бумажных франков или 5.500 млн. золотых франков; а довоенных золотых франках это составит около 4.000 миллионов. Итак, мы имеем тройную довоенную цифру. Кроме того, «амортизационная касса» имеет ежегодный доход приблизительно в 8 миллиардов; источником его, помимо репараций, тоже являются налоги.

[2]) Разумеется, высота стабилизационного курса является вопросом классовых отношений. Непосредственно буржуазия заинтересована в низком стабилизационном курсе, но ее политические интересы говорят против этого, поскольку они требуют удержать за буржуазией широкие массы крестьянства и мещанства. Экономически крупная буржуазия, поскольку она не обладает

б) В течение последнего полугода количество банкнот в обращении падает, потому что потребности обращения покрыты обращающейся денежной массой. В случае стабилизации Франции не угрожает новое инфляционное увеличение банкнотного обращения.

в) Банкнотное обращение составляет во Франции приблизительно 10 миллиардов золотых франков; золотой запас эмиссионного банка равняется 3,68 млрд. золотых франков, а вместе с суммой, депонированной в Английском банке (впрочем, возвращение ее весьма сомнительно)—5,8 млрд.

Такое покрытие должно удовлетворить тех, которые видят гарантию устойчивости валюты в золотом покрытии.

Возможной опасностью продолжает оставаться большое количество краткосрочных текущих долгов. Можно считать вероятным, что стабилизация поведет к сокращению кредитов эмиссионного банка частным капиталистам и вообще к уменьшению средств обращения; в таком случае возможно, что к платежу будет представлено больше бонов, чем предусмотрено в схеме амортизационной кассы. При таких обстоятельствах государственная касса вынуждена была бы снова прибегать к займу у эмиссионного банка, другими словами, к инфляции. Однако, мы не усматриваем и в этом серьезной опасности для стабилизации.

Рассмотрим теперь, грозит ли стабилизации опасность со стороны платежного баланса Франции.

Платежный баланс Франции.

В довоенное время платежный баланс Франции, по вычислениям Моультона [1]), представлял следующую картину (цифры даны нетто):

В миллионах золотых франков.

1909/13	Дефицит (пассив) внешней торговли		1.456
	Доход от капиталов, помещенных за границей [2]) .	1.805	
	Доходы от судоходства	215	
	» » туристов	625	
	» » международн. торговли, комиссион. . .	150	2.795
	Излишек дохода, могущий быть помещенным за границей		1.339

К аналогичным результатам приходят также Мейналь [3]) и др. Гораздо труднее установить нынешний платежный баланс

государственными бумагами, а имеет твердопроцентные долги, заинтересована в низком стабилизационном курсе. Владельцы государственных займов, крестьяне и мелкие буржуа, широкие круги избирателей заинтересованы в высоком стабилизационном курсе. Буржуазное правительство колеблется между этими противоречащими интересами, так как на выборах зависит от голосов этих кругов.

[1]) «The French Debt Problem», стр. 16.

[2]) Моультон принимает цифру иностранных инвестиций французского капитала до войны в 45 миллиардов франков (из них 11,8 миллиарда в России), а цифру иностранных инвестиций во Франции или во французских ценностях—в 3,5 миллиарда.

[3]) «Créances et Dettes Internationales», Paris, 1926 г., стр. 87.

Франции, так как почти все составные части его находятся под сомнением. Благодаря сильным колебаниям курса, цифры внешней торговли весьма не точны и имеют тенденцию к преуменьшению пассива, так как импортируемые ценности декларируются импортерами, которые заинтересованы в том, чтобы заявки были ниже—в таком случае и пошлина платилась по более низкому коэффициенту [1]). Трудно поддаются оценке доходы от репараций и расходы по уплате процентов и погашения по межсоюзным долгам. Точно так же трудно определить цифру французских инвестиций за границей (бегство капитала) и помещений иностранного капитала во Франции (в домах, имениях и т. д.) [2]).

В нижеследующем мы принимаем, что доходы Франции от репараций после консолидирования ее долгов Англии и Америке будут уходить на уплату процентов и погашения межсоюзнических долгов; или останется только незначительный остаток [3]). Сгруппировав в этом смысле цифры Мейналя за 1924 г., мы приходим к следующему результату:

	В миллионах франков		В переводе на золот. франки	
Излишек экспорта Франции	1.300		260	
» » колоний		1.800		360
Доход от туристов	4.800		960	
» » инвестиций за границ.	2.500		500	
» » судоходства	1.500		300	
Проценты от частн. займов и т. д. . . .		200		40
Денежн. посылки иностр. рабочих		1.000		200
	10.100	3.000	2.020	600
Излишек	7.100		1.420	

Таким образом, получается следующий замечательный результат. В 1924 г. Франция имела в своем распоряжении 1.400 миллионов золотых франков для помещения капитала за границей или для выкупа своих иностранных долгов—точно столько же, сколько до войны! (Если засчитать платежи по репарациям, то получается еще более значительная сумма). Этот блестящий результат получается, несмотря на то, что от довоенных помещений французского капитала за границей осталась только небольшая часть.

Моультон тоже приходит к тому результату, что в 1924 г. Франция имела активный платежный баланс в размере 6,6 миллиардов бумажных франков, т.-е. 1.320 миллионов золотых франков. При этом не засчитаны репарации и проценты по военным долгам Франции.

---

[1]) Моультон, стр. 317 и др.

[2]) Мейналь в цитированном труде очень подробно останавливается на платежном балансе Франции (стр. 83—149). Однако, изложение его довольно путанное, и, в конце концов, читатель остается в недоумении относительно выводов.

[3]) При полной уплате предусматриваемых 2.000 млн. марок репараций Франция должна будет получать около 1.300 млн. марок в год, а платежи ее составят: Америке 130 млн. долл. = 550 млн. марок; Англии 12,5 млн. ф. ст. = 250 млн. марок.

Все подобные подсчеты содержат большие источники ошибок. Так или иначе, повидимому, устойчивости французской валюты не грозит опасность также со стороны платежного баланса, в особенности если будут ратифицированы межсоюзнические долги,—что рано или поздно, несомненно, наступит,—и если представляется возможность покрывать преходящие дефициты платежного баланса иностранными займами.

Франция в период стабилизации.

В период стабилизации Франция вступает в полосу новых экономических и социальных отношений. При этом должно решиться, будет ли французский капитализм в состоянии конкурировать с другими странами также при условии устойчивой валюты. Не следует забывать, что послевоенная индустриализация Франции происходила в обстановке чрезвычайно благоприятной для французских капиталистов, при медленном обесценении французской валюты.

С наступлением стабилизации должны прекратиться те выгоды, которые французская буржуазия извлекала из разницы между ценой производства и ценой воспроизводства [1]), между внутренней и внешней покупательной силой франка [2]). Итак французской промышленности придется конкурировать на мировом рынке при равных валютных условиях. Лишь тогда решится

---

[1]) При медленно падающей валюте мелкие торговцы и ремесленники продают свои товары всегда по производственной цене, т.-е. по цене издержек плюс средняя прибыль; эти цены разумеются в номинальных денежных единицах. Но вследствие происшедшего тем временем обесценения денег они выручают фактически меньше той суммы, которую им приходится тратить при дальнейших закупках, т.-е. при воспроизводстве. Отсюда незаметное, но неизбежное обеднение этих слоев при инфляции.

[2]) Нижеследующая таблица показывает разницу между внутренней и внешней покупательной силой франка. Она составлена по французским и американским индексам оптовых цен. Измерять внешнюю покупательную силу франка по валютным курсам, конечно, было бы неправильно, так как при этом не принимается во внимание падение ценности золота на мировом рынке.

	Индекс оптовых цен во Франции [1])	Внутренняя покупательная сила франка [2])	Нью-йорк. курс франка в центах [3])	Индекс оптовых цен в Соедин. Штатах [4])	Внешняя покупательная сила франка [5])
1913	100	100	19,3	100	100
1919	357	28	13,7	206	35,2
1920	510	20	7,0	226	11,0
1921	345	29	7,5	147	26,5
1922	327	31	8,2	149	28,8
1923	419	24	6,1	154	20,8
1924	489	21	5,2	150	17,3
1925	550	18	4,7	159	15,1
1926 дек.	641	15,6	4,0	150	13,9

[1]) Ежегодник. [2]) Вычислено на базисе индекса оптовых цен. [3]) Survey of Current Business. [4]) Departement of Labour. [5]) Вычислено на базисе нью-йоркского курса и индекса оптовых цен в Соед. Штатах.

вопрос: устранены ли те минусы в смысле районирования, которые обусловили отсталость французской промышленности в довоенное время, устранены ли они прогрессом техники за последние 18 лет? Впрочем, если даже эти минусы уравновешены, французская промышленность будет теперь делить судьбу германской и английской: *ей точно так же придется бороться с противоречием между возможностями производства и возможностями сбыта*. На положение французской промышленности будут оказывать неблагоприятное влияние следующие факторы: низкая цифра народонаселения и проистекающее отсюда снижение емкости внутреннего рынка; ухудшение положения сельского хозяйства; увеличение налогов для поддержания «великодержавного» положения Франции.

Необходимо также принять во внимание, что Франция потеряла значительную часть своих доходов из помещения ее капиталов за границей [1]).

По нашим подсчетам доход от фиктивного капитала в довоенной Франции давал около 70 миллиардов золотых франков внутренней ренты. $^4/_5$ этого дохода теперь потеряны. Эта потеря облегчает положение промышленного капитала, ему приходится платить гораздо меньше процентов. С другой стороны, она означает большой сдвиг в покупательной способности различных слоев населения сравнительно с довоенным временем.

Чтобы иметь возможность конкурировать на мировом рынке, французской буржуазии придется в ближайшем будущем перейти к широкому наступлению на заработную плату и восьмичасовой рабочий день французского рабочего класса. Ибо в настоящее время издержки производства промышленных товаров стоят во Франции выше цен мирового рынка [2]). Это наступление французской буржуазии облегчается наступившим уже стабилизационным кризисом и безработицей. В первые недели 1927 года число получающих вспомоществование безработных скачкообразно росло, оно за неделю удваивалось и достигло уже цифры 48.000; фактически число всех безработных, вероятно, составляет уже от 100 до 200 тысяч. Началось также обратное движение иностранных рабочих из страны.

---

[1]) По подсчету Моультона («The French Debt Problem», стр. 126.) Франция потеряла—от экспроприации или инфляции—следующие капиталы, помещенные за границей:

	В миллиардах франков
В России	21
» Австро-Венгрии . .	3
» Турции	2
» Германии	1
На Балканах	3
	30

6—7 миллиардов были проданы во время войны за границу; 3 миллиарда приносят лишь незначительный доход, вследствие обесценения валюты.

[2]) Для высоты внутренних французских цен показательны следующие данные «Usine» (L'information Financière, 4. I. 1927). Одна французская фирма отклонила предложение французского завода (150 фр. за 100 кгр.) и отдала заказ в Бельгию. Бельгийскому фабриканту приходится платить за 100 кгр. фрахт в 12 франков и пошлину в 34 франка. Следовательно, он получил менее 104 французских франков за 100 кгр.

Однако, французская буржуазия натолкнется на сильное сопротивление французского пролетариата. Ибо положение французского пролетариата весьма значительно отличается от положения германского пролетариата в начале стабилизационного периода. Бурное обесценение марки в 1923 г. свело реальную заработную плату германских рабочих до минимума. За один день заработная плата германского рабочего теряла половину своей покупательной силы. Рабочие голодали и бедствовали. Стабилизация означала для германских рабочих, даже при условии удлинения рабочего дня и большой безработицы, значительное улучшение реального стандарта жизни. Иначе обстоит теперь дело с французскими рабочими; их заработная плата в настоящее время приблизительно равна довоенной. Во Франции наступление капитала будет означать непосредственное ухудшение положения рабочих. Сравнительно мирный период классовой борьбы окончился также для Франции. Если в ближайшем будущем здесь и не наступит остро революционная ситуация, то во всяком случае надо ожидать здесь с несомненностью грандиозных экономических конфликтов на почве борьбы за заработную плату и обороны пролетариата против наступления капитала. В этой новой ситуации французская коммунистическая партия должна будет оказаться на высоте с помощью правильной профсоюзной работы и искусной политики единого фронта.

Степанов.

Французский капитализм и ФКП.

(По поводу статьи тов. Варги).

Народное хозяйство Франции вступило, примерно, с осени прошлого года в полосу кризиса, названного, впрочем совершенно неправильно, «стабилизационным» или «дефляционным» кризисом. Пока-что кризис коснулся, главным образом, промышленности, хотя и не всех ее отраслей. Хотя этот кризис сразу прервал повышательную тенденцию, имевшую место за последние годы, промышленного под'ема, достигшего почти степени максимального использования производительных возможностей, тем не менее он не принял и не принимает резко катастрофического характера. Кризис этот—ползучий, затяжной. Одно из его внешних наиболее ярких проявлений—это безработица во Франции.

Безработица выступила на фоне французской экономической жизни, как зловещий признак новой полосы ее развития. Контраст «сегодняшнего дня» с «вчерашним» разительный: «вчера», т.-е. с 1921 г. по осень 1926 г.—недостаток рабочих рук и массовый ввоз во Францию иностранных рабочих; «сегодня»—массовая безработица.

А сверх того финансовый кризис Франции далеко еще не изжит. Франк еще не стабилизирован. Если к инфляционным методам стараются больше не прибегать, хотя никто не застрахован от возможных возвратов к этим методам, зато систематически практикуется метод заграничных явных или косвенных государственных займов.

Возникает вопрос: является ли сегодняшнее положение только простым и прямым продолжением финансового кризиса, на котором мы должны концентрировать наше внимание, а все остальное рассматривать, как производные явления более или менее второстепенного, подчиненного характера? Или, наоборот, перед нами выступает, занимая центральное место, другое явление, другая проблема—промышленный кризис? По нашему, промышленный кризис является сейчас характерной особенностью положения во Франции, главной, центральной проблемой капитализма во Франции. Все глубокие причины, которые обусловили финансовый кризис во Франции, которые обусловливали инфляцию, продолжают свое дело, порождают уже глубокие пертурбации во всей экономике Франции.

Промышленный кризис во Франции не находится в непосредственной причинной преемственности с политикой «стабилизации» франка или с «дефляцией»; что касается хронологической последовательности ряда явлений, то она еще не означает непосредственной причинной зависимости.

Теперешний кризис во Франции еще не выявил всех своих сторон. Он скрывает в себе, так сказать, в потенциальном состоянии целый ряд событий и немало серьезных проблем, многие из которых невозможно учесть заранее. Он вызывает и будет дальше вызывать не только сокращение производства и потребления, банкротство одних, обогащение для крупных капиталистов и жестокие лишения для трудящихся, но и гальванизирует также столкновение противоречивых интересов различных групп буржуазии, обостряет классовую борьбу вообще и ожесточенность борьбы между предпринимателями и рабочими в частности. Содержание, проявление и формы борьбы между пролетариатом и капиталистами носят уже другой характер, потому что меняются самые условия борьбы.

Исследовать положение во Франции, дать его правильную оценку и, следовательно, ухватить ближайшие перспективы развития—задача совершенно неотложная и необходимая. Этой именно задаче и посвящена статья тов. Варги.

Однако, нужно теперь же сказать, что статья тов. Варги рисует теперешнее положение во Франции в таком виде, который, нам кажется, не соответствует действительности.

Прежде, чем подойти к рассмотрению статьи по существу, отметим, что невольно напрашиваются некоторые замечания по поводу странного подхода, с каким тов. Варга исследует «проблемы капитализма» во Франции. В самом начале своей статьи Варга выдвигает перед нами ряд положений, впрочем, совершенно верных, смысл которых, однако, может быть резюмирован в итоге, как простое констатирование того факта, что во Франции не было гражданской войны со времени Парижской Коммуны и что нет еще победы диктатуры пролетариата. Чтобы доказать правильность этого утверждения, а отчасти, чтобы его об'яснить, Варга формулирует другие положения, уже весьма спорные, а именно:

1) «В послевоенной Франции капиталистический строй ни разу не подвергался серьезным потрясениям».

2) «В послевоенной Франции не было ни таких массовых движений на экономической почве, как стачка английских горняков, ни таких политических боев, как в Италии, Венгрии, Болгарии и т. д.».

3) Имела место «сравнительно незначительная интенсивность классовой борьбы».

Эти три положения тов. Варга не попробовал доказать, но на основе этих предпосылок, он продолжает:

«Отсюда можно сделать тот вывод, что положение капитализма во Франции было до сих пор и остается в настоящее время лучшим, чем обыкновенно принято думать».

Так говорит тов. Варга. А данные, даже те, которые он приводит, наводят на размышления противоположного порядка. Переоценка стабильности французского капитализма сквозит через всю статью тов. Варги. Идет ли речь, например, о безработице, Варга пишет:

«Французский капитализм имеет возможность преодолеть или смягчить безработицу во время стабилизационного кризиса, освободившись от этих иностранных рабочих».

Или же, когда речь идет о материальном уровне жизни рабочих во Франции, тов. Варга пишет, что

«все признаки говорят о том смысле, что положение рабочих в общем не было хуже, чем в довоенное время»...

Или же, что во Франции мы

«наблюдаем увеличение массового потребления пищевых продуктов и одежды».

В таком же свете представлены в изложении тов. Варги возможности французского капитализма по отношению к финансовому кризису. Так же, приблизительно, рисует он перспективы развития французской промышленности. Второй недостаток в анализе тов. Варги заключается в том, что он, как бы не принимает в расчет значения зависимости народного хозяйства Франции от мирового хозяйства и его органических недугов.

И, наконец,—и это очень важно—наиболее значительная и наиболее актуальная центральная проблема,—промышленный кризис,—рассматривается просто как «стабилизационный» кризис, как кризис, который об'ясняется целиком финансовой политикой Пуанкаре, начиная с осени прошлого года, и который мог бы быть изжит при более подходящей финансовой политике того же самого Пуанкаре.

I. Характер промышленного кризиса во Франции.

Кризис, переживаемый теперь народным хозяйством Франции и, в частности, промышленностью, не на много отличается от кризиса Германии, Италии, Англии и др. капиталистических стран европейского континента. Мы имеем не специфическое французское явление, которое знало и еще знает большинство других стран, и которое лишь несколько месяцев назад началось также во Франции. Конечно, экономические, политические, социальные и даже исторические особенности этих стран оказывают влияние на степень остроты, на формы проявления, на последствия, а также и на продолжительность кризиса в каждой из этих стран. Но ни эти особенности, которых никто не отрицает, ни их значение не должны нам помешать, однако же, видеть общее происхождение и общий характер кризиса, который раз'едает одновременно или попеременно капиталистические страны Европы.

Нельзя понять настоящего положения во Франции, понять значения социально-политических проблем и вопросов, которые оно порождает, если мы оторвем французское хозяйство от мирового, если мы разорвем органические, жизненные, сложные связи его с мировым хозяйством со всеми его противоречиями.

Во Франции мы имеем сейчас все симптомы «анормального» кризиса «неустойчивой стабилизации» капитализма в европейских государствах. Как и в других капиталистических странах, он происходит во Франции от углубления диспропорции между сильно возросшей производительной способностью промышленности и уменьшившимися возможностями сбыта. Оба процесса являются, как известно, следствием войны и послевоенных пертурбаций. Проблема сбыта является остро стоящей проблемой для французской промышленности. «Стабилизация франка», «финансовая реформа», таможенная политика, вопросы о внешних долгах и вообще вся внутренняя и внешняя экономическая политика правительств французской буржуазии,—над всеми этими проблемами господствует теперь и будет еще долго господствовать центральный вопрос о рынках сбыта для французской промышленности. До сих пор, начиная с 1919 г., проблема рынков сбыта стояла остро для тяжелой металлургии, в частности—для лотарингской металлургии. Теперь она не менее остро стоит также и для металлообрабатывающей промышленности (в особенности для электрической и автомобильной), для текстильной, химической и некоторых других отраслей. С опозданием на несколько лет, точнее на время восстановительных работ разрушенных областей, французская промышленность толкается в об'ятия хронического, глубоко органического, «анормального», хотя и некатастрофического кризиса, в котором запутались другие капиталистические государства Европы.

Систематический упадок сельского хозяйства Франции, который тов. Варга иллюстрирует очень интересными статистическими данными и сильный под'ем промышленности углубили контраст между последней и сельским хозяйством. Разрушено прежнее относительное «равновесие» между этими двумя отраслями народного хозяйства. Вместо него—гегемония крупной индустрии. В условиях этой гегемонии идет почти насильственное, ускоренное внедрение капиталистических способов производства в само сельское хозяйство. От этого последнего требуется производство сырья для промышленности или производство пищевых продуктов для массового внутреннего потребления. Но французское сельское хозяйство стремится, как это ни противоречит растущим нуждам внутреннего потребления и, следовательно, потребностям экспортной промышленности, проникнуть на мировой рынок. Эту сторону проблемы нужно подчеркнуть, потому что она является основой антагонизмов и растущих столкновений между землевладельцами и промышленниками по поводу таможенной политики, товарных цен, рабочей силы, фискальной политики и т. д. Промышленники-экспортеры стремятся помешать французским земледельцам интересоваться мировым рынком. В прессе ведется систематическая пропаганда в этом направлении. В ее основе, конечно, лежит все тот же проклятый вопрос: как закрепить внутри страны такие жизненные условия —низкий уровень—чтобы увеличить свою конкурентоспособность на внешних рынках:

«Проблема, как видно,—пишет «Ежедневный Бюллетень»[1]) (орган комитета тяжелой промышленности) от 24/II 1927 года,—есть проблема производства и проблема сбыта; проблема производства в отношении сельскохозяйственных продуктов и сырья; проблема рынков сбыта для нашей промышленности в целом».

Инспирируемые комитетом тяжелой промышленности органы ведут систематическую пропаганду, направленную к тому, чтобы доказать тщетность попыток ориентировать сельское хозяйство на международный рынок. Французские земледельцы должны оставаться во Франции и производить только для нужд французской промышленности и для внутреннего потребления во Франции—вот что советуют им промышленники.

Проблема рынков сбыта для промышленности стала за последнее время притчей во языцех у французских буржуазных экономистов, министров и т. д. Чтобы ясно отдать себе отчет о господствующих настроениях в их среде, интересно будет при-

[1]) «Bulletin Quotidien de la Société d'Etudes et d'Informations Economiques».

вести несколько выдержек из некоторых их писаний или речей.

Вот, например, как «Журналь де Деба» от 24/I—27 г. передает своим читателям речь министра торговли Бокановского, говорившего о будущем таможенном тарифе Франции:

«Бокановский не поколебался признать, что, создавая новые орудия производства, наши промышленники создали чрезмерное увеличение, гипертрофию некоторых отраслей национальной индустрии. Наши промышленные производительные силы превышают теперь наши возможности внутреннего потребления и наши способности сбыта на мировом рынке. При этих условиях он предлагает лучше сократить ввоз сырья и пищевых продуктов, чем перегибать палку по линии сверхиндустриализма».

Очень интересна в этом отношении статья D. Serruys'a в «Реформ Экономик» от 5/I—27 г., под названием «Международная экономическая конференция 1927 года». Serruys пишет:

«Среди этих расстройств наиболее значительным являлось почти общее уменьшение покупательной способности в тот момент, когда условия производства значительно ухудшились... Наиболее ощутимым результатом попыток создания совершенно независимых национальных хозяйств часто является ужасная диспропорция между искусственно увеличенным ростом орудий производства Европы соответственно возросшим вложениям капиталов, с одной стороны, и, с другой,—замедляющимся производством в Европе, которое не в состоянии обеспечить этим инвестированным капиталам достаточную прибыль».

Далее Serruys подчеркивает контраст между «сверхиндустриализмом», с одной стороны, и упадком земледелия—с другой.

Не менее интересно, наконец, привести мнение «Комитета тяжелой металлургии» (Comité des Forges) о настоящем положении. Ламбер Рибо, делегат «Комитета тяжелой металлургии», прочел недавно (16/I—27) доклад в Лилле на собрании промышленников Севера. Что сказал этот Magister dixit крупного капитала? А вот что:

«Война произвела сильные изменения не только в самом положении металлопромышленности, но, быть может, еще большие—в ее возможностях сбыта. Достаточно вспомнить уменьшение покупательной способности, происходящее от общего обеднения, потрясение крупных импортирующих стран, как Россия, Восток, Дальний Восток, появление новых производителей и т. д. Напротив, военные нужды значительно увеличили средства производства. В результате получилась некоторая диспропорция между возможностями производства и возможностями сбыта, тем более, что территориальные изменения неизбежно нарушили направление обмена».

Мы бы могли привести большое количество аналогичных выдержек из выступлений многих других промышленников, банкиров, французских буржуазных политиков и публицистов. Ограничимся этим. Ясно и без того, что представители крупного капитала отдают себе отчет в происхождении и характере настоящего кризиса.

Имеют ли капиталисты Франции возможность выйти из затруднительного положения, обладают ли они материальными возможностями, финансовыми и политическими, чтобы преодолеть кризис? Эта проблема заслуживает более серьезного рассмотрения. Но прежде, чем ответить на этот вопрос, нужно вкратце рассмотреть особенности некоторых происшедших изменений в народном хозяйстве теперешней Франции.

II. Производительные способности промышленности и перспективы их использования.

В своей статье тов. Варга дал нам достаточно цифр по поводу роста технической мощности, орудий производства промышленных предприятий Франции. Мы хотим прибавить несколько дополнительных данных относительно некоторых типичных изменений.

Металлургия. Производственная мощность чугунных и сталелитейных заводов возросла, приблизительно, на 200%, по сравнению с производственной мощностью в 1913 году. Однако, наличное производство, даже в момент наиболее лихорадочной деятельности, не достигает уровня полной нагрузки этой производственной способности.

В 1913 году было в действии 146 домн. В 1927 году, несмотря на приобретение Лотарингии, работало едва столько же, сколько и в 1913 г. (в феврале—147 домн). А между тем известно, что в металлические предприятия вложено добавочно более одного миллиарда золотых франков.

С другой стороны, надо принять во внимание, что лотарингское металлургическое производство представляет теперь почти всю вывозную металлургию Франции. Как и чехо-словацкая металлургия, когда-то развивавшаяся на основе внутреннего рынка, лотарингская металлургия также развивалась не только потому, что снабжалась вестфальским коксом, но особенно, благодаря широким возможностям поглощения ее продукции внутренним рынком Германии. С 1925 года немецкий рынок не позволяет проникать в него ни лотарингским, ни саарским продуктам. Вот в чем затруднение. Тов. Варга подчеркивает, что вопрос о коксе был решающим при аккупации Рура французами в 1923 году. Все данные показывают, однако, что причиной оккупации Рура была, главным образом, проблема сбыта продукции тяжелой металлургии. В своем обозрении, которое в свое время произвело большой скандал в «Комитете тяжелой металлургии», Франсис Делези («Манчестер Гардиен Коммершал». Май 1923 г.) об'яснял именно так причину оккупации Рура:

«Затруднение не в коксе, а в рынке,—говорил он.—Этот факт пресса в общем недоучитывала. Если вопросом соперничества между двумя конкурирующими группами промышленности являлся вопрос о топливе, то он мог бы быть решен довольно легко путем обмена кокса на руду. Но подобная сделка могла бы иметь гибельные последствия для Франции, если бы не был одновременно заключен соответствующий договор о рынке, и в этом суть».

Это совершенно верно. И сегодня так же, как и тогда, несмотря на стальной европейский картель, проблема рынков сбыта французской металлургии остается не менее жгучей.

Когда Ламбер Рибо обращает свой опечаленный взгляд на Россию, на Восток и на Дальний Восток, то это вовсе не потому, что он огорчен бедностью населения этих стран, но единственно потому, что он не видит выхода из тупика, в который зашли капиталистические и сверхиндустриальные государства Европы, включая Францию.

Металлообрабатывающая промышленность сделала также сильные скачки вперед. Вся продукция металлопромышленности в 1913 году оценивалась, приблизительно, в 300—350 милл. фр., а в 1925 году в 600—700 милл. золотых фр., т.-е. вдвое больше довоенной. Производство электротехнических изделий в 3 раза больше довоенного, изделий механической промышленности увеличилось в $2\frac{1}{2}$ раза и т. д. Между тем сбыт металлообрабатывающей промышленности за границу: в Испанию, Италию, Голландию, на Балканы, в Англию и т. д. беспрерывно сокращается, а в то же самое время, по словам «Usine», «перепотребление» внутреннего рынка, т.-е. факт перепроизводства, «продолжается уже более 5-ти месяцев».

Особенно критическое положение мы имеем в автомобильной промышленности. Надо хорошо понять, что это значит: французская автомобильная промышленность стоит на первом месте в Европе и на втором после Соединенных Штатов в мировом масштабе. Наиболее могущественные автомобильные фирмы, в виду затруднений рынка, принуждены строить заводы в Англии, Германии, Италии и даже в Японии.

Нет надобности останавливаться здесь на изменениях, происшедших в текстильной промышленности и ряде других отраслей промышленности. У тов. Варги можно найти интересные данные.

Для строительной промышленности характерен Париж, где мы имеем возрастание нежилых построек, промышленных и торговых, и огромное уменьшение роста жилых построек.

III. Сокращение емкости внутреннего рынка.

Восстановление разрушенных областей чаще всего рассматривается с точки зрения роста производственной мощи промышленности. Но при рассмотрении перспектив развития капиталистической экономики во Франции часто забывают, что в течение приблизительно 7-ми лет это восстановление являлось огромным рынком сбыта. Этого рынка сбыта добивались американцы, которые сделали Клемансо в свое время соответствующее предложение. Англичане также хотели принять участие в восстановлении. Наконец, немецкие капиталисты и предприниматели предлагали свои услуги. Но все они наткнулись на сопротивление французских промышленников. Работы по восстановлению северных областей представляли временно огромный рост емкости внутреннего рынка. Если бы не было восстановления, французская промышленность должна была бы экспортировать вдвое и даже втрое больше того, что экспортировала в действительности. С того момента, когда северные области перестали быть рынком сбыта, индустриализировались, произошло глубокое расстройство в условиях развития французской промышленности.

Место не позволяет нам подробно останавливаться на множестве других моментов, касающихся уменьшения покупательной способности внутреннего рынка. Перечислим вкратце наиболее важные. Мы имели: передвижение денежных средств широких народных масс и мелкой буржуазии в виде систематических займов в руки крупных капиталистов; обеднение масс вследствие инфляции; оплату англо-американских товаров, оставленных во Франции во время войны; оплату военных издержек в Марокко и Сирии; оплату издержек оккупации Рура; от'езд иностранных туристов (особенно англичан и американцев); уменьшение сбережений крестьян, мелкой буржуазии и служащих; уменьшение сельскохозяйственного производства; упадок деревенского и городского ремесленничества и т. д., и т. д.

IV. Безработица и проблема иностранных рабочих во Франции.

До войны во Франции была постоянная безработица, с числом от 100.000 до 350.000 человек. Чтобы понять, каково может быть теперь положение, надо иметь в виду, что, согласно новой переписи, рабочее население увеличилось с 1921 года на один миллион человек. Если принять во внимание приток иностранных рабочих во Францию, то мы можем сказать, что промышленный пролетариат увеличился с 1921 года более, чем на 2 миллиона человек. В одной из последних своих периодических печатных работ «Общество для экономических исследований и информаций» (при Комитете тяжелой промышленности) исчисляет количество рабочих, занятых только в экспортной промышленности в 1925 году до 4.200.000 (против 2.840.000 в 1911 году). Замедление производственного процесса, промышленный кризис и тенденция сокращения внешней торговли не могли не создать безработицы во Франции. Можно ли предполагать, что безработица может быть ликвидирована в короткий срок, рассосана французским народным хозяйством? Мы этого не думаем. Мы думаем, что впредь нужно считаться с постоянной хронической безработицей во Франции. Подобного же мнения также и французские промышленные сферы. Послушаем, что говорит по этому поводу «Ежедневный Бюллетень» Комитета тяжелой металлургии в своем «Приложении» от 20/II—27 года [1]):

«Каковы же будут во Франции размеры этой безработицы? Этого невозможно заранее предвидеть. Во всяком случае достоверно, что в течение многих лет, она будет чувствительно превышать размеры безработицы последних довоенных лет. А мы видели, что число безработных тогда колебалось между 100.000 и 350.000. Отныне оно также будет колебаться в зависимости от темпа кон'юнктуры экономической жизни, но его кривая начнется с более высокого минимума».

И немного далее в этой статье говорится:

«Более или менее тяжелая безработица, стало быть, неизбежна, независимо от способов проведения стабилизации и денежного оздоровления. Прекращение инфляции не есть причина этой безработицы. Оно нас только приводит к действительности».

Документ продолжает:

«Повторяем еще раз, что дело идет не об изжитии какой-то кратковременной безработицы, а о безработице, которая, как и в большинстве других стран Европы, *угрожает продолжаться несколько лет*».

Из этих выдержек видно, что люди из «Комитета тяжелой металлургии» серьезно считаются с перспективами постоянной безработицы. Как они связывают существование этой безработицы с развитием экспортной промышленности, будет видно из следующих строк:

---

1) «Supplément du Bulletin Quotidien de la S. E. I. E». 20. I. 27.

«Чтобы увеличить потребность в рабочей силе, нужно увеличить потребление продуктов и, прежде всего, экспортное потребление. Следовательно, необходимо расширить внешние рынки и увеличить экспорт. В нормальных условиях до войны экспорт позволял занять работой одну восьмую часть работоспособного населения. Понижение или повышение экспорта только на 10%, по отношению к довоенному уровню, влечет за собой повышение или понижение возможности занятия в производстве около 300.000 рабочих».

В прессе, особенно в прессе мелкой французской буржуазии, ведется кампания за высылку иностранных рабочих из Франции с целью облегчения или прекращения безработицы, но промышленники хорошо понимают трудности, связанные с этим делом.

Неправильная концепция, очень модная теперь во французской буржуазной прессе, как когда-то в Германии, которую, впрочем, к сожалению, разделяют теперь и некоторые коммунисты, заключается в том, что кризис якобы открывает возможность перебросить рабочую силу в сел. хозяйство. «Возврат к земле»,—вот выход из кризиса безработицы, говорят буржуазные газеты. В действительности это не так просто, как думают. Нельзя думать, что французское народное хозяйство это—нечто в роде сообщающихся сосудов, и что может механически происходить прилив и отлив рабочих из одной отрасли в другую. Дело гораздо сложнее. Оно осложняется уже тем простым фактом, что кризис, уменьшая покупательную способность рабочей массы вообще, уменьшает эту способность также и в отношении потребления продукции сельского хозяйства, а это не может не отразиться и на самом сельском хозяйстве.

Когда тов. Варга делает заключение, что французские капиталисты готовы способствовать высылке иностранных рабочих, он рассуждает так, как будто французские капиталисты действуют в целях уменьшения безработицы. В действительности же капиталисты имеют в виду совершенно другое, они не расположены отказываться от эксплоатации иностранных рабочих, они не заинтересованы в высылке иностранных рабочих тем более, что их присутствие во Франции дает им, кроме всего, широкие возможности оказывать давление на французских рабочих, понижать их зарплату и уровень жизни.

V. Уровень жизни французских рабочих, зарплата и интенсивность классовой борьбы.

Первым вопросом, возникающим при исследовании движения зарплаты, является вопрос о том, повышался ли параллельно под'ему промышленности материальный уровень рабочих. До сих пор мы наблюдали быстрый рост и усовершенствование технической мощи промышленности, систематическое увеличение массы действительной продукции, некоторый рост экспорта, усиление связей народного хозяйства Франции с мировым хозяйством. С другой стороны, констатировали уменьшение сельскохозяйственного производства. В то же время уровень реальной зарплаты или был равен довоенному или даже ниже этого уровня. Как же можно в таком случае говорить об улучшении жизни рабочих?

До войны заработная плата рабочих во Франции была ниже, чем в других промышленных странах. С тех пор промышленная

техника сделала большие скачки вперед, а между тем реальная зарплата остается неподвижной, или даже понизилась. Именно здесь, в этом глубоком противоречии между зарплатой и прогрессом промышленного производства, нужно искать об'яснения того факта, что французская продукция могла выступать на мировых рынках. Причину этого нужно искать в низком уровне зарплаты рабочих во Франции.

Что касается метода тов. Варги,—делать вывод насчет повышения уровня жизни рабочих, путем вычисления душевого потребования,—то он не может нам дать верного представления о действительности. Он совершенно затемняет классовое распределение. Поэтому средняя, которую выводит т. Варга, совершенно извращает действительность. Даже Моультон, которого т. Варга любит цитировать, в своей книге подчеркивает то обстоятельство, что потребление во Франции очень неравномерно распределено.

Приведем несколько цифр о зарплате. Вот, например, сравнительная таблица, в золотых марках, зарплаты некоторых категорий рабочих по четырем странам.

Недельная зарплата в августе 1925 года [1].

(В марках по курсу дня).

	Германия (Франкфурт)	Франция	Англия	Швеция
Каменщики	56,16	40,32	82,11	86,40
Квалиф. металлисты.	34,56	37,80	47,43	
Ткачи	22,45	25,52	59,16	41,63
Печатники	48,00	41,83	88,23	84,04
Плотники	45,60	40,32	73,44	86,40

Цифры говорят сами за себя.

Даже согласно официальной статистике Франции, мы имели увеличение дневной зарплаты с октября 1925 по октябрь 1926 г. на 16%. В течение этого времени по тем же данным розничные цены на пищевые продукты увеличились на 38%. В течение всего инфляционного периода движение роста зарплаты систематически отставало от быстрого повышения цен и стоимости жизни.

Кажущееся улучшение материальной жизни рабочих, вводящее некоторых в заблуждение, об'ясняется следующим фактом: семейный бюджет рабочего, вследствие вступления в производство женщин и детей, позволял ему в некоторой степени сводить концы с концами. Приработок женщин и детей дополнял его скудный заработок. Этот факт ускользнул от внимания т. Варги, но факт этот не исключение, а почти общее явление. Что это обозначает? Не что иное, как усиление эксплоатации рабочих. Усиленная эксплоатация при низкой реальной зарплате—вот об'яснение возможности для французских экспортеров продавать свои товары за границей по ценам ниже мировых и ниже довоенных цен Франции. Нужно ли добавлять к этим соображениям еще то, что иностранные рабочие во Франции находились и находятся еще в гораздо худших условиях. Не забудем, что число этих рабочих очень велико; они составляют почти четверть всего пролетариата Франции.

Несколько слов об *экономической борьбе пролетариата во Франции и об интенсивности классовой борьбы*. Отрицать суще-

[1]) „Frankfurter Zeitung“ № 650. 1. IX. 1925.

отвование этой борьбы во Франции в послевоенный период—это значит отрицать факты. Несколько данных легко убедят т. Варгу, что в этом отношении он не имеет достаточных сведений о положении вещей во Франции. Забастовочное движение с 1919 года принимало во Франции широкие размеры, и не раз случалось, что размах его глубоко потрясал экономическую и политическую жизнь Франции. Можно было бы привести статистические данные по месяцам, начиная с 1918 г., но место нам не позволяет здесь этого сделать. Посмотрим, что говорят, по крайней мере, ежегодные статистические данные:

Годы	Число забастовок	Число участников	Количество дней
1918	499	176.187	979.632
1919	2.026	1.150.718	15.478.313
1920	1.831	1.315.859	23.364.635
1921	475	402.377	7.027.070
1922	655	290.326	3.035.493
1923	1.068	330.954	4.172.398

Для годов 1924—25—26 мы не имеем еще круглых годовых цифр, но по месячным цифрам, касающимся только официально зарегистрированных случаев, мы имели в 1924 году минимум в 400.000 бастующих, в 1925 году в 300.000 и в 1926—вероятно, более 500.000. Отметим, что эти цифры относятся исключительно к Франции с ее довоенной территорией: забастовочное движение в Эльзас-Лотарингии не учтено в этой статистике. Заметим, наконец, что забастовки солидарности, как например, забастовка в мае 1920 года, охватившая более миллиона участников, также не вошли в эти статистические данные. Рассматривая забастовки и причины их возникновения их можно классифицировать следующим образом: за увеличение зарплаты—88% в 1919 г.; 86% в 1920 г.; 19,57%—1921 г. (и 53,68% против уменьшения зарплаты); 47,06% в 1922 г. (17,73% против уменьшения зарплаты); 73,73% в 1923 г. (2,63% против уменьшения).

Из-за требования увеличения зарплаты вспыхнуло большинство забастовок в 1924—25—26 гг. Мы бы могли отметить целый ряд массовых забастовок. Можно ли тогда говорить, как это делает тов. Варга, что французский пролетариат не вел крупных боев на экономической почве? Другое дело, что эта борьба не имела большого успеха. Причины сравнительной неуспешности надо искать совершенно не там, где их ищет т. Варга, отрицая самое существование больших классовых битв. Главную причину этого надо искать в отсутствии могущественных и централизованных организаций французского пролетариата. Вторая причина состоит в факте еще сильного морального, политического и парламентского влияния мелкой буржуазии, которой до сих пор всегда удавалось дезорганизовывать движение рабочих и использовать его для своих парламентских целей. В-третьих, наличие во Франции громадного количества иностранных рабочих тормозило успешное ведение этой борьбы.

Приведенные выше факты достаточно ярко говорят о существовании интенсивной классовой борьбы. Если прибавим сюда и политические события, начиная с 1919 г., о которых упоминать здесь подробно было бы излишне, то мы будем иметь картину острых классовых конфликтов и боев. Зачем же это отрицать? Трудно, конечно, полемизировать с тов. Варгой, когда он употребляет такого рода формулировки: «как в Германии», «как в Италии, Венгрии, Болгарии и т. д.». Но как во Франции возможна забастовка *миллиона* горняков, когда там всего только около 300.000 горняков?

Повторяем еще раз. Дело не в отсутствии классовой и забастовочной борьбы,—они были—а в отсутствии соответственных сильных, боеспособных рабочих организаций,—вот причина сравнительно незначительных успехов *сравнительно острой и интенсивной «экономической» и политической борьбы.*

VI. Стабилизация франка, кризис французских финансов и ближайшие перспективы.

В главе, посвященной этому вопросу, тов. Варга указывает на целую серию очень важных и очень интересных моментов. Однако, предмет трактуется преимущественно с точки зрения техники финансовых реформ или мероприятий. Антагонизм интересов между различными группами буржуазии и их роль исчезли в анализе Варги. Однако, эти антагонизмы играют и будут играть колоссальную роль также и в отношении проведения санирования французских финансов. Насколько это верно, видно даже из того, что даже Моультон в своей книге, в конце концов, приходит к заключению, что проблема санирования французских финансов есть проблема классовой борьбы, что ее разрешение усложняется и задерживается классовыми противоречиями. На ряду с этим нужно отметить, что инфляция, содействуя перемещению капиталов и глубоким изменениям в промышленных и торговых предприятиях, несомненно, содействовала также созданию специфических «предприятий инфляции». Явление, прозванное французами «шампиньонами инфляции», относится к искусственно созданным предприятиям, число которых значительно.

С другой стороны, если во Франции нет концернов, на подобие концерна Стиннеса в Германии, то было бы неверно говорить, что вообще во Франции не было концернов инфляции, хотя бы менее крупных. По мере того, как кризис будет продолжаться, будут проявляться и его экономические последствия во Франции. И мы тогда посмотрим. Не исключено даже, что число банкротств во Франции будет очень значительно.

Дальше. Не доказано, что утечка за границу французских капиталов так мала, как это говорит тов. Варга. Наоборот, есть достаточно оснований и данных предполагать, что размеры этих капиталов весьма внушительны.

Совершенно спорным кажется нам также утверждение тов. Варги насчет величины циркулирующих во Франции иностранных ценностей.

И особенно противоречащей действительности кажется нам недооценка тов. Варги величины французских ценностей и имуществ, скупленных иностранцами. Ведь все знают, что тенденция захвата богатств Франции английскими и, в особенности, американскими капиталистами, усиливается, признаки налицо, и данные кое-какие уже имеются.

Не входя в детали и даже не останавливаясь особо на вопросе о теперешнем финансовом положении, посмотрим лучше на нижеприведенную таблицу: она весьма показательна. Цифры данной таблицы выражают *коэффициенты увеличения по срав-*

нению с 1913 годом. Эти цифры приводил депутат *Бедус* 11 февраля в палате депутатов, и никто, ни тогда, ни после, не пробовал сомневаться в их точности:

	Коэффициент увеличения
Розничные цены	6
Оптовые цены	6,5
Налоги в 1926 году	7,7
Налоги в 1927 году	9
Ж.-д. т. транспорт	6,5
Бюджет	8
Бюджет с погашением	9
Циркуляция бумажн. франков	9
Косвенные налоги	10
Общий госуд. долг	14
Текущий долг	90

И вот вывод, к которому приходит депутат Бедус на основании этих цифр:

«Когда, с одной стороны, коэффициенты расходов отмечают увеличение от 6 до 14 раз, а с другой стороны, отпускаемые кредиты дают увеличение в 3 раза, то мне кажется, что при таком положении вещей трудно осуществить равновесие. Каким образом вы хотите иметь здоровую и развивающуюся индустрию, когда налоги, транспорт, долги требуют от 7 до 14 раз больше, чем в 1913 году, тогда как об'ем коммерческих учетов французского банка не превышает $2^1/_2$ и когда кредиты, открываемые банками, едва в 2—3 раза больше, чем в 1914 году?»

Ратификация договоров Франции с Америкой и Англией насчет долгов (ратификация, которая рано или поздно без сомнения будет иметь место), с одной стороны, и открытие заграничных кредитов для французской промышленности, с другой,—эти два момента, значение которых тов. Варга правильно подчеркивает, как необходимое условие осуществления стабилизации, представляют в то же время поворот к еще большему усилению зависимости французской промышленности и французского народного хозяйства от английского и в особенности от американского капиталов. Уже одно это обстоятельство показывает, что конкурентоспособность французской промышленности на мировом рынке будет испытывать большое, систематическое давление. Отметим себе это.

Если к этому добавить целый ряд других моментов, в особенности следующие из них: послевоенные инвестиции французских капиталов в Польшу, Чехо-Словакию, в Венгрию на Балканы и т. д., и т. д., т. е. в страны, где хронический кризис почти не прекращается; высокие налоги во Франции; зависимость значительной части французской промышленности от заграничного сырья (уголь, кокс, нефть, шерсть, хлопок и т. д.); тот немаловажный факт, что главными торговыми клиентами Франции являются Соединенные Штаты, Англия, Германия и Бельгия,—если мы будем все это иметь в виду, тогда нельзя не притти к убеждению, что для французского капитализма открываются не перспективы «блестящих успехов», а перспективы тяжелых испытаний.

Но это не все. Исследователи проблемы французского капитализма забывают почти всегда одну чрезвычайно важную проблему: условия, в которых французский империализм вынужден

бороться против своих конкурентов. В тот самый момент, когда французский империализм создал себе индустриальную базу и располагает огромной колониальной территорией, когда, так сказать, налицо об'ективные предпосылки для беспредельной активности, ему недостает только финансовых средств для развертывания этой активности, и финансовой, человеческой и военно-морской силы отражать все более упорные агрессивные стремления со стороны Соединенных Штатов, Италии, Англии и даже Германии проникнуть в колонии, протектораты и «сферы влияния» Франции. Систематический напор со всех сторон! Едва ли такое положение вещей сулит французскому капитализму возможность «блестяще» преодолевать накопляющиеся трудности.

Наконец, пару слов о «рационализации» французской промышленности. Чересчур много пишется и говорится об этом во Франции. Нельзя, однако, не отметить, насколько преувеличены «надежды» в этом отношении. То, что верно для других больших европейских капиталистических стран, а именно, что капиталистическая рационализация производства способствует не изживанию, а углублению кризиса и тех противоречий, на основе которых он существует, то это еще более верно по отношению к Франции. Едва ли французские капиталисты-промышленники в состоянии теперь проводить рационализацию по линии дальнейшего улучшения технического оборудования промышленности. Это утверждение нельзя понимать в абсолютном смысле. Кое-что делается и будет делаться в этом отношении. Французские капиталисты стремятся, однако, проводить рационализацию только на почве уменьшения зарплаты рабочих и на почве лучшего и более централизованного руководства предприятий. Но даже для проведения централизации необходимы большие капиталы. Несмотря на некатастрофичность настоящего кризиса, трудности постепенно нарастают. Характерное явление данного момента в отношении частных финансов промышленников состоит в широкой тревоге, если не панике, среди промышленников по поводу трудностей найти кредиты. Идет острая, хотя и глухая, борьба между ними и банками. Иностранные банки предлагают кредиты на более выгодных условиях, чем французские банки. Однако, одновременно с этим французские промышленные предприятия попадают все в большую зависимость от «иностранцев».

Это одна сторона перспектив. Другая заключается в том, что на основе возрастания трудностей и пертурбаций в экономической жизни Франции, благодаря углубляющемуся кризису, благодаря особенностям кризиса государственных финансов, а также благодаря чрезвычайно неблагоприятной международной ситуации—возрастать будет ожесточенность классовой борьбы. Данное кризисное состояние обозначает поворот к другому характеру и другому темпу развития французской экономики. И внутри Франции и на внешней арене французским капиталистам предстоит вести отчаяннейшую борьбу. Чем труднее будет им вести борьбу на внешней арене, тем ожесточеннее будут они стараться искать компенсацию в усилении нажима и эксплоатации рабочего класса. Перед нами картина такова: обостряется борьба между различными группами и слоями буржуазии, но еще более обостряется борьба длительная (в ход пущена тактика «изнурения противника») между капиталистами и рабочими. Перед пролетариатом Франции встает с необычайной резкостью вопрос: дать

ли себя задавить и свести на положение пауперизма, на положение европейского цивилизованного кули в тот самый момент, когда веками замученный великий китайский народ ведет революционную борьбу необ'ятного размаха; или же дать энергичнейший отпор натиску капиталистов? От упорного сопротивления и боевой выдержки пролетариев Франции, элементарнейшее условие существования которых находится под реальной угрозой, будет в значительной степени зависеть возможность или невозможность французского капитализма, без особо глубоких потрясений, приспособиться к новому для него периоду хронического, затяжного, кризисного состояния. От поведения рабочих Франции «сегодня» и в текущий год будет много зависеть, какой характер примет переломный фазис французской капиталистической экономики и политики.

О трех основных лозунгах партии по крестьянскому вопросу.

(*Письмо тов. ЯН—СКОГО и ответ тов. СТАЛИНА.*)

Уважаемый тов. Сталин!

Не откажите ответить на нижеследующий, чрезвычайно важный с нашей точки зрения, вопрос.

При проработке аграрного вопроса в курсе «Экономической политики СССР» мы натолкнулись на имеющуюся у Вас неясность в формулировке трех лозунгов Ленина по отношению к крестьянству. Вопрос стоит следующим образом: какому этапу нашей революции соответствует лозунг *«союз со всем крестьянством»* и на каком этапе революции Ленин выдвинул лозунг *«союз пролетариата с деревенской беднотой против всех буржуа, при нейтрализации среднего крестьянства»?*

Этот вопрос, хотя и не имеет в настоящее время практического значения для нашего Союза, все же имеет огромное значение с точки зрения *изучения* стратегии и тактики ВКП(б). Если к этому прибавить то, что целый ряд стран по своей экономике более или менее напоминает экономику до-октябрьской России,—то станет вполне ясной необходимость точной и ясной формулировки указанного вопроса.

В Вашем докладе на XIV с'езде партии Вы следующим образом формулируете «три лозунга Ленина по крестьянскому вопросу»:

«Раньше, когда мы шли к буржуазной революции..., Ленин говорил: союз *со всем* крестьянством против царя и помещиков... Это был первый этап нашей революции.

«Потом, когда мы *подошли ко второму этапу, к Октябрю* (подчеркнуто мною. *Г. Я.*), Ленин дал новый лозунг, соответствующий новой обстановке: союз пролетариата *с деревенской беднотой* против всех буржуа, при *нейтрализации* среднего крестьянства. Это—лозунг, необходимый для коммунистических партий, *идущих к власти*» (И. Сталин—«Вопросы ленинизма». ГИЗ, 1926 г., стр. 380).

Нам кажется, что такая формулировка не соответствует постановке вопроса тов. Лениным о сочетании у нас социалистического переворота в городе и буржуазной революции в деревне. Утверждая это, мы базируемся на сказанное тов. Лениным, спустя год после Октябрьского переворота, т.-е. после того, как он мог учесть опыт завершения буржуазной революции и начало социалистического переворота в деревне.

В брошюре «Пролетарская революция и ренегат Каутский», написанной в *ноябре 1918 года*, тов. Ленин писал:

«Победившая большевистская революция означала конец колебаний, означала полное разрушение монархии и помещичьего землевладения (до

Октябрьской революции оно *не было* разрушено). *Буржуазная* революция была нами доведена *до конца*. Крестьянство шло за нами *в целом*. Его антагонизм к социалистическому пролетариату не мог обнаружиться в один момент. Советы об'единяли крестьянство *вообще*. Классовое деление внутри крестьянства еще не назрело, еще не вылилось наружу. *Этот* процесс развился летом и осенью 1918 года» (подчеркнуто тов. Лениным. *Г. Я.*) (т. XV, стр. 510).

Итак, тов. Ленин констатирует, что в Октябре, поскольку перед нами стояла задача довершения, «доведения до конца» буржуазной революции, поскольку «классовое деление внутри крестьянства еще не назрело»,—постольку мы шли вместе со всем крестьянством. Только «летом и осенью 1918 г.» развивается этот процесс.

«Все, знающие дело и бывшие в деревне, говорят, что наша деревня только летом и осенью 1918 года переживает *сама* «Октябрьскую (т.-е. пролетарскую) революцию»... Через год после пролетарской революции в столицах наступила, под ее влиянием и при ее помощи, пролетарская революция в деревенских захолустьях...

«Завершив буржуазно-демократическую революцию *вместе с крестьянством вообще* (подчеркнуто мною. *Г. Я.*), пролетариат России перешел окончательно к революции социалистической, когда ему удалось расколоть деревню, присоединить к себе пролетариев и полупролетариев, об'единить их против кулаков и буржуазии, в том числе крестьянской буржуазии» (там же, стр. 511—512).

Проанализировав особенность Октябрьской революции и процесс превращения буржуазной революции в деревне в революцию социалистическую, тов. Ленин приходит к следующему выводу:

«...Если бы большевистский пролетариат попробовал *сразу в октябре—ноябре* 1917 года (подчеркнуто мною. *Г. Я.*), не сумев выждать классового расслоения деревни, не сумев *подготовить* и провести его, попробовал «декретировать» гражданскую войну или «введение социализма» в деревне, *попробовал обойтись без временного блока (союза) с крестьянством вообще,... тогда это было бы бланкистским искажением марксизма* (подчеркнуто мною. *Г. Я.*), тогда это было бы попыткой меньшинства навязать свою волю большинству, тогда это было бы теоретической нелепостью, непониманием того, что общекрестьянская революция есть еще революция буржуазная, и что *без ряда переходов, переходных ступеней* сделать ее социалистической в отсталой стране нельзя» (там же, стр. 512).

Те же взгляды высказаны тов. Лениным через месяц, 11/XII 1918 года на 1-м Всероссийском с'езде земельных отделов, комитетов бедноты и коммун.

Приведем только две цитаты, подтверждающие правильность нашего понимания тов. Ленина в этом вопросе:

1. «Только Октябрьский переворот, только победа рабочего класса в городах, только Советская власть дала возможность, на деле, очистить всю Россию, из конца в конец, от язвы старого крепостнического наследия, старой крестьянской эксплоатации, от помещичьего землевладения и гнета помещиков над крестьянством в целом, *над всем крестьянством без различия*.

«На эту борьбу против помещиков не могли не подняться, и поднялись в действительности *все крестьяне... эта борьба об'единила также и наиболее зажиточную и даже самую богатую часть крестьянства*, которая не обходится без наемного труда» (т. XV, стр. 589).

2. «*Образование в деревне комитетов бедноты* было поворотным пунктом и показало, что рабочий класс городов, *об'единившийся в Октябре со всем крестьянством* для того, чтобы разбить главного врага свободной, трудящейся и социалистической России, чтобы разбить помещиков—от этой задачи пошел вперед...—и в деревню внести сознательную социалистическую борьбу» (везде подчеркнуто мною. *Г. Я.*) (том XV, стр. 591).

Итак:

1. Правильно ли утверждение, что мы шли в союзе со всем крестьянством *только* до Октября?

Нет, неправильно. Лозунг «союз со всем крестьянством» был действителен до Октября, *в момент Октября и в первый период после Октября*, поскольку все крестьянство было заинтересовано в довершении буржуазной революции *до конца*.

2. Правильно ли утверждение, что «*мы подошли к Октябрю* с лозунгом *союза с деревенской беднотой при нейтрализации середняка*»?

Нет, неправильно. По указанным уже выше соображениям и приведенным выдержкам из Ленина видно, что этот лозунг мог возникнуть только тогда, когда «назрело классовое деление внутри крестьянства» (Ленин), т.-е. «летом и осенью 1918 г.».

А такое именно толкование невольно напрашивается после внимательного прочтения указанного места в Вашем докладе.

В заключение считаем необходимым сослаться на статью тов. Молотова в «Правде» за 12 марта с. г., которая так же, как и мы, излагает этот вопрос и еще лишний раз подтолкнула нас обратиться к Вам за раз'яснением.

С коммунистическим приветом *Г. Ян—ский*.

Тов. Ян—ский!

Ваше письмо получил, конечно, своевременно. Отвечаю с некоторым опозданием, за что прошу извинения.

1) Ленин говорит, что *«самым главным вопросом всякой революции является вопрос о государственной власти»* (см. т. XIV, ч. 2, стр. 102). В руках какого класса или каких классов сосредоточена власть, какой класс или какие классы должны быть свержены, какой класс или какие классы должны взять власть,—в этом «самый главный вопрос всякой революции».

Основные стратегические лозунги партии, сохраняющие свою силу на весь период того или иного этапа революции, не могут быть названы основными лозунгами, если они не опираются целиком и полностью на этот кардинальный тезис Ленина. Основные лозунги могут быть правильными лишь в том случае, если они строятся на базе марксистского анализа классовых сил, если они намечают правильную схему расположения революционых сил на фронте классовой борьбы, если они облегчают подвод масс к фронту борьбы за победу революции, к фронту борьбы за взятие власти новым классом, если они облегчают партии формирование широкой и мощной политической армии из широких народных масс, необходимой для выполнения этой задачи.

На протяжении того или иного этапа революции могут иметь место поражения и отступления, неудачи и отдельные тактические ошибки, но это еще не значит, что основной стратегический лозунг неверен. Так, напр., основной лозунг на *перво.м*

этапе нашей революции—«вместе со всем крестьянством, против царя и помещиков при нейтрализации буржуазии за победу буржуазно-демократической революции»—был совершенно правилен, несмотря на то, что революция 1905 года потерпела поражение.

Нельзя, стало быть, смешивать вопрос об основном лозунге партии с вопросом о поражениях или неудачах революции на той или иной ступени ее развития.

Может случиться, что в ходе революции основной лозунг партии привел уже к свержению власти старых классов или старого класса, но ряд существенных требований революции, вытекающих из этого лозунга, не получил осуществления, или осуществление их растянулось на целый период времени, или для их осуществления требуется новая революция, но это еще не значит, что основной лозунг неправилен. Так, напр., Февральская революция 1917 года свергла царизм и помещиков, но не привела к осуществлению конфискации помещичьих земель и т. д., но это еще не значит, что наш основной лозунг на первом этапе революции был неправилен. Или еще: Октябрьская революция осуществила свержение буржуазии и переход власти в руки пролетариата, но не привела сразу: а) к доведению до конца буржуазной революции, вообще, и б) к изоляции кулачества в деревне, в частности, растянув это дело на известный период времени, но это еще не значит, что наш основной лозунг на *втором* этапе революции,—«вместе с беднейшим крестьянством, против капитализма в городе и деревне при нейтрализации среднего крестьянства за власть пролетариата»—был неправилен.

Нельзя, стало быть, смешивать вопрос об основном лозунге партии с вопросом о сроке и формах осуществления тех или иных требований, вытекающих из этого лозунга.

Поэтому стратегические лозунги нашей партии нельзя расценивать ни с точки зрения эпизодических удач или поражений революционного движения в тот или иной период, ни, тем более, с точки зрения сроков или форм осуществления тех или иных требований, вытекающих из этих лозунгов. Стратегические лозунги партии могут быть расцениваемы лишь с точки зрения марксистского анализа классовых сил и правильного расположения сил революции на фронте борьбы за победу революции, за сосредоточение власти в руках нового класса.

Ваша ошибка, тов. Ян—ский, состоит в том, что Вы обошли этот важнейший методологический вопрос или не поняли его.

2) Вы пишете в своем письме:

«Правильно ли утверждение, что мы шли в союзе со всем крестьянством *только* до Октября? Нет, неправильно. Лозунг «союз со всем крестьянством» был действителен до Октября, *в момент Октября и в первый период после Октября*, поскольку все крестьянство было заинтересовано в довершении буржуазной революции до конца».

Таким образом, из этой цитаты выходит, что стратегический лозунг партии за *первый* этап революции (1905 г. — февраль 1917 г.), когда дело шло о свержении царско-помещичьей власти и установлении диктатуры пролетариата и крестьянства, *не отличался* от стратегического лозунга за *второй* этап революции (февраль 1917 г.—октябрь 1917 г.), когда дело шло о свержении власти буржуазии и установлении диктатуры пролетариата. Вы отрицаете, стало-быть, основную разницу между революцией буржуазно-демократической и революцией пролетарско-социалистической. А делаете Вы эту ошибку потому, что не хотите, видимо, понять той простой вещи, что основной темой стратегического лозунга является вопрос о власти на данном этапе революции, вопрос о том, *какой* класс свергается и в руки *какого* класса переходит власть. Едва ли нужно доказывать, что Вы не правы тут коренным образом.

Вы говорите, что в момент Октября и в первый период после Октября мы проводили лозунг «союз *со всем* крестьянством», поскольку все крестьянство было заинтересовано в доведении буржуазной революции до конца. Но кто Вам сказал, что Октябрьский переворот и Октябрьская революция исчерпывались или ставили своей основной задачей доведение до конца буржуазной революции? Откуда Вы это взяли? Разве свержение власти буржуазии и установление диктатуры пролетариата можно уместить в рамках буржуазной революции? Разве завоевание диктатуры пролетариата не есть выход из рамок буржуазной революции? Как можно утверждать, что кулаки (тоже, ведь, крестьяне) могли поддерживать свержение буржуазии и переход власти к пролетариату? Как можно отрицать, что декрет о национализации земли, отмене частной собственности на землю, запрещении купли-продажи земли и т. д., несмотря на то, что он не может быть признан декретом социалистическим, проводился у нас в *борьбе* с кулачеством, а не в союзе с ним? Как можно утверждать, что кулаки (тоже крестьяне) могли поддерживать декреты Советской власти об экспроприации фабрик, заводов, железных дорог, банков и т. д. или лозунг пролетариата о превращении войны империалистской в войну гражданскую? Как можно утверждать, что *основным* в Октябре являются не эти и подобные им акты, не свержение буржуазии и установление диктатуры пролетариата, а доведение до конца буржуазной революции.

Нет спора, что Октябрьская революция имела одной из своих главных задач доведение до конца буржуазной революции, что без Октябрьской революции она не могла быть доведена до конца, равно как сама Октябрьская революция не могла быть упрочена без доведения до конца буржуазной революции, и поскольку Октябрьская революция доводила до конца буржуазную революцию, она должна была встречать сочувствие со стороны всех крестьян. Все это бесспорно. Но разве можно на этом основании утверждать, что доведение буржуазной революции до конца являлось не производным явлением в ходе Октябрьской революции, а ее существом или ее основной целью? Куда же девалась у Вас главная цель Октябрьской революции—свержение власти буржуазии, установление диктатуры пролетариата, превращение войны империалистской в войну гражданскую, экспроприация капиталистов и т. п.? И если главной темой стратегического лозунга является основной вопрос всякой революции, т.-е. вопрос о переходе власти из рук одного класса в руки другого класса, то не ясно ли из этого, что вопрос о доведении до конца буржуазной революции пролетарской властью нельзя смешивать с вопросом о свержении буржуазии и завоевании этой самой пролетарской власти, т.-е. с вопросом, являющимся главной темой стратегического лозунга на втором этапе революции.

Одно из самых величайших достижений диктатуры пролетариата состоит в том, что она довела до конца буржуазную рево-

люцию и вымела дочиста грязь средневековья. Для деревни это имело самое главное и поистине решающее значение. Без этого не могло быть осуществлено соединение крестьянских войн с пролетарской революцией, о чем говорил Маркс еще во второй половине прошлого столетия. Без этого не могла быть упрочена сама пролетарская революция. При этом нужно иметь в виду следующее важное обстоятельство. Доведение до конца буржуазной революции не есть единичный акт. На деле оно растянулось на целый период, захватывая не только кусочки 1918 года, как Вы утверждаете в своем письме, но и кусочки 1919 г. (Поволжье—Урал) и 1919—20 гг. (Украина). Я имею в виду наступление Колчака и Деникина, когда перед крестьянством в целом встала опасность восстановления помещичьей власти и когда оно, именно, как *целое*, вынуждено было сплотиться вокруг Советской власти для того, чтобы обеспечить доведение до конца буржуазной революции и сохранить за собой плоды этой революции. Эту сложность и многообразие процессов живой жизни, это «причудливое» переплетение непосредственно-социалистических задач диктатуры с задачей доведения до конца буржуазной революции нужно иметь всегда перед глазами, чтобы понять правильно как приводимые Вами цитаты из Ленина, так и механику претворения в жизнь партийных лозунгов. Можно ли сказать, что это переплетение говорит о неправильности лозунга партии на *втором* этапе революции, что этот лозунг не отличается от лозунга на *первом* этапе революции? Нет, нельзя сказать. Наоборот, это переплетение лишь подтверждает правильность лозунга партии на втором этапе революции: вместе с *беднейшим* крестьянством, против капиталистической буржуазии в городе и деревне, за власть пролетариата и т. д. Почему? Потому, что для того, чтобы довести до конца буржуазную революцию, надо было *сначала* свергнуть в Октябре власть буржуазии и поставить власть пролетариата, ибо только такая власть способна довести до конца буржуазную революцию, а чтобы поставить в Октябре власть пролетариата, надо было подготовить и организовать к Октябрю *соответствующую* политическую армию, способную свергнуть буржуазию, способную установить власть пролетариата, при чем нет нужды доказывать, что *такую* политическую армию мы могли подготовить и организовать *лишь* под лозунгом: союз пролетариата с беднейшим крестьянством против буржуазии, за диктатуру пролетариата. Ясно, что без *такого* стратегического лозунга, проводимого с апреля 1917 г. по октябрь 1917 г., мы не могли бы иметь *такой* политической армии, не могли бы, значит, победить в Октябре, не свергли бы власть буржуазии и не имели бы, следовательно, возможности довести до конца буржуазную революцию.

Вот почему нельзя противопоставлять доведение до конца буржуазной революции стратегическому лозунгу на втором этапе революции, имеющему своей задачей обеспечение захвата власти пролетариатом.

Есть лишь одно средство избегнуть все эти «противоречия»— признать основную разницу между стратегическим лозунгом первого этапа революции (буржуазно-демократическая революция) и стратегическим лозунгом второго этапа революции (пролетарская революция), признать, что в период первого этапа революции мы шли вместе со *всем* крестьянством за буржуазно-демократическую революцию, а в период второго этапа революции мы шли вместе с *беднейшим* крестьянством против власти капитала за пролетарскую революцию. А признать это нужно, так как к этому обязывает нас анализ классовых сил при первом и втором этапах революции. В противном случае нельзя было бы об'яснить тот факт, что до февраля 1917 года мы вели работу при лозунге революционно-*демократической* диктатуры пролетариата и *крестьянства*, а после февраля 1917 года этот лозунг заменили лозунгом *социалистической* диктатуры пролетариата и *беднейшего* крестьянства. Согласитесь, тов. Ян—ский, что эта замена одного лозунга другим лозунгом в марте—апреле 1917 года не может быть об'яснена при Вашей схеме.

Эту основную разницу двух стратегических лозунгов партии Ленин отметил еще в своей брошюре «Две тактики». Лозунг партии при подготовке буржуазно-демократической революции сформулировал он так:

«Пролетариат должен провести до конца демократический переворот, присоединяя к себе массу крестьянства, чтобы раздавить силой сопротивление самодержавия и парализовать неустойчивость буржуазии» (см. т. VI, стр. 371).

Иначе говоря: со всем крестьянством против самодержавия при нейтрализации буржуазии за демократический переворот.

Что касается лозунга партии в период подготовки социалистической революции, то он сформулировал его так:

«Пролетариат должен совершить социалистический переворот, присоединяя к себе массу полупролетарских элементов населения, чтобы сломить силой сопротивление буржуазии и парализовать неустойчивость крестьянства и мелкой буржуазии» (см. там же).

Иначе говоря: вместе с беднейшим крестьянством и вообще полупролетарскими слоями населения против буржуазии при нейтрализации мелкой буржуазии в городе и деревне за социалистический переворот.

Это было в 1905 году.

В апреле 1917 года Ленин, характеризуя тогдашнее политическое состояние, как переплетение революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства с реальной властью буржуазии, говорил:

«Своеобразие текущего момента в России состоит в переходе от *первого* этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата,— ко *второму* ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и *беднейших слоев* крестьянства» (см. «Апрельские тезисы» Ленина—т. XIV, ч. 1, стр. 17—18).

В конце августа 1917 года, когда подготовка к Октябрю шла на всех парах, Ленин в специальной статье «Крестьяне и рабочие» писал:

«Только пролетариат и *крестьянство* могут свергнуть монархию—таково было основное, по тогдашнему времени (имеется в виду 1905 год. *И. Ст.*), определение нашей классовой политики. И это определение было верно. Февраль и март 1917 года лишний раз подтвердили это. Только пролетариат, руководящий *беднейшим крестьянством* (полупролетариями, как говорит наша программа), может кончить войну демократическим миром, залечить ее раны, начать ставшие безусловно необходимыми и неотложными шаги к социализму,—таково определение нашей классовой политики теперь» (см. т. XIV, ч. 2, стр. 82).

Это не следует понимать так, что у нас имеется, будто бы, *теперь* диктатура пролетариата *и* беднейшего крестьянства. Это, конечно, неверно. Мы шли к Октябрю под лозунгом диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства и осуществили его в Октябре формально, поскольку мы имели блок с левыми эсэрами и делили руководство с ними, хотя фактически у нас уже тогда была диктатура пролетариата, так как мы, большевики, составляли большинство. Диктатура пролетариата *и* крестьянства перестала, однако, существовать формально после лево-эсэровского «путча», после разрыва блока с левыми эсэрами, когда руководство перешло *целиком и полностью* в руки *одной* партии, в руки нашей партии, которая не делит и не может делить руководства государством с другой партией. Это и называется у нас диктатурой пролетариата.

Наконец, в ноябре 1918 года Ленин, бросая ретроспективный взгляд на пройденный путь революции, писал: «Да, революция наша буржуазная, *пока* мы идем *вместе* с крестьянством, как целым. Это мы яснее ясного сознавали, сотни и тысячи раз с 1905 года говорили, никогда этой необходимой ступени исторического процесса ни перепрыгнуть, ни декретами отменить не пробовали... Но в 1917 году, с *апреля* месяца, *задолго до Октябрьской революции, до взятия власти нами*, мы говорили открыто и разъясняли народу: остановиться на этом революция теперь не сможет, ибо ушла вперед страна, шагнул вперед капитализм, дошло до невиданных размеров разорение, которое *потребует* (хочет ли этого кто-нибудь или нет), потребует шагов вперед к социализму. Ибо иначе итти вперед, иначе спасать страну, истерзанную войной, иначе облегчать муки трудящихся и эксплоатируемых *нельзя*. Вышло именно так, как мы говорили. Ход революции подтвердил правильность нашего рассуждения. *Сначала* вместе со «всем» крестьянством против монархии, против помещиков, против средневековья (и постольку революция остается буржуазной, буржуазно-демократической). *Затем* вместе с беднейшим крестьянством, вместе с полупролетариатом, вместе со всеми эксплоатируемыми *против капитализма*, в том числе *против деревенских богатеев, кулаков, спекулянтов*, и постольку революция становится *социалистической*» (см. т. XV, стр. 508).

Как видите, Ленин неоднократно подчеркивал всю глубину разницы между первым стратегическим лозунгом в период подготовки буржуазно-демократической революции и между вторым стратегическим лозунгом в период подготовки Октября. Там—лозунг: со *всем крестьянством* против самодержавия, здесь—лозунг: с *беднейшим крестьянством* против буржуазии.

Тот факт, что доведение буржуазной революции до конца растянулось на целый период после Октября, что, поскольку мы доводили до конца буржуазную революцию, нам не могло не сочувствовать «все» крестьянство,—этот факт, как я уже говорил выше, ни на йоту не колеблет того основного положения, что к Октябрю мы шли и победили в Октябре вместе с *беднейшим крестьянством*, что свергли власть буржуазии и установили диктатуру пролетариата (одну из задач которой составило доведение до конца буржуазной революции), вместе с *беднейшим крестьянством* при сопротивлении кулачества (тоже крестьяне) и колебаниях со стороны среднего крестьянства.

Кажется, ясно.

3) Вы пишете далее в своем письме:

«Правильно ли утверждение, что «*мы подошли к Октябрю с лозунгом союза с деревенской беднотой при нейтрализации середняка*? Нет, неправильно. По указанным уже выше соображениям и приведенным выдержкам из Ленина видно, что этот лозунг мог возникнуть только тогда, когда «назрело классовое деление внутри крестьянства» (Ленин), т.-е. «летом и осенью 1918 г.».

Из этой цитаты выходит, что партия стала на путь нейтрализации середняка не в период подготовки и не во время Октября, а после Октября и особенно после 1918 года, после комбедов. Это *совершенно неверно*, тов. Ян—ский. Наоборот, политика нейтрализации середняка не началась, а *кончилась* после комбедов, после 1918 года. Политика нейтрализации середняка была *отменена* (а не введена) в нашей практике именно после 1918 года. Именно после 1918 года, в марте 1919 года, Ленин, открывая VIII с'езд нашей партии, сказал:

«Лучшие представители социализма старого времени,—когда они еще верили в революцию и теоретически служили ей,—говорили о нейтрализации крестьянства, т.-е. о том, чтобы сделать из этого среднего крестьянина общественный слой, если не активно помогающий революции пролетариата, то по крайней мере не мешающий нашей работе. Эта отвлеченная, теоретическая постановка задачи для нас вполне ясна. *Но она недостаточна.* Мы вошли в *такую стадию социалистического строительства*, когда надо выработать конкретно, детально, на опыте работы в деревне, основные правила и указания, какими мы должны руководиться для того, чтобы по отношению к среднему крестьянину стать на почву *прочного союза*» (см. т. XVI, стр. 94).

Получается, как видите, нечто прямо противоположное тому, о чем Вы говорили в своем письме, при чем Вы переворачиваете здесь нашу *действительную* практику вверх ногами, смешивая *начало* нейтрализации с ее *концом*.

Середняк хныкал и колебался между революцией и контрреволюцией, пока свергали буржуазию, пока власть советов не была еще упрочена, в виду чего и приходилось его нейтрализовать. Середняк стал поворачивать к нам, когда он стал убеждаться, что буржуазия свергнута «всерьез», что власть советов упрочивается, кулака одолевают, Красная армия начинает побеждать на гражданских фронтах. Именно после такого перелома стал возможен третий стратегический лозунг партии, данный Лениным на VIII с'езде партии: опираясь на бедноту и устанавливая прочный союз с середняком,—вперед за социалистическое строительство.

Как Вы могли забыть этот общеизвестный факт?

Из Вашего письма вытекает далее, что политика нейтрализации середняка *при переходе* к пролетарской революции и в *первые дни* после победы этой революции — неправильна, непригодна и, потому, неприемлема. Это *совершенно неверно*, тов. Ян—ский. Дело обстоит как раз наоборот. Именно при свержении власти буржуазии и до упрочения власти пролетариата более всего колеблется и сопротивляется середняк. Именно в этот период и необходимы союз с беднотой и нейтрализация середняка. Настаивая на своей ошибке, Вы утверждаете, что вопрос о крестьянстве имеет большое значение не только для нашей страны, но и для других стран, «более или менее напоминающих

экономику до-октябрьской России». Это последнее, конечно, верно. Но вот что говорит Ленин в своих тезисах по аграрному вопросу на II конгрессе Коминтера о политике пролетарских партий в отношении середняка в период взятия власти пролетариатом. Определив беднейшее крестьянство, или, точнее, «трудящиеся и эксплоатируемые массы в деревне», как отдельную группу, состоящую из сельскохозяйственных рабочих, полупролетариев или парцельных крестьян и мелкого крестьянства, и перейдя потом к вопросу о среднем крестьянстве, как об особой группе в деревне, Ленин говорит:

«Под «средним крестьянством» в экономическом смысле следует понимать мелких земледельцев, которые владеют, на правах собственности или аренды, тоже небольшими участками земли, но все же такими, которые при капитализме дают, по общему правилу, не только скудное содержание семьи и хозяйства, но и возможность получать известный излишек, способный, по крайней мере в лучшие годы, превратиться в капитал и которые прибегают довольно часто к найму чужой рабочей силы... Революционный пролетариат не может ставить своей задачей,—по крайней мере для *ближайшего будущего и для начала периода диктатуры пролетариата,*—привлечение этого слоя на свою сторону. Он должен *ограничиться задачей нейтрализовать его*, т.-е. заставить его не оказывать активной поддержки буржуазии в ее борьбе с пролетариатом» (см. Стенографический отчет II конгресса Коминтерна, стр. 610—611).

Как можно после этого утверждать, что политика нейтрализации середняка могла «возникнуть» у нас «*только*» «летом и осенью 1918 года», т.-е. *после* решающих успехов в деле упрочения власти советов, власти пролетариата?

Как видите, вопрос о стратегическом лозунге пролетарских партий к моменту перехода к социалистической революции и упрочения власти пролетариата, так же, как и вопрос о нейтрализации середняка, не так прост, как Вы его представляете.

4) Из всего сказанного выше видно, что приводимые Вами цитаты из сочинений Ленина ни в какой мере не могут быть противопоставлены основному лозунгу партии на втором этапе революции, ибо они, эти цитаты: а) трактуют не об основном лозунге партии *перед* Октябрем, а о доведении до конца буржуазной революции *после* Октября, б) они не опровергают, а подтверждают правильность этого лозунга. Я уже говорил выше и вынужден еще раз повторить, что стратегическому лозунгу партии на втором этапе революции, в период *до* взятия власти пролетариатом, главной темой которого является вопрос о власти, нельзя противопоставлять задачу доведения до конца буржуазной революции, проводимую в период *после* взятия власти пролетариатом.

5) Вы говорите об известной статье тов. Молотова в «Правде» «О буржуазной революции в нашей стране» (12/III—1927 г.), которая, оказывается, и «подтолкнула» Вас обратиться ко мне за раз'яснением. Я не знаю, как Вы читаете статьи, т. Ян—ский. Я тоже читал статью т. Молотова и думаю, что она ни в какой мере не противоречит тому, что сказано в моем докладе на XIV с'езде нашей партии о лозунгах партии насчет крестьянства. Тов. Молотов трактует в своей статье не об основном лозунге партии в период Октября, а о том, что, поскольку партия после

Октября доводила до конца буржуазную революцию, она имела сочувствие всех крестьян. Но я уже говорил выше, что констатирование этого факта не отрицает, а наоборот, подтверждает правильность того основного положения, что мы свергли власть буржуазии и поставили диктатуру пролетариата вместе с беднейшим крестьянством и при нейтрализации середняка против буржуазии города и деревни, что без этого мы не могли бы довести до конца буржуазную революцию.

С коммун. приветом *И. Сталин.*

А. Ф. ВИШНЕВСКИЙ.—Исторический материализм. Севкавкнига. 1927 г.

Книжка тов. А. Ф. Вишневского предназначена для студентов вузов, рассчитана на совпартшкольца и рабфаковца, учителя, занимающегося самообразованием, и т. д. Так говорится в предисловии. Из предисловия же мы узнаем, что автор держит линию ортодоксально-марксистского направления в вопросах марксистской теории.

Книга разбивается на три отдела. Первый ($^1/_3$ книги) посвящен вопросам диалектического материализма. Здесь устанавливается в общем и целом правильная точка зрения на диалектический материализм, как на философию марксизма, дается критика противной точки зрения на этот вопрос. Далее дается изложение теории познания марксизма, затем следуют изложения категорий диалектики, попутно с этим критикуется, хотя и кратко, механический материализм, рецидив которого мы совершенно явственно имели и имеем возможность наблюдать последний год—два в марксистском лагере у нас в Советской России. Философский отдел, с нашей точки зрения, является в общем наиболее содержательным и цельным. Второй отдел посвящен учению об обществе, его строению и развитию и третий, наконец, разбирает идеологии, их зависимость от общественных отношений и т. д. Кроме того, в последнем отделе имеется глава, посвященная применению исторического материализма и исследованию советского строя, глава более или менее удачная, хотя в некоторых отдельных местах она страдает чрезмерной элементарностью, в некоторых же частях она устарела по материалу: материалы социально- и партийно-политической жизни последних трех лет не использованы совершенно.

Задаться вопросом, насколько автору удалось справиться с задачей дать серьезное учебное пособие, это значит задаться вопросом, насколько теоретически выдержана книжка и насколько со стороны формы она подойдет к кругу читателей, на который она рассчитывает. Если есть в книге пробелы и недостатки, то необходимо учесть их удельный вес для того, чтобы оценить книжку в целом. Каковы же эти недостатки? Мы постараемся остановить внимание читателя, главным образом, на недостатках по содержанию.

Мы заранее должны извиниться перед многими читателями за некоторую трудность нижеизложенного. Это вызвано преимущественно самим содержанием предмета рецензии.

Прежде всего о том новом, что пытается дать в дополнение к изложению классиков марксизма наш автор. По его собственным словам (см. пред. в книжке), оно заключается в «освещении категорий диалектического материализма в порядке их *логической последовательности*» (курсив автора. *Ф. Г.*). К чему сводится это новое в книжке т. Вишневского? По существу, оно сводится к делению категорий (основных понятий) марксистской диалектики на категории изменения и категории развития. При чем интересно, что, проводя подобное разделение, автор никакого предварительного обоснования этому не дает, он просто начинает с анализа основных понятий изменения и только в конце параграфа, посвященного этому анализу, говорит несколько слов о том, что изменение и развитие не одно и то же, что развитие отличается от изменения вообще, что оно «предполагает определенную *систему* материального движения или изменения с длительным направлением, складывающимся в известную закономерность» (46 стр.). Когда мы говорим об изменении в вещах, то мы не всегда можем констатировать, что это изменение ведет к возникновению чего-то нового. Когда же речь идет о развитии, то тут подразумевается, что изменения, происходящие в той или иной вещи, ведут к возникновению нового, идущего на смену старому. В этом общий смысл развития. Нас интересует другое: почему автор считает, что «методологическую характеристику материального движения, как изменения вообще» (46 стр.), исчерпывают вполне категории качества, количества и причинности, тогда как также понятия, как понятие сущности (внутреннего содержания) вещи или закона, действующего в ней, относятся автором исключительно к области развития. Где обоснование этого разграничения? Ведь какие бы изменения в вещи мы ни взяли, поскольку мы начинаем познавать их, доискиваться до их причин, мы всегда столкнемся с необходимостью познания содержания вещи, определяющих ее законов. От них категорию причинности не оторвешь; эти категории неразрывно связаны с пониманием того, что такое данная вещь или явление со всеми своими изменениями. Для диалектического материализма не существует какого-то *изменения вообще* вне конкретных вещей, вне конкретных предметов и их изменения, как не существует какой-то *материи вообще* вне конкретных форм ее. Это одно. А другое—это то, что знать вещь, согласно диалектике, значит изучить ее со всех сторон, охватить ее сначала, как она нам представляется, количественно изучить поддающиеся этому изучению стороны вещи, затем вскрыть законы, управляющие вещью и ее изменениями, то-есть познать ее сущность. Для нас при понимании всего этого станет ясным, что нет никаких оснований к тому, чтобы понятия качества, причины и др. в познании каких-либо изменений предмета представить изолированно от категорий закона и внутреннего содержания предмета. Они неразрывно связаны всегда, как в действии своем в самом об'екте познания, как реальные категории, точно так же они не могут быть никакими ухищрениями и разорваны на два порядка, изолированы друг от друга в понимании их значения в процессе познания этого об'екта, его изменений, если только мы не хотим подменить абстракцией движения-изменения определенное, конкретное, действительное изменение в мире.

Мы не можем останавливаться здесь подробнее на этом вопросе. Мы считали нужным отметить только, что в таком важнейшем вопросе, как понимание категорий диалектики, принципиальный исходный пункт автора книжки является чрезвычайно сомнительным нововведением в диалектический материализм. Порядок категорий диалектики «в их логической последовательности» приводит к совершенно необоснованному и с нашей точки зрения ошибочному разделению этих категорий. Мы, конечно, тем самым вовсе не хотим отрицать того, что в трактовке отдельных категорий диалектики автор проделал значительную работу, и в этом смысле данная книжка, конечно, имеет преимущества перед некоторыми другими книгами по историческому материализму.

Далее, мы считаем, что совершенно неблагополучно обстоит дело в рецензируемой работе еще по двум принципиальным вопросам диалектического материализма. Первый вопрос из области теории познания марксизма. Классики марксизма вслед за Фейербахом считали учение

о *единстве* суб'екта и об'екта, духовного и материального, одним из коренных вопросов в диалектическом материализме. Это один из ряда центральных пунктов, по которому мы отмежевываемся с одной стороны от идеализма с его отождествлением духовного и материального, что ведет в конце концов к поповщине и мракобесию, и, с другой стороны, от вульгарного механического материализма, который уничтожает все своеобразие сознания. Дух, сознание не есть нечто самостоятельное, вне материи и наравне с ней. Нет. Сознание есть свойство или состояние определенным образом организованной материи. Диалектический материализм не стирает, однако, специфичности сознания. Подчеркивая, что сознание (психические переживания) есть *другая сторона* физиологических процессов, которые протекают в мозгу, нервах и т. д., что оно суб'ективно-внутреннее выражение того, что об'ективно происходит в организме, отражение этого, об'ективно происходящего в организме, *в нас и для нас*—диалектический материалист одновременно устанавливает и то, что психика не есть нечто самостоятельное, что она есть обратная сторона материальных процессов, и то, что сознание в то же время нельзя свести к материальным процессам, уничтожить особенность, качественность его. В этом—содержание учения о единстве суб'екта и об'екта.

По этому поводу в книжке т. А. Ф. Вишневского есть только два самых беглых замечания. Но это полбеды. Беда в том, что эти замечания не только недостаточны, но настолько туманны, что по меньшей мере могут сбить с толку учащегося, частью же они принципиально не выдерживают критики. Критикуя точку зрения идеализма (стр. 20) и противопоставляя ей точку зрения материалистическую, автор замечает, что дух был порожден материей в ее развитии. Дальше следует формулировка: «Короче, дух есть *вполне материальное явление* или свойство материи» (стр. 20) (Курсив наш. *Ф. Г.*). Еще далее, на стр. 23, мы читаем следующее: «В диалектическом единстве противоположность тождества и различия *снимается*. Напр., дух отличен от материи, как *отражение* этой материи, отражение, которое означает процесс *познания*. Но это отражение, в качестве материального явления, возникшего из развития материи, тождественно последней» (курсив автора. *Ф. Г.*). Это—все по затронутому вопросу.

Обе приведенные формулировки решения вопроса о единстве духовного и материального в теоретическом отношении совершенно безнадежны. Дух есть вполне материальное явление, единство духа и материи превращается в тождество (последняя фраза цитаты), все это очень далеко от истинного марксистского решения вопроса. Может быть, просто небрежностью в формулировках можно об'яснить такие грубейшие теоретические промахи, но факт остается фактом: читатель не поймет проблемы единства суб'екта — об'екта в теории познания марксизма, зато дается хорошая почва для путаницы, для колебания в таком важном вопросе, а отсюда и для возможности перехода к вульгарно-механическому разрешению его. А ведь так недавно еще шла борьба против энчмениады, да и теперь на идеологическом фронте борьба с механическим материализмом, с вульгаризацией и упростительством—есть одна из важнейших наших текущих задач.

Следующий важнейший вопрос—это вопрос о производительных силах и причинах их развития. Исторический материализм, как известно, берет за исходный пункт изучения общества понятие материальных производительных сил. Определяется это тем, что в действительной жизни общества ее основой является общественное производство, элементами которого и являются производительные силы. Уже попытка обновить со стороны тов. Вишневского понятие производительных сил, как оно дано у Маркса и принято в марксизме, нам кажется неудачной и совершенно излишней. Тогда как Маркс под производительными силами общества понимает факторы, действующие в процессе общественного производства: средства производства, состоящие из орудий труда и материала труда и рабочую силу во всех ее свойствах, поскольку она есть фактор процесса труда, тов. Вишневский без всякой мотивировки выбрасывает из разряда производительных сил материал труда, но одновременно восполняет понятие и состав производительных сил техническими отношениями между людьми. Но ведь следует помнить, что когда Маркс говорит о производительных силах, то он всегда берет процесс общественного труда, производство со стороны его материальных факторов, и поэтому он берет их в целом, не исключая и материала труда, хотя он и выделяет орудия и рабочую силу, как главные, определяющие высоту данного способа производства. Когда же берется уклад материальных производительных сил, то, естественно, этим дается и определенный уклад технических отношений между людьми—так что вводить еще в состав производительных сил технические отношения, как особый элемент—это значит заниматься никчемными новшествами и затуманивать ясный, достаточно выработанный пункт нашей теории. Но главная неясность и путаница—в вопросе о причинах развития производительных сил.

Автор сначала кратко, но достаточно вразумительно критикует неверные точки зрения на этот вопрос.

Как же марксизм разрешает вопрос о развитии производительных сил? Мы узнаем от автора, что «развитие производительных сил следует об'яснить причинами *общественного* порядка» (стр. 118). В классовом обществе, например, производительные силы движутся классовой борьбой. Тов. Вишневский цитирует по этому пункту «Нищету философии» Маркса. Кроме того, конечно, в более или менее развитых общественных формациях, движение производительных сил обусловливается и происходит под влиянием действия надстроек на базис: происходит взаимодействие базиса и надстроек, и последние, хотя и не всегда, действуя в направлении развития, толкают производительные силы вперед. Но вопрос вот в чем: ведь все надстройки, точно так же, как и классовая борьба, возникают на определенном уровне развития общественного производства и производительных сил. Сам автор рецензируемой работы говорит на стр. 61-й, что классы и классовая борьба имеют под собой *общественные* причины. Но тогда чем же определялось развитие производительных сил в доклассовом обществе? Ведь история человеческого общества не началась с классового общества. Последнее по времени представляет, вероятно, значительно меньший отрезок истории человечества, чем предшествующая ему история, когда классов не было. И тем не менее человек уже был человеком, человеческое общество было чем-то качественно особенным по отношению к животному царству.

Тов. Вишневский разрешает вопрос очень просто. Ход общественного развития в доклассовом обществе имел своими причинами «природные условия, борьбу за существование и т. д.» (стр. 119). В другом месте говорится: «Первый период (доклассовый. *Ф. Г.*) так называемое *первобытное* состояние человечества, когда производительные силы развивались в зависимости от географических и биологических условий (климат, почва, моря, реки, горы, флора, фауна, увеличение народонаселения, голод и т. д.)» (141 стр.).

Таким образом, автор благополучно возвращает нас к тем теориям, которые были раскритикованы им самим и от нашего марксистского исходного пункта социологического анализа — материальных производительных сил—приводит к другому исходному пункту—к природе и ее условиям. Материальные производительные силы человеческого общества, оказывается, имеют причиной своего развития природу, и, видимо, вплоть до классовой борьбы производительные силы развивались, имея причиной условия природы. Но в таком случае совершенно теряется специфичность человеческого общества. Марксизм определяет человека, как общественное животное. Эта качественная характеристика исчезает. Раз движущей причиной производительных сил, об'ясняющей их развитие в доклассовом обществе, является природа, то мы даже и не в праве говорить о производительных силах, как основе общественного развития. Но рассуждая так, мы, естественно, приходим к выводу, что и происхождение классов и классовой борьбы нужно искать в природе и ее условиях, которые в *конечном счете*, через развитие производительных сил до определенного уровня привели к образованию классов.

Говорить о природе, как причине хода общественного развития, хотя бы на одном этапе его—такая постановка вопроса ничего общего с марксизмом не имеет. Сам же автор в другом месте своей работы говорит, что природные условия есть величина постоянная, производительные силы—переменная, переменную величину нельзя об'яснять постоянной.

На самом деле до того, как начал действовать закон классовой борьбы, и тогда, когда надстройки еще недостаточно дифференцировались и развились, чтобы сколько-нибудь значительно влиять на ход производительных сил—в этот период действительным источником, причиной развития производительных сил был самый процесс человеческого общественного труда. В нем человек постепенно наталкивался на необходимость совершенствования орудий. Первоначально изменения орудий, может быть, не давали значительных результатов, но накопление этих изменений делало свое дело: логика процесса труда преобразовывала орудие. Неразрывно с этим шло и развитие самой активной производительной силы—рабочей силы. Энгельс прекрасно проследил в своей книге «От обезьяны к человеку» формирующее значение процесса труда в развитии сложнейшей из производительных сил—человека, вскрыл так сказать внутреннюю логику этого процесса. Тоже—в еще более доказательной степени—относится и к средствам производства. При этом, конечно, никто не вздумает отрицать значения природных условий, которые всегда предполагаются, но действие которых на процесс общественного труда зависит от степени развитости *самих* производительных сил человечества.

Когда Плеханов говорит, что «в каждое данное время мера способности к деланию орудий, которая развивается у человека в процессе воздействия на природу, определяется мерой уже достигнутого развития производительных сил»—то этим самым он хочет подчеркнуть как раз значение самой внутренней логики развития производительных сил. И эта логика процесса труда сохраняется в своем действии на всем протяжении истории (см. напр., марксов анализ развития техники от ремесла к мануфактуре и фабрике), но на более развитых этапах ее усложняется действием новых сил: классового антагонизма и влиянием надстроек.

В дополнение к сказанному отметим только, что и в вопросе о роли классовой борьбы для развития производительных сил автор книжки ограничивается лишь 2—3 общими фразами о том, что она движет

производительные силы. Но показать, как это происходит, автор, видимо, не считает нужным. Маркс проследил в «Капитале» и других произведениях влияние классового антагонизма на развитие производительных сил при капитализме. Мы можем найти ряд прекрасных отдельных замечаний о том, как он это себе мыслил. Для примера хотя его мысль из «Нищеты Философии» о том, что «в Англии стачки служили поводом к изобретению и применению машин».

Замечаний по вопросам, может быть, иногда и не столь принципиальным, как выше, но необходимых, ибо дело идет о важных вопросах, можно было бы высказать значительное число. Но, боясь быть обвиненным в придирчивости, укажем на три—четыре места в книжке, главным образом, подходя со стороны содержания.

Мы считаем, что автор напрасно оторвал друг от друга определение философии как метода исследования от того ее понимания, согласно которому она является мировоззрением. Ее практическое значение не исчерпывается тем, что она—метод исследования. Момент мировоззрения, так сказать, органически связанный с ее методологическим содержанием, столь же важен для понимания практического значения философии, как и момент методологический. Эти два момента с самого начала неразрывно связаны в нашем понимании философии.

На стр. 5—3-й, определяя материалистическую диалектику, как науку «об универсальных законах движения материальных форм», т. Вишневский дает, конечно, более бедное определение диалектики, чем известное определение Энгельса, что содержание диалектики это наиболее общие законы природы, человеческого общества и мышления, или определение т. Деборина—как науки «о формах или *законах связи* в области физической природы, человеческой истории и мышления» («Под Зн. Мар.», 1926 г., № 11, стр. 6). Последние определения более богаты, конкретны, а следовательно, и более верны, ибо они, фиксируя основные моменты—стороны—в развитии мира, включают в себя предполагаемое изменение и усложнение законов диалектики в их проявлении на различных моментах этого развития.

На стр. 30-й автор говорит: «Материальное движение, заключающее в себе момент покоя, есть *основа* для понимания всех процессов природы и общества. Дальнейшая конкретизация материального движения приводит нас к понятию причинности, этой первой и основной категории изменения». Для нас понятно, что все в мире причинно связано, что закон причинной связи есть важнейший закон бытия и познания. Но когда говорят, что конкретизация какого-то изменения *вообще* приводит нас к понятию причинности—то ясно, что до смысла тут добраться трудно, приходится угадывать.

Говоря о случайности (стр. 35), т. Вишневский определяет ее складывающейся «из двух моментов: *суб'ективного и об'ективного*, при чем последнему моменту принадлежит основное, решающее значение». В дальнейшем категория случайности трактуется диалектически, как об'ективная категория, и это верно. Когда же говорится, что определение случайности имеет суб'ективный момент—то это значит, что научно-диалектическое понимание случайности нельзя смешивать с пониманием случайности в обыденном смысле: случайным кажется мне явление, поскольку я не знаю его основ. Смешивать эти вещи нельзя.

Отождествляя на стр. 38-й такие термины, как качество и свойство, автор по нашему недостаточно серьезно относится к терминологии. В марксистской философской литературе достаточно выяснено, что, когда мы говорим о качестве, то мы отождествляем качество и вещь: когда для нас уничтожается данное качество, это значит, что

уничтожается сама вещь. Когда же мы говорим о свойстве, то под этим подразумевается отдельный момент вещи, характеризующий ее в отношении к той или иной вещи. В книжке, претендующей быть пособием для более или менее подготовленных читателей, эту необходимую дифференциацию понятий полагалось бы проводить.

В других местах беспечность автора по части терминологии не только режет слух, но прямо свидетельствует о неряшливости в этом отношении. Так без всякой мотивировки, даже без единой оговорки автор делит надстройки на *об'ективные* (государство и т. д.) и *суб'ективные* (право, наука и т. д.). А отсюда прямо нелепость некоторых выражений. Напр., «поскольку... имущественные отношения, закрепляющие определенную экономическую структуру *отражаются в сознании* людей, постольку они становятся *суб'ективным* правом» (122 стр.). Итак, если задаться вопросом: что такое наука, то последует ответ: суб'ективная надстройка. Надо полагать, что автор, высказываясь таким образом, хочет подчеркнуть, что когда мы говорим об идеологиях, то мы имеем дело с формами общественного сознания. Но значит ли это, что идеологии можно назвать *суб'ективными* надстройками! Кроме путаницы и вреда, это принести ничего не может.

Совершенно неудачно и принципиально неверно деление революций (берется опыт революций последних полутора столетий истории) на буржуазные, демократические и социалистические. Нет нужды останавливаться на этом подробно, следует только отметить, что, когда говорится о революции буржуазной и революции пролетарской, то речь идет о революциях, имеющих своими результатами новые социально-экономические формации. Можно ли сказать, что буржуазно-демократические революции должны быть в этом смысле выделены от буржуазных революций? Нет, конечно. Это есть буржуазные революции в самом своем корне. Буржуазные революции могут быть более последовательные, менее последовательные, более демократические, менее демократические—это в зависимости от действующих классовых сил, конкретной обстановки и т. д. Но это вовсе не может служить основанием для выделения *на ряду* с буржуазной и пролетарской социальными революциями еще революции демократической.

Примеры подобных замечаний можно было бы умножить, но достаточно и сказанного. В заключение для полноты впечатления отметим, что рецензируемая работа страдает большой диспропорциональностью в распределении материала. Тогда как, например, критерию практики, единству суб'екта и об'екта в марксистской теории познания посвящено по нескольку строчек, учению о пространстве и времени посвящено 4—5 страниц. Совершенно недостаточны параграфы, посвященные вопросам: что такое надстройки, о влиянии надстройки на базис, о содержании и причинах социальной революции. Последний вопрос, по делу, надо было бы осветить основательно,—вопрос, один из основных в историческом материализме, его понимание имеет большое практическое значение для нас. Но читатель немного может получить с тех 3—4 страниц, которые уделены этому вопросу.

И т. д.

Изложение непопулярное. В некоторых местах книжка превращается как бы в ученый трактат, доступный для понимания только людям, которые хорошо подготовлены. Имеются отрывки, где на протяжении страниц даются без всякой попытки пояснения такие термины, как нумены, феномены, снятие, тождество и различие и др. Естественно, что это действует оглушающе даже на средне-подготовленного читателя. На стр. 143-й цитируются два труднейших тезиса Маркса о Л. Фейербахе без всякой попытки помочь читателю понять их содержание, проанализировать его, а оно чрезвычайно глубоко и одновременно трудно для понимания. Таких мест немало. Неважное впечатление также производят те места книги, где автор полемизирует против точек зрения, о существовании которых читатель автором не осведомляется. Получается какое-то резонерство. Так (37 стр.) выглядит полемика против некоей точки зрения, которая понятием противоречия хочет заменить понятие причинности. Так же, напр., выглядит возражение против «тех», которые понимают идеологию как некоторый «сгусток», систему общественного сознания, выпадающий из сферы самого общественного сознания. Кто и когда у нас стремился оторвать идеологии, как *формы* общественного сознания, от общественного сознания в целом?

И совсем плохое впечатление остается от того, что автор иногда бездоказательно проводит свою мысль (примеры этого были уже), а иногда просто навязывает читателю свое мнение. Так разбирая в отделе о религии две основные точки зрения в марксизме на происхождение «души», автор приходит к выводу, что определенный и точный ответ в пользу той или иной теории возникновения понятия души дать трудно. Казалось бы ясно, что раз наука этот вопрос не разрешила, то придется, видимо, констатировать наличие двух точек зрения и работать в направлении собирания материала для разрешения вопроса, какая же точка зрения является действительной. Но автор решает по-другому. На основе «общих оснований марксистского метода, учитывая известную нам историю образования идеологий» (147 стр.) (кстати сказать в работе т. Вишневского нет ни слова о возникновении идеологий) он декретирует, что «*главной причиной, породившей в головах людей идею души, мы считаем классовую дифференцировку людей* (курсив автора. *Ф. Г.*). Вразумительно, а главное педагогично! Этак, «исходя из общих оснований марксистского метода», можно многое и легко доказать. Но дело кончится только тем, что и доказуемое пострадает, и методу не поздоровится. Это называется не доказывать, а навязывать.

В целом эта книжка, имеющая ряд удачных глав и параграфов, правильную в общем и целом методологическую установку, имеет много серьезных пробелов как со стороны содержания, так и со стороны формы, чтобы можно было говорить, что она займет определенное место в нашей сугубо недостаточной историко-материалистической учебной литературе. Книжка требует большой работы по устранению ошибок, исправлению недостатков, улучшению ряда мест и популяризации.

Ф. Горохов.

ОРГАНИЗАЦИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В «МАРКСИСТСКОМ» ОСВЕЩЕНИИ.

Балашов, И. В., проф.—«Организация сельского хозяйства». 2-е издание, 1926 г., стр. 204, цена 1 р. 85 коп.

Проблема организации сельского хозяйства больше чем когда-либо привлекает к себе внимание в связи с общей задачей реконструкции сельского хозяйства. Поэтому каждая вновь выпущенная книга (а это не так часто бывает) по организации сельского хозяйства требует надлежащего отзыва.

Книга проф. Балашова, на наш взгляд, заслуживает особого внимания еще и потому, что, как пишет проф. Балашов, «автор старался развернуть теоретические положения на широком материале мирового сельского хозяйства, кладя в основу принцип диалектического материализма» (предисловие).

Признаться, марксистских пособий по организации сельского хозяйства пока нет. Между тем они нужны читателю, особенно вузовцам. Достаточно указать в предисловии учебника, что автор марксист или «собирается» быть марксистом, как книга расхватывается при первом ее появлении. Приблизительно такая участь постигла книгу проф. Балашова: за два года (1925—1926) она выдержала 2 издания. Прежде чем приступить к рассмотрению книги Балашова, сделаем несколько необходимых замечаний по существу вопроса.

Иные думают, что проблема организации сельского хозяйства имеет чисто «прикладное», технико-организационное значение и что в этом вопросе нет никакой ни теоретической, ни практической актуальности. Это не так. Технике организации хозяйства предшествует теоретическая часть, об'ясняющая сущность организации сельского хозяйства. Вот эта часть—теория организации хозяйства—исходит из общих законов сельскохозяйственной экономии и политической экономии.

Буржуазные и мелкобуржуазные ученые рисуют ложную теорию организации хозяйства, так как в с.-х. экономии и политической экономии кругозор этих ученых ограничен буржуазной и мелкобуржуазной идеологией. В анализе экономических категорий и экономических понятий, общественных отношений и рыночных взаимосвязей, они применяют «универсальные формулы», «неизменные критерии», рассчитанные на все исторические эпохи общественного производства. Избегая диалектики, антимарксистские концепции не в состоянии проследить динамику сельского хозяйства, об'яснить различные способы производства, как исторически преходящие, установить факторы, формирующие типы с.-х. производства, проанализировать внутреннюю закономерность развития и превращения одного типа с.-х. производства в другой.

Практически — при организации сельского хозяйства буржуазные теории ведут к полному игнорированию дифференциации крестьянского хозяйства, к ложной ориентации в методах организации крестьянского хозяйства. Гольц, Аэребо, Бринкман и др. немецкие ученые, Людоговский, Скворцов, Бажаев и др. совершенно игнорируют расслоение деревни; они не знают и не имеют никакого представления о классовом антагонизме, возникающем внутри самого крестьянства с появлением товарно-капиталистических отношений в сельском хозяйстве.

Проф. Чаянов, Макаров и другие представители «организационно-производственной школы», вместо социальной видят «демографическую» («семейно-биологическую») дифференциацию крестьянского хозяйства. В плоскости демографической дифференциации крестьянского хозяйства

конструируется теория организации сельского хозяйства (теория «трудо-потребительского баланса»).

Марксисты в отличие от буржуазных и мелкобуржуазных теорий утверждают (Ленин это доказал), что вне социально-экономических типов хозяйств невозможно понять и об'яснить структуру сельскохозяйственного производства.

И вот перед нами книга проф. Балашова. В ней автор с самого начала заявляет нам, что в основу анализа проблемы организации сельского хозяйства положен диалектический материализм. Превосходно! В таком случае мы в праве требовать от автора марксистской трактовки вопросов организации хозяйства, в частности критики буржуазных и мелкобуржуазных теорий, и марксистской постановки проблемы.

Послушаем критику проф. Балашова. «Несомненно, что трезвое мнение и русских и немецких экономистов, основателей учений об организации крупного с.-х. предприятия, совершенно правильно подходило к определению сущности его задач, т.-е. максимальной доходности. Этот немецкий практический подход к Unternehmung (к предприятию. *А. С.*), несомненно, более правилен, чем биологический подход проф. Чаянова к «его крестьянскому земледельческому предприятию» (см. стр. 6—7). Проф. Балашов, солидаризируясь с немецкими учеными, не разделяет точку зрения проф. Чаянова. Неясно, что хочет сказать этим автор, если на той же странице он пишет:

«Мы не можем согласиться с тем, что областью анализа и синтеза с.-х. предприятия ограничиваются вопросы организации хозяйства... Вопросы организации сельского хозяйства в целом давно переросли как узкие рамки составления организационных планов для крупных, средних и мелких с.-х. предприятий, так и об'ем заданий по изучению биолого-экономических процессов трудового крестьянского хозяйства в духе так наз. организационно-производственного направления» (стр. 7).

Сначала проф. Балашов признал подход буржуазных ученых к организации хозяйства правильным, потом как будто пытается возразить этим ученым и неонародникам, но в такой туманной форме, что с большим трудом удается уловить мысль автора. Повидимому, он сам неясно себе представляет, что, собственно, хочет сказать. В самом деле, буржуазные теоретики, преломляющие задачи и метод организации хозяйства через индивидуальное предприятие, не занимались вопросом об организационных планах крупного кулацкого, среднего и бедняцкого хозяйств, потому что об'ектом их изучения никогда не было массовое крестьянское хозяйство, во-первых, во-вторых, они вообще не признают дифференциальных групп хозяйства в деревне. Что касается «биолого-экономических» (терминология-то!) процессов в крестьянском хозяйстве, изучением коих занимается «организационно-производственная школа», так этот подход марксисты считали и считают глубоко ошибочным. По мнению же проф. Балашова, получается так, что в свое время биологический подход к рассмотрению крестьянского хозяйства был, несомненно, правильным. Очевидно, эти вопросы остались у автора непродуманными, иначе ничем не оправдывается, вносимая сюда проф. Балашовым, путаница.

Однако, проф. Балашов не ограничивается приведенной «критикой» и берет в этом направлении наиболее решительный курс:

«Работа В. Ильина (Ленина) еще в конце прошлого столетия,—пишет проф. Балашов,—разбив окончательно теорию народников и неонароднической так называемой «организационно-производственной школы об

особом сельско-трудовом принципе»[1]) организации крестьянского хозяйства, показала подлинный организационный уклад дифференциальных групп села» (стр. 8).

«Присоединяясь» к Ленину и в «соответствии» с его постановкой проблемы, проф. Балашов развивает свои положения: «Современный организатор должен обладать уменьем не только организовать хозяйство в данном имении с целью получения наивысшей его доходности, но прежде всего уметь разобраться в сложном вопросе социально-экономической природы хозяйства. Это основное требование, ибо, отрицая особые биологические стороны крестьянских хозяйств, мы все же должны признать, что каждая социальная форма хозяйства имеет свои экономические особенности. Крупное, среднее и мелкое хозяйство с наемным трудом, или основанное на трудовом принципе, поставленное в самые разнообразные отношения к рынку, дает столько вариантов организационных систем, что, не разобравшись в них, нельзя правильно построить хозяйственный организм»[2]).

Отсюда: «вместо единого об'екта имения, устройством которого заняты хозяйства..., имеем три об'екта: 1) с.-х. район, 2) группы однородных в социально-экономическом отношении хозяйств и 3) отдельные хозяйства с его специфическими особенностями» (стр. 8).

Если отбросить терминологические и логические неясности, то в общем постановка проблемы организации хозяйства здесь приближается к марксистской. Автор, исходя из положения тов. Ленина, пытается указать, что без учета дифференциальных групп и анализа социально-экономических процессов в сельском хозяйстве, нельзя охватить вопроса «организации» хозяйства. Но дальнейшая трактовка этих положений автором, как увидим ниже, не имеет ничего общего с марксизмом.

Нельзя не отметить, что проф. Балашов, нападая на «организационно-производственную школу» (Чаянова, Макарова и др.), вместо «биологического принципа», очевидно, в виде «компенсации» открыл какие-то дополнительные «экономические особенности» социальных групп, в придачу к существующим (кулак, середняк, бедняк).

Проф. Макаров, которого критикует автор, выдвинул «социально-экономические» особенности дифференциальных групп. Но попытка проф. Макарова проанализировать сельскохозяйственное производство в разрезе дифференциальных групп и затем сцепить социально-экономические группы с отдельными системами хозяйства не увенчались успехом. Правда, проф. Макаров «классовые» особенности крестьянских групп представил в свете «трудо-потребительской теории», от которой проф. Балашов отмахивается. Но тем не менее сами идеи об этих, как мы сказали, дополнительных «экономических особенностях» социальных групп заимствованы автором у проф. Макарова. Мы думаем, что нечего подчеркивать, что «трудио-потребительская» интерпретация этих категорий проф. Макаровым не имеет решительно ничего общего с марксизмом.

Автор пространно говорит о системах хозяйства. Спрашивается, как понимает он систему хозяйства и каким образом связывает автор систему хозяйства с социально-экономическими группами хозяйств?

---

[1]) Проф. Балашов, очевидно, совсем упустил из виду, что при всей гениальности тов. Ленина он не мог разбить своими работами конца прошлого и начала этого столетия «организационно-производственную школу», оформившуюся в последнее десятилетие. Однако, доля правды в замечвнии проф. Балашова, несомненно, есть: тов. Ленин глубоким анализом цифр и исторических фактов стер с лица земли народнические аргументы и иллюзии, вместе с тем больно ударил своими работами по неонародникам, воспринявшим многое у народников. Но это не то, что говорит проф. Бвлашов.

[2]) Стр. 7.

Проф. Балашов придает большое значение системам сельского хозяйства: «составляя основу с.-х. районирования, вопрос о системах сельского хозяйства является центральным моментом теории его организации, (стиль! «Под'езжая к станции, у меня слетела шляпа». *А. С.*), ибо только от системы хозяйства можно исходить при определении общих оснований организационного уклада с.-х. района и входящих в него отдельных хозяйственных единиц» (20). С другой стороны, систему сельского хозяйства автор увязывает с формой с.-х. производства: «Наша схема есть попытка... наметить организационно-производственные формы с.-х. предприятия, увязав между собою, во-первых, эволюцию техники, как первоосновы с.-х. производства (системы хозяйства с формами хозяйства)» (39).

Таким образом, теоретический анализ проблемы организации сельского хозяйства исходит из следующей логической схемы: 1) с.-х. район, изучение коего связано с анализом систем хозяйства и 2) форма с.-х. производства. Что же подразумевает автор под системой хозяйства? «Системой сельского хозяйства называется количественное и качественное сочетание отраслей, определяющее место хозяйства в процессе эволюции техники (интенсивность) с.-х. производства в пространстве (в разных районах) и во времени (в разные периоды)» (35).

И «под формой с.-х. производства следует подразумевать «внешнюю сторону с.-х. предприятия, определяющую устройство участвующих в производстве лиц между собой и к орудиям производства» (Стиль! «Устройство лиц» «к орудиям пр-ва») (21—22). Первая формулировка заимствована автором у проф. Людоговского, вторая у проф. Чупрова, А. И., понятие которых проф. Балашов несколько расширил.

Приведенными цитатами мы хотим показать читателю, каким путем в конечном итоге проф. Балашов теоретически претворяет проблему организации с. х. и практически увязывает социально-экономические группы с анализом систем хозяйства. Определением формы с.-х. производства, очевидно, автор устанавливает историческую роль и социально-экономическую природу отдельных предприятий. «Определение конкретно предусматривает... исторические формы—рыночные, материальные, крепостнические, капиталистические хозяйства... и формы отдельной хозяйственной единицы—хозяйство наемным трудом, трудовые и единоличные и коллективные помещичьи и крестьянские, совхозы и проч.» (22). Здесь проф. Балашов, не отставая от буржуазных ученых, погнался за «универсальной формулой», пригодной ко всем историческим этапам развития земледелия и приложимой ко всем формам с.-х. производства в ущерб углубленному уяснению социально-экономических типов и той их роли, которую они приобретают в анализе производственных типов хозяйства.

Отсюда аспект дифференциальных групп хозяйства в анализе центральных пунктов с. х. отодвигается на задний план, но благодаря этому проблема решается неверно. Не осознав до конца сущность расслоения крестьянского хозяйства в учении об организации хозяйства, проф. Балашов смазал кардинальнейшие вопросы этого предмета. С другой стороны, находясь под «влиянием» работ тов. Ленина, которые проф. Балашов постоянно цитирует, он принципиально пытается отстоять «марксистскую» точку зрения: только через призму социально-экономических групп, он предполагает вырешить вопросы с. х., придавая громадное значение «севообороту», который, по мнению автора, является реальным выражением системы хозяйства. Проф. Балашов отыскивает «социальные моменты» в севообороте. «После знаменитого спора,—читаем мы,—о преимуществах и природе разных форм хозяйств, после работ В. И. Ленина о расслоении крестьянства, после... Октябрьской революции—говорить о необходимости особой мерки для хозяйства каждой со-

циальной группы населения не приходится... На юге стало обычным... что зажиточные группы села при проведении общественного севооборота предпочитают оставлять побольше толочных и выгонных земель, а в самом севообороте побольше земли пускать под пар и озимые хлеба, тогда как маломощные хозяйства тянутся к более интенсивным севооборотам с широкими пропашными клиньями вместо пара... Этим самым признается строить отдельные севообороты для отстающих групп и... наиболее удачно разрешать вопрос о социальном моменте в севообороте». Проф. Балашов всюду подчеркивает свою солидарность с оценкой эволюции с. х. в России, данной т. Лениным. Поэтому не только теоретически, но практически в узких вопросах организации хозяйства полеводства, автор пытается исходить из социальных групп, предлагая вводить различные севообороты в различных социальных группах, именно такие севообороты, к которым тяготеют дифференциальные группы хозяйства.

Разумеется, подобная мера в отдельных районах степной и лесостепной полосы может быть и целесообразной. Но это мероприятие не исчерпывает вопросов организации хозяйства в различных социальных группах и для большинства губерний совсем не имеет кардинального значения. Далее, усматривая в севооборотах «социальные элементы» и развивая эту идею на 30 стр., автор впал в методологическую ошибку: центр тяжести теоретического анализа производственных типов хозяйства в аспекте социально-экономических групп он перенес в плоскость изучения роли и практического значения севооборотов крестьянства в хозяйстве.

Что касается найденных проф. Балашовым «социальных элементов в севообороте, так мы склонны отнести это открытие к «сверхсоциальной фантазии» автора. Правда, проф. Балашов в другом месте ставит вопрос об организации хозяйства шире: «севообороты, а вместе с ними и системы отраслей всего хозяйства в целом,—пишет автор,—т.-е. вся техника хозяйства неразрывно связана с его социальной сущностью» (54). «От сельскохозяйственного района вообще анализ переносится на социальные группы хозяйства, с целью определения организационных уклонов, что должно определять и уклон об'екта работы организатора, т.-е. организуемых с.-х. предприятий или их группы» (161). С этим положением можно было бы согласиться, если бы, во-первых, в нем была марксистская ясность, во-вторых, подобные соображения автора не носили бы случайного характера.

Развивая свою мысль, автор приходит к таким выводам: «С изменением хозяйства возрастает их трудоинтенсивность» (!) (54). «Отысканием оптимальной трудоинтенсивности хозяйства в гармоническом сочетании с капиталоинтенсивностью (!!!) (стр. 87). «Трудоинтенсивность» и «капиталоинтенсивность»—абсурдные понятия с марксистской точки зрения. Они покоятся на путанице вокруг понятий труда, земли и капитала.

Проф. Балашов пытается с точки зрения диалектического материализма критиковать теории, об'ясняющие локализацию с. х. (смена производственных типов хозяйства) «плотностью» населения или «законом падающей производительности последующей затраты. Но автор совсем «не заметил» упрощенной и ложной трактовки буржуазными учеными категории труда, земли и капитала, благодаря чему они смазывают диалектическое взаимодействие общества с природой и взаимоотношений классов внутри самого общества. Обо всем этом автор умолчал. Рассмотреть труд, землю и капитал в свете марксистской концепции—это значит отмести буржуазную теорию. Но работа эта, как видно, не по силам проф. Балашову, раз в основных вопросах он органически связан с ней.

Буржуазные теоретики усматривают в индивидуальных предприятиях высший критерий, олицетворение с.-х. производства в целом, через которое преломляются задачи и методы организации хозяйства. Процесс производства в земледелии и способы, регулирующие его на предмет добывания продуктов земледелия с наибольшей прибылью, они рассматривают под углом зрения «пресловутой триады»: труда, земли и капитала, ставя в один ряд эти понятия. Вместо того, чтобы подойти к организации с. х., как к диалектическому процессу, совершающемуся между обществом и природой, который в самом обществе принимает классовые формы, вследствие чего идет непрерывный процесс расслоения крестьянского хозяйства, буржуазные ученые заняты «соединением труда, земли и капитала», так сказать, в одну «равнодействующую силу» с целью извлечения максимального дохода из земледелия; они не различают этих факторов, раз они не видят классовых отношений в с.-х. производстве. Смешение экономических категорий (труда, земли и капитала) с техническими понятиями—методологически неверный и теоретически глубоко ошибочный прием, благодаря которому за закономерностью вещных отношений скрываются производственные отношения, а бросающиеся в глаза внешне-экономические категории делаются вечными.

Клятвы о диалектическом методе не мешают автору повторять неверные положения и выводы буржуазных ученых. Диалектика проф. Балашовым не совсем усвоена.

Особенно важно подчеркивать сейчас значение диалектического метода в изучении с. х. потому, что многие из молодых марксистов утверждают, что сельское хозяйство развивается эволюционно. Поэтому мы рассмотрим положения Балашова в этой связи несколько подробнее. Проф. Балашов в отдельных случаях правильно возражает, например, Скворцову, Бруцкусу, Бажаеву, Кожанову и другим, но нельзя согласиться с ним в следующем: «Челинцев теоретически правильно наметил,—пишет проф. Балашов,—необходимость эволюционного подхода, но не нашел соответствующей техники районирования, установленной затем Кожановым» (стр. 17). Вопрос стоит далеко не так просто, как рисует его автор. Проф. Челинцев конструировал классификацию с.-х. районов на базисе «генетических признаков», рассматривая каждый отдельный район как последующий фазис эволюции сельского хозяйства вне природных условий. С другой стороны, движущим экономическим фактором эволюции сельского хозяйства считал «*плотность населения*».

Кожанов справедливо возразил Челинцеву: «Во-первых, то, что он отрицал причинно-обусловленную зависимость систем производства (стадия) от природных условий и тем самым принял морфологию хозяйства за самодовлеющее начало с.-х. жизни, и во-вторых, то, что он морфологию формы сельского хозяйства рассматривает абстрактно» (стр. 17. Цитируем возражения проф. Балашова).

Следовательно, речь идет не только о технических приемах районирования, но и принципиально-теоретических. Проф. Балашов, против своего желания, защищает проф. Челинцева. Другое дело, что проф. Кожанов, вместе с проф. Челинцевым, глубоко ошибается, признавая «плотность населения» стандартирующими сельскохозяйственными факторами. Анализ динамики сельского хозяйства проф. Кожанова проф. Балашов отрицает и самым решительным образом обвиняет Кожанова в непонимании диалектического материализма: «Принцип антагонистической смены систем сельского хозяйства,—пишет Балашов,—требует больших оговорок: в действительности не существует «чистых форм», надо признать, что

сочетание систем хозяйства далеко не механическое, а глубоко органическое, и что при всем их антагонизме они... находятся в крепкой техническо-организационной связи. Даже и сам антагонизм надо... понимать чрезвычайно условно, ибо сплошь и рядом мы наблюдаем гармоническое сочетание элементов зерновых и скотоводческих систем» (стр. 71).

«В данном случае,—продолжает проф. Балашов,—речь должна итти о возникающей диспропорциональности формы и содержания, качества и количества, а не количественных моментов (систем между собой)». Требование высокой техники в сельскохозяйственном производстве (база), входя в противоречия с формами хозяйства (крепостничество, община, с принудительным трехпольем,—надстройка) сметала последние повсеместно или путем эволюции (?) или в виду бурных революций (Великая французская и наша Октябрьская). Здесь виден яркий пример революционного ниспровержения возникшей дисгармонии и антагонизма между количеством и качеством, базой и надстройкой, новой системой (техникой) производства и его отживающими формами» (17).

Проф. Балашов в отличие от проф. Кожанова понимает диалектический материализм несколько иначе. Однако, пользуясь этим методом в построении организации хозяйства, автор впадает в очевидную ошибку: «...*Сельское хозяйство подвержено неизменно действующему в производстве закону эволюции, постольку по закону диалектики (?) смена старых форм с.-х. производства основана на антагонизме*»... (См. выше. Курсив наш. *А. С.*). Это значит, что непрерывно импульсирующий закон эволюции в с. х. доводит его до определенного пункта, с которого вступает в действие закон диалектики, деформируя пришедшие в противоречие старые формы с.-х. производства с новыми формами. Или, что диалектический закон земледелия вызывается законом эволюции к периодически мгновенным действиям, к одновременным ударам, крушащим старые формы с.-х. производства. Если стать на подобную точку зрения, то придется признать, что антагонистическое развитие с. х. совершается вследствие неослабевающей силы действия закона эволюции (в пространстве и времени) и что в земледельческом производстве закон диалектики оказывается лишним... «требование высокой техники в с.-х. производстве «база», входя в противоречие с формами хозяйства... сметала повсеместно или путем (?) эволюции или в виду бурных революций...» (17).

Вот так диалектика! Проф. Балашов, поставив знак равенства закона эволюции с законом диалектики в с. х., подменил понятие последнего понятием первого. Диалектику автор, повидимому, усматривает *только* в таких фактах, как, напр., Французская и Октябрьская революции. Но ведь и революция есть результат антагонистически-диалектического развития общественных отношений; внутренние противоречия постоянно таятся и вырастают в недрах самого капиталистического общества, прежде чем найти свое разрешение в социальных революциях. Констатировать факты без соответствующего анализа—неблагодарный труд. И просто принципиально неприемлемо «диалектическое» мышление, отождествляющее эволюцию с диалектикой или совершенно игнорирующее диалектическое развитие с. х. Правда, закон диалектики включает в себя закон эволюции, однако, при этом этот последний лишается той окраски, которая обычно ему придается буржуазными и мелкобуржуазными теоретиками. Диалектическое развитие с. х.—это эволюционно-революционное движение и превращение одной с.-х. формы в другую. Противоречия в данной системе с. х., достигнув своего кульминационного пункта, находят разрешение в более совершенной системе земледельческого производства. Однако, во вновь возникшей форме с.-х. производства противоречия не

затухают, наоборот, по мере развития ее, антагонизм нарастает и обостряется, поскольку не ослабевает борьба человека с природой и при совершенствующейся технике.

Проф. Балашов, в противовес проф. Кожанову, в системах хозяйства находит глубоко органическую обусловленность, а не просто механическое сочетание их,—«гармонию» вместо «антагонизма». Автор допускает антагонизм между системой и техникой, но только не между, скажем, зерновой и скотоводческой системами хозяйства. «Смена с.-х. форм производства,—пишет проф. Балашов,—основана на антагонизме, возникающем между системой хозяйства и развивающейся техникой» (стр. 17). Совсем далек от истины проф. Кожанов, сводящий антагонизм с системой хозяйства «к борьбе человека с животным из-за пищи».

Собственно, бездарность этой теории слишком очевидна! Увеличивающаяся плотность населения и соответственно возрастающий спрос на продукты земледелия *фатально толкают человека к регулированию систем хозяйства, к пропорциональному распределению площади под зерновые и кормовые культуры на предмет удовлетворения пищей и человека и животного.* Это ограниченная концепция ближайшей своей целью ставит фальсифицировать классовый антагонизм общества и набрасывает тень на истинные взаимоотношения человека с природой. Здесь отчасти прав проф. Балашов: «...Следует окончательно сдать в архив выцветшую от старости и совершенно изжившую себя точку зрения о конкуренции между человеком и животным из-за пищи, о все возрастающей трудности производства пищи... от которой несет то прахом Мальтуса, то Ломбалля, то Давида» (стр. 37). «Техника вечно прогрессирует, переходя к все более высоким системам производства, разрывая на пути искусственные преграды в виде форм, созданных консервативными господствующими классами, и не следует затушевывать этой диалектически ясной картины...» (стр. 18).

Аргументы Кожанова необходимо отвергнуть, но и соображения Балашова нельзя признать. Само собою понятно, что производство с.-х. продуктов представляет собой органическое сцепление взаимодействующих систем хозяйства. (Правильней было бы сказать взаимодействующих отраслей, вместо систем). Бесспорна внутренняя взаимообусловленность и системах с. х.

Но посмотрите на динамический процесс сельского хозяйства, проф. Балашов, вникните в сущность диалектического развития форм с.-х. производства, вы обнаружите, что в системах хозяйства вместе с так называемой «гармонией» существует постоянный антагонизм.

Сплошной абсурд представляет собой утверждение, что противоречие возникает между системами хозяйства, как таковыми, или утверждение, об'ясняющее это противоречие, исходя из антагонизма «животного с человеком». Точно так же не возникает антагонизма техники с системой хозяйства, взятых *вне деятельности человека.* Известному уровню производительных сил соответствуют определенные производственные отношения в сельском хозяйстве, т. е. отношение людей друг к другу, стоящих в производстве и воздействующих определенным способом (сочетание средств производства с с.-х. отраслями—«система хозяйства») на естественные силы природы.

Техника в данной исторической фазе общественного производства и в промышленности и в сельском хозяйстве, определяя отношение людей к природе, степень организованности их в обмене веществ между человеком и природой, одновременно определяет отношение людей друг к другу и способ воздействия человека на природу, способ производства (натуральный, товарный, капиталистический). Координация средств

производства с отраслями сельского хозяйства, как рациональный момент земледельческого производства, есть в сущности определенный способ добывания продуктов земледелия, олицетворяющийся в той или иной системе сельского хозяйства. Прогрессирующая техника, вступая в противоречие с производственными отношениями, сметает изжившие себя способы производства и представляющие их классы.

С другой стороны, сельское хозяйство является одной из отраслей совокупного общественного производства, *где вполне мыслима интенсификация и рационализация*, постоянный *переход к наиболее совершенным техническим способам производства—от одной системы к другой в пределах капиталистического* производства, напр., от трехпольной зерновой к животноводческо-зерновой системе, от животноводческо-зерновой к плодосменной и т. д. Другими словами, господствующий способ капиталистического производства в сельском хозяйстве, покоящийся на высасывании прибавочной стоимости, революционизирует технику земледелия. Агрохимия, почвоведение, искусственные удобрения—агротехнические открытия вообще,—меняют непрерывно приемы возделывания почвы, с одной стороны, расширяющееся общественное разделение труда и рыночные связи ведут к специализации земледелия, к смене систем (к типизации) сельского хозяйства—с другой,—все это, вместе взятое, есть результат диалектического развития сельского хозяйства, вытекающий из борьбы человека с природой и внутри общества—между классами. Превращение общественных способов производства и с.-х. форм производства идет диалектическим путем. Но не следует смешивать общественных форм производства, характеризующих собой целые исторические эпохи с техническим способом производства в одной из отраслей всего общественного производства (текстильной, земледельческой, хотя в последней процесс пр—ва функционирует сложнее). где вполне мыслимы революционные перевороты в технике.

Отождествив диалектику с эволюцией, форму индивидуального хозяйства с социально-экономическим типом, систему сельского хозяйства с общественным способом производства в целом, проф. Балашов заблудился в противоречиях и не справился с поставленной задачей—представить «теорию организации хозяйства» в марксистском освещении.

Дальнейшие соображения по поводу затронутых вопросов лежат за пределами этой статьи. Но достаточно и сказанного, чтобы дать оценку «псевдо-марксистским» взглядам проф. Балашова.

Несмотря на то, что везде и всюду автор стремится подчеркнуть свою солидарность с марксизмом, несмотря на то, что кое-где в отдельных вопросах он приближается к истине, книга проф. Балашова переполнена туманными формулировками, вместо диалектической ясности, анализ кардинальнейших проблем организации хозяйства не верен, нет четкой линии раздела между задачей и методом организации индивидуального хозяйства и массового крестьянского хозяйства (этому вопросу мы придаем громадное значение), ни одного слова не сказано об организации сельского хозяйства в советских условиях и т. д. и т. п.

Таким образом, с появлением книги проф. Балашова далеко и далеко не удовлетворена потребность в марксистском пособии.

А. Сивогривов.